

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2015

Ежеквартальное издание

№ 2

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2015
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2015

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2015

Quarterly

№ 2

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2015
© Ivanovo State University, 2015

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторац**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Польшанский**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Новосибирский государственный университет.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Novosibirsk State University.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Меметов В. С., Комиссаров В. В.* Научное наследие
Э. А. Араб-Оглы через призму современности 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Лыскова И. Е.* Русская интеллигенция о роли
общественного движения *University Extension* в процессе
развития системы образования и персонального
менеджмента в России конца XIX — начала XX века 17
- Зябликов А. В.* Роль художественной интеллигенции в
формировании идеологии «веховства» 34
- Кузьмина В. М.* Ретрансляция социокультурных символов
советской эпохи в творчестве художественной
интеллигенции Центрального Черноземья 50
- Комиссаров В. В.* Интеллигенция, фантастика и социальные
прогнозы в советском обществе 1960—80-х годов 61
- Пигорева О. В.* Мировоззренческие поиски провинциальной
учительской интеллигенции в конце 1980-х — середине
1990-х годов 71

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Ахунзянова Ф. Т.* Специфика русского религиозного
сознания в рефлексии интеллигенции начала XX века 84

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

<i>Черноперов В. Л.</i> Юрген Хабермас в контексте моделей социально-политической самореализации западных интеллектуалов	100
<i>Макеев Д. А., Черемных С. А.</i> Нубар-паша: представитель интеллектуальной элиты Египта второй половины XIX века	109

ДЕБЮТ

<i>Назаров И. Д.</i> Роль и значение духовной интеллигенции при отправлении правосудия в Древней Руси	120
<i>Аннотации</i>	128
<i>Информация для авторов</i>	134

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Memetov V. S., Komissarov V. V.* Scientific heritage of
E. A. Arab-Oglou through the prism of the present-day 9

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Lyskova I. E.* Russian intelligentsia about the role of the social
movement *University Extension* in the process of
the education system development and personal management
in Russia at the end of the 19th — the beginning of the 20th
century 17
- Zyablikov A. V.* The role of the art intelligentsia in the formation
of «vehovstvo» ideology 34
- Kuzmina V. M.* Relaying socio-cultural symbols of the Soviet
era in creativity of the art intelligentsia of the Central
Chernozem region 50
- Komissarov V. V.* Intelligentsia, science fiction and social
forecasts in the Soviet society of 1960-s — 1980-s 61
- Pigoreva O. V.* World outlook searches of the provincial
teacher's intelligentsia at the end of 1980-s — the middle of
the 1990-s 71

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Akhunzyanova F. T.* Specificity of the Russian religious
consciousness in intelligentsia's introspection at the beginning
of the 20th century 84

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

<i>Chernoperov V. L.</i> Jurgen Habermas: reverses of self-actualization of an independent intellectual	100
<i>Makeev D. A., Cheremnykh S. A.</i> Nubar Pasha: a representative of Egypt's intellectual elite of the second half of the 19th century	109

DEBUT

<i>Nazarov I. D.</i> The role and value of the spiritual intelligentsia in the administration of justice in Ancient Russia	120
<i>Annotations</i>	131
<i>Information for authors</i>	134

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)6-283.2

В. С. Меметов, В. В. Комиссаров

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Э. А. АРАБ-ОГЛЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОСТИ

В октябре 2015 года исполняется 90 лет со дня рождения отечественного философа, социолога, футуролога Эдварда Артуровича Араб-Оглы (1925—2001). Когда-то очень известный и популярный автор, на сегодняшний день он удостоился всего двух строчек в «Википедии». Хотя бы по этой причине еще раз следует проанализировать творческое наследие ученого, ибо пренебрежение достижениями предшественников может обернуться скорым забвением собственных усилий.

Э. А. Араб-Оглы принадлежал к поколению «шестидесятников» и в своем жизненном пути, и в своих взглядах воплотил многие характерные черты данной генерации отечественной

© Меметов В. С., Комиссаров В. В., 2015

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир». vs_memetov@mail.ru

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГБОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д. К. Беляева». cosh-kin@mail.ru

Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

интеллигенции. Он не принадлежал к оппозиции, не участвовал в протестных акциях диссидентов. Напротив, исследователь добился в марксистском общественном знании больших высот и приобрел значимый статус. Э. А. Араб-Оглы работал в редакциях таких журналов, как «Вопросы философии» и «Проблемы мира и социализма», руководил отделом в Институте международного рабочего движения, преподавал в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Ученого отличала широта взглядов, актуальность поставленных вопросов, нетривиальность решений. Декретом президента Французской республики Эдвард Артурович Араб-Оглы получил звание профессора Сорбонны.

Э. А. Араб-Оглы одним из первых в советском марксистском общественном знании стал заниматься футурологией как научным прогнозированием будущего. Следует заметить, что, несмотря на футуристический характер официальной идеологии (имеется в виду программа ускоренного построения коммунизма), подобные исследования в СССР не поощрялись. Э. А. Араб-Оглы с группой молодых социологов попытался переосмыслить общественные проблемы в рамках концепции постиндустриализма. Задача была не из легких. Это связано с тем, что в СССР данная теория не получила позитивного развития. В советском общественном знании понятие постиндустриализма подменялось идеей научно-технической революции (НТР)¹. Также следует учитывать, что концепция постиндустриализма привела к оценкам возможной трансформации социальной структуры общества и появления нового господствующего класса. В этих теоретических построениях интеллигенции отводилась особая роль. Американский ученый Д. Бернхейм сделал вывод, что на поздних стадиях развития капитализма наряду с буржуазией и пролетариатом должен возникнуть новый класс, он займет лидирующие позиции в той стадии, которая придет на смену буржуазному обществу. В качестве предтечи нового класса Д. Бернхейм рассматривал «управляющих» (руководителей производства, администраторов, чиновников), М. Джилас — государственную правящую бюрократию СССР и других государств марксистского социализма. Схожие с М. Джиласом идеи высказывал М. Восленский². Иначе говоря, в качестве будущего доминирующего класса стали рассматриваться группы и отряды интеллигенции³.

Данное веяние мировой социальной мысли нашло свое отражение и в деятельности Э. А. Араб-Оглы и его коллег. В 1969 году они выступили в коллективном сборнике, посвященном социальным аспектам НТР. В этом издании авторы декларировали возникновение в ходе НТР высокообразованной рабочей интеллигенции и, как следствие, формирование нового рабочего класса, а также новой категории управленцев.

Э. А. Араб-Оглы в рамках сборника заявил тезис, что в условиях НТР сфера высшего образования будет расширяться, пока не приобретет всеобщий характер. «Современное общественное производство как при социализме, так и при капитализме нуждается в возрастающем количестве высококвалифицированных специалистов, обладающих знаниями на уровне последних достижений науки и техники, — писал Э. А. Араб-Оглы. — По мере того, как возрастает значение умственного труда по сравнению с физическим, роль квалификации работников по сравнению с их количеством, принцип “максимум образования максимальному числу людей” становится не только требованием социальной справедливости, но и условием расширенного воспроизводства основной производительной силы общества — трудящегося человека. К концу нашего (XX. — *В. М., В. К.*) века в экономически наиболее развитых странах подавляющая часть подрастающего поколения должна будет получать образование, равноценное высшему»⁴. Схожие идеи ученый повторял и в своих публикациях 1980-х годов: «В обозримом будущем, по всей вероятности уже в начале следующего столетия (XXI. — *В. М., В. К.*), высшее образование станет столь же распространенным и, возможно, обязательным, как сейчас среднее, а такие формы подготовки специалистов высокой квалификации, как аспирантура, ординатура и т. п., окажутся столь же массовыми, как ныне высшее специальное образование»⁵. Нельзя не отметить, что жизнь подтвердила точность прогноза ученого.

Соавтор Э. А. Араб-Оглы по сборнику — социолог А. К. Останин пошел еще дальше и поставил вопрос о трансформации советского общества под влиянием НТР. Его острота состояла в том, что сама концепция НТР была введена в научный оборот, чтобы избежать дискурса о социально-политических изменениях. А. К. Останин, прежде всего, пересмотрел марксистское понимание

интеллигенции: «Данное определение верно, но оно не выражает эволюции трудовой деятельности интеллигенции под влиянием научно-технической революции. Для значительной части интеллигенции характерным является не “чистый” умственный труд. Современная научно-техническая революция превращает многочисленные отряды не только ИТР (инженерно-технические работники. — *В. М., В. К.*), но и ученых в активных работников, сочетающих в своем труде умственные и физические функции, где умственные функции определяют содержание и характер труда»⁶. Авторы сборника приводили примеры сращивания научно-технических работников и рабочих в условиях автоматизированного производства на передовых советских предприятиях, например на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате⁷. В этой части социологов подвергали вполне справедливой критике за единичность приводимых примеров. Но, вероятно, главной причиной критики стало то обстоятельство, что идея о сращивании рабочего класса с интеллигенцией и образование на их базе новой страты могла поставить вопрос о ликвидации политической гегемонии пролетариата, что считалось неприемлемым с идеологической точки зрения.

Авторы настоящей статьи в одной из своих прежних публикаций отмечали, что предпринимаемые в конце 1960-х годов попытки переосмыслить место и роль интеллигенции, отказаться от узкого социoproфессионального подхода, не получили развития⁸. Это было связано в том числе и с международной обстановкой. Трактовка интеллигенции как класса управляющих приобрела особое звучание у идеологов «Пражской весны». Они провозглашали рабочий класс политически инертной силой, не способной возвыситься до понимания насущных задач общества в целом, вырваться из круга сугубо производственных интересов. В качестве единственной демократической и сознательной силы современного прогресса выдвигалась интеллигенция⁹. Естественно, что после таких оценок любые попытки пересмотреть политическую роль интеллигенции воспринимались как ревизионизм. Поэтому в начале 1970-х годов, когда консервативные тенденции в советском общественном сознании определились довольно четко, Э. А. Араб-Оглы был вынужден сменить акценты и подвергнуть жесткой критике внеклассовый характер теории постиндустриализма. Он писал

в 1972 году: «Концепция “послеиндустриального общества” во всех ее вариантах своим идеологическим острием, вне всякого сомнения, обращена против теории научного коммунизма. Она предлагает свою, немарксистскую интерпретацию общественного прогресса в целом и социальных последствий научно-технической революции в частности, пытается соблазнить общественное мнение различными “неокапиталистическими” альтернативами. И эта антимарксистская направленность отдельных вариантов прямо пропорциональна их теоретической убогости и претенциозности»¹⁰.

Э. А. Араб-Оглы, вероятно, первый советский социолог, который стал профессионально заниматься научной фантастикой. Еще в 1962 году он опубликовал в крупном философском журнале статью по этой теме¹¹. Отдавая дань эпохе, ученый много места уделил критике бездуховной западной фантастики, но приводил и позитивные примеры и назвал имена, как тогда выражались, «прогрессивных авторов». Затем Э. А. Араб-Оглы подготовил ряд предисловий и послесловий, энциклопедических статей по жанрам и видам фантастики, а также широко использовал материал литературной фантастики в своих социологических и футурологических исследованиях. Он вошел в редакционную коллегию 25-томной «Библиотеки современной фантастики», которая издавалась «Молодой гвардией» в 1965—1973 годах. В рамках данного проекта Э. А. Араб-Оглы написал предисловие и послесловие к романам П. Буля «Планета обезьян»¹² и А. Азимова «Конец Вечности»¹³. Это не были дежурные тексты. Ему приходилось доказывать, что произведения допустимы для советского читателя. Особенно это касалось романа А. Азимова. С легкой руки ряда критиков «Конец Вечности» рассматривался в СССР как реакционная технократическая утопия. Э. А. Араб-Оглы был вынужден особо оговаривать прогрессивный характер воззрений писателя: «На самом деле социальная фантастика Азимова представляет собой прямую противоположность тому, что ей приписывали некоторые либо чересчур наивные, либо явно недоброжелательные критики, обделенные фантазией»¹⁴.

Э. А. Араб-Оглы стал составителем 20-го тома «Библиотеки...», посвященного скандинавской фантастике. В антологию вошли романы шведских авторов П. Валё «Гибель 31-го отдела»

и К. Бойе «Каллокаин». Эти произведения имели репутацию антитоталитаристских, что позволяло ряду зарубежных критиков считать их антисоветскими. Поэтому опять пришлось доказывать, что они могут быть напечатаны в СССР. Во всех своих предисловиях и комментариях к литературным текстам Э. А. Араб-Оглы был предельно социален. «Романы “Гибель 31-го отдела” и “Каллокаин” во многих отношениях отражают весьма типичные умонастроения широких слоев демократической интеллигенции на современном Западе, зажатой, как они полагают, в тиски между двумя альтернативами... — писал ученый. — С одной стороны... угроза террористической диктатуры, аналогичной фашизму, которая сохраняет свою реальность; с другой... пресловутое общество изобилия, мнимого мещанского благополучия, засилья потребительской психологии и изощренного манипулирования сознанием и поведением масс»¹⁵.

Показательно, но обозначенные Э. А. Араб-Оглы угрозы сохраняют свою актуальность и в настоящее время. Кроме того, его усилия по продвижению данных произведений к советскому читателю не пропали даром. Несмотря на неоднозначность трактовки, роман П. Валё «Гибель 31-го отдела» приобрел в СССР заметную популярность и даже дважды экранизировался. В 1972 году Центральное телевидение СССР совместно с Ленинградской студией телевидения подготовило трехсерийный телеспектакль «31 отдел». В нем были заняты многие актеры ленинградского Большого драматического театра (ныне БДТ имени Г. А. Товстоногова). Центральную роль — инспектора Иенсена — исполнил Ефим Копелян. Спустя 8 лет на киностудии «Таллинфильм» был снят двухсерийный телефильм «Гибель 31 отдела», где Иенсена сыграл Лембит Ульфсак.

Заметное внимание Э. А. Араб-Оглы уделял работе над понятийным аппаратом научной фантастики. Например, он подготовил для «Философского энциклопедического словаря» статью «Утопия», которую определял как «изображение идеального общественного строя, лишенное научной обоснованности... одна из своеобразных форм общественного сознания традиционно воплощала в себе такие черты, как осмысливание социального порядка, критику существующего строя, а также попытки предвосхитить будущее общества»¹⁶. Конечно, и здесь на выводы ученого

влияли особенности эпохи и идеологические предписания. К примеру, понятие «антиутопия» определялось им как «идейное течение современной общественной мысли на Западе, которое, в противоположность утопии, отрицает возможность достижения социальных идеалов и установления справедливого общественного строя, а также, как правило, исходит из убеждения, что любые попытки воплотить в жизнь справедливый общественный строй сопровождаются катастрофическими последствиями»¹⁷. В данной дефиниции присутствует явная недосказанность. К моменту написания этого материала (первая половина 1980-х гг.) в советской фантастике уже были примеры антиутопий («Хищные вещи века» братьев Стругацких, «Час быка» И. А. Ефремова). Поэтому утверждение, что антиутопия характерна только для общественной мысли Запада, сделано в угоду официальной идеологии, тем более что автора статьи сложно упрекнуть в незнании вопроса. Но здесь Э. А. Араб-Оглы был не одинок. Например, отечественный критик и библиограф А. Н. Осипов вообще разделял понятия «антиутопия» и «роман-предостережение». Он мотивировал свою позицию тем, что роман-предостережение не несет социального пессимизма и неверия в прогресс, характерных для антиутопии. «Иными словами, писатель-фантаст рассказывает о таком будущем, каким оно не должно быть, и тем самым как бы заранее предупреждает о тупиковых путях развития, но при этом руководствуется всё же историческим оптимизмом, верой в гуманистические начала разума», — отмечал А. Н. Осипов¹⁸. В данной позиции также можно усмотреть влияние официальной идеологии. Фактически, это попытка развести зарубежную и советскую антиутопии, продемонстрировать, что в советском общественном сознании не могло быть места историческому пессимизму.

Несмотря на элементы идейного доктринерства, научное наследие Э. А. Араб-Оглы сохраняет свою актуальность по сей день. Попытка ученого разорвать кабинетные догматы официальной науки, почерпнуть новые идеи и мысли в художественной фантастике заслуживает самого пристального историографического внимания. Выводы философа, его методы и приемы имеют перспективы развития и в современных интеллигентоведческих исследованиях.

Примечания

- ¹ *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970—1980-е годы. М. : Наука, 2007. С. 4.
- ² *Джилас М.* Новый класс : анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1958 ; *Восленский М.* Номенклатура : господствующий класс Советского Союза. М. : Захаров, 2005.
- ³ *Комиссаров В. В.* Советская интеллигенция 1960—80-х гг. и вызовы постиндустриализма // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 9—19.
- ⁴ *Араб-Оглы Э. А.* О социальных последствиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М. : Мысль, 1969. С. 28.
- ⁵ *Араб-Оглы Э. А.* Обозримое будущее : социальные последствия НТР — год 2000. М. : Мысль, 1986. С. 175.
- ⁶ *Останин А. К.* Влияние научно-технической революции на изменения социально-классовой структуры советского общества // Научно-техническая революция и общественный прогресс. С. 99.
- ⁷ Там же. С. 108.
- ⁸ *Меметов В. С., Комиссаров В. В.* Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 70—80.
- ⁹ К событиям в Чехословакии : факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М. : Пресс-группа сов. журналистов, 1968. С. 35—36.
- ¹⁰ *Араб-Оглы Э. А.* В лабиринте пророчеств : социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М. : Мол. гвардия, 1973. С. 67.
- ¹¹ *Араб-Оглы Э. А.* Светопреставление в космосе : заметки социолога о современной фантастической литературе на Западе // Вопросы философии. 1962. № 3. С. 109—119.
- ¹² *Араб-Оглы Э.* Предисловие // Буль П. Планета обезьян ; Рассказы. М. : Мол. гвардия, 1967. С. 5—24.
- ¹³ *Араб-Оглы Э. А.* «Конец Вечности» — роман-предостережение // Азимов А. Конец Вечности. М. : Мол. гвардия, 1966.
- ¹⁴ Там же. С. 245.
- ¹⁵ *Араб-Оглы Э. А.* Между Сциллой и Харибдой // Антология скандинавской фантастики. М. : Мол. гвардия, 1971. С. 366.
- ¹⁶ См.: *Философский энциклопедический словарь.* М. : Сов. энцикл., 1983. С. 710.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 29.
- ¹⁸ *Осипов А. Н.* Основы фантаствоведения. М. : ВНИЦ НТ и КПП МК СССР, 1989. С. 12—13.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 60.543.132.1

И. Е. Лыскова

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ *UNIVERSITY EXTENSION* В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРСОНАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Одним из оригинальных примеров внедрения инноваций в систему образования, обеспечивающих эффективные процессы и результаты индивидуального и социального развития человека, следует считать общественное движение *University Extension*. Особенно широкий размах это движение (The University Extension Movement) получило в странах Западной Европы (Англии, Бельгии, Австрии, Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии и др.) и Северной Америки (Соединенных Штатах, Канаде) в последней четверти XIX — начале XX века.

Отметим, что сам термин «University Extension», означавший буквально «распространение университетского образования», вошел в научный оборот в 1871 г. и получил активное применение в теории и практике образовательной деятельности благодаря английскому профессору астрономии Д. Стюарту. Именно он признан автором модели образования *University Extension*, продолжающей свое развитие вплоть до настоящего времени¹.

© Лыскова И. Е., 2015

Лыскова Ирина Ефимовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Коми республиканской академии государственной службы и управления. IrinaLyskova@mail.ru

Существенную роль образовательная система *University Extension* обеспечила в процессе формирования зарубежной и отечественной модели персонального менеджмента. В конце XIX — начале XX века система персонального менеджмента (self-management) понималась как совокупность теоретических и практических аспектов жизнедеятельности человека, направленных на обеспечение индивидуального развития (self-development), образования и, в большей степени, самообразования (self-education), а также самореализации в сфере профессиональной деятельности (self-realization)².

Обучение по типу *University Extension* включало в себя следующие компоненты: во-первых, посещение слушателями еженедельных лекций, которые сопровождалось так называемыми «классами» (своеобразными практическими и семинарскими занятиями), на которых обсуждались наиболее важные вопросы; во-вторых, «силлабус», т. е. подробный конспект лекций, предназначенный для предварительной подготовки слушателей к аудиторному занятию; в-третьих, регулярные еженедельные письменные работы, которые должны своевременно выполняться слушателями курсов; в-четвертых, завершение образовательной программы предусматривало итоговый экзамен и получение соответствующего сертификата.

В целом подобные занятия требовали около двух, иногда трех лет. Слушатель, выдержавший экзамены по предусмотренной программе, получал статус «студента, аффилированного при университете». Это давало право продолжить обучение в университете и, выдержав экзамен, получить степень бакалавра в двухлетний срок³. Приведем отрывок из письма слушателя из Ньюкасла (Newcastle), который одним из первых был допущен к прохождению обучения в Кембриджском университете по новой образовательной программе. Он писал: «Честно говоря, мы особенно не переживали по поводу нашего будущего статуса, но мы и не предполагали, что многим представится возможность обучаться в течение двух лет в Кембридже. Бесспорно, что это было очень хорошо и для преподавателей, и для самих слушателей. Однако в связи с постоянной занятостью на работе больше волновала наша способность к систематическим учебным занятиям в течение трех лет...»⁴ В целом, по мнению этого студента, занятия

по типу *University Extension* полностью устраивали и в плане организации, и в плане умеренной стоимости.

Модель *University Extension* практически сразу вызвала значительный интерес специалистов, исследующих проблемы развития образования. Английский ученый Р. Робертс, имевший непосредственное отношение к организации таких занятий изначально в качестве лектора, позже — с 1881 г. как ассистент и ответственный секретарь специально созданного в 1875 г. Синдиката для устройства провинциальных лекций при Кембриджском университете (Cambridge Local Examinations and Lectures Syndicate), с 1886 г. в качестве секретаря Лондонского общества для распространения университетского образования (London Society for the Extension of University Teaching), созданного в 1875 г., провел тщательный анализ первого опыта (с 1873 г.) теории и практики этого образовательного движения⁵.

Р. Робертс выделил ряд характерных признаков, присущих новой, стремительно развивающейся модели высшего образования. Прежде всего, он подчеркнул, что она обеспечивала новые подходы к содержанию естественно-научного, технического и гуманитарного знания в соответствии с требованиями времени. По его мнению, даже такие традиционные области научного знания, как философия, история и литература, нуждались в новом идейном содержании, призванном содействовать социальному благополучию. Во-вторых, Р. Робертс отмечал уникальность самой методики обучения, тщательно проработанной Д. Стюартом и соответственно обеспечивающей высокое качество образования. В-третьих, существенной характеристикой нового социального движения являлось признание прав женщин на образование и необходимость обеспечения условий для их интеллектуального и культурного развития. Впрочем, новая методика создавала благоприятные условия для удовлетворения возрастающей потребности в получении высшего образования в широких кругах английского общества независимо от социального статуса. Особый интерес к новому образовательному направлению проявили рабочие, ремесленники, торговцы, клерки, лица, не имеющие определенных профессиональных занятий, особенно женщины и молодые люди⁶.

По просьбе профессора Д. Стюарта Кембриджский университет взял под свое покровительство организацию курсов

по самообразованию заинтересованной в этом публики. В ряде городов (Ньюкасле, Дерби, Экссере, Гуле, Плимуте, Скерборо, Сендерланде) были созданы филиалы *University Extension*.

Инициативу Кембриджского университета с энтузиазмом приняли Оксфорд и Лондон. Здесь при университетах также были организованы Общества для распространения университетского образования. Следует отметить, что особое внимание Оксфордское общество *University Extension* уделяло организации занятий в провинциальных районах Англии, где потребность в высшем образовании проявлялась особенно остро. В целях учебно-методического обеспечения слушателей Оксфордское общество издавало более подробные в сравнении с кембриджскими силлабусы. Кроме того, в провинциальных филиалах *University Extension* активно использовались так называемые «подвижные библиотеки». Вместе с тем, оксфордские специалисты *University Extension* более гибко подходили к продолжительности лекционных занятий. Они в отличие от кембриджских коллег вместо двенадцатичасовых лекций отдали предпочтение более коротким курсам (до шести лекций), больше внимания уделяли практическим аспектам исследуемой проблематики.

Деятельность Лондонского общества распространения университетского образования обрела не меньшую популярность. Оригинальной в ее практике стала организация особых университетских поселений, которые состояли из нескольких домов, в каждом из них находилось какое-либо просветительское учреждение. Университетские поселения осуществляли не только образовательную деятельность, но и всячески содействовали самообразованию слушателей, занимались организацией досуга взрослых и детей.

В целях улучшения эффективности деятельности, особенно в аспекте повышения качества образования, в 1886 г. было создано «Соединенное бюро университетов», в состав которого вошли Кембриджская, Оксфордская и Лондонская организации *University Extension*. Отметим, что обучение было платным. Стоимость одного курса из двенадцати лекций и ряда «классов» в среднем составляла 40—45 фунтов стерлингов⁷. Тем не менее, эти образовательные программы были очень востребованы.

Постепенно при поддержке благотворительных ресурсов новая образовательная модель стала неотъемлемой частью

национальной системы высшего образования Англии. Открытие специальных колледжей, финансируемых из местного бюджета, действительно обеспечило широкое «распространение университетского образования».

Как подчеркивал Р. Робертс, одной из причин успешной образовательной деятельности стала поддержка нового общественного движения местными органами власти. Этот факт отмечался и в отчетном докладе Синдиката для устройства провинциальных лекций при Кембриджском университете (Cambridge Local Examinations and Lectures Syndicate) за 1873 г.: «...деятельность Синдиката, уполномоченного реализовать эксперимент по организации лекций и сдаче студентами соответствующих экзаменов... могла быть эффективной только при гарантированной поддержке местных властей»⁸. Система мер, направленных на поддержку развития высшего образования в свою очередь обеспечивала повышение ценности образования в английском обществе.

Постепенно сформировалась мощная государственная система высшего образования, в которой были задействованы все социальные группы. Особую пользу от нее получили женщины и молодежь, а также люди, не имевшие возможности приостановить трудовую деятельность с целью получения образования. Вместе с тем, обращалось внимание на широкий спектр областей научного знания, которые могли изучаться: естествознание, политическая экономия, промышленная и коммерческая история, география, язык, история и культура Англии, литература и искусство и др. Сама методика обучения давала хорошие результаты в плане качества полученных знаний. Образовательная программа могла выстраиваться с учетом индивидуальных потребностей и возможностей студентов⁹.

Очень скоро, в конце 80-х гг. XIX века, об уникальной модели «распространения высшего образования» стало известно в Соединенных Штатах. Многие позитивные начинания англичан получили здесь дальнейшее развитие. Первоначально нашли широкое применение публичные лекции и курсы. Они организовывались специальными обществами самообразования — «лицеями». Если в Англии впервые была осуществлена практика провинциальных лекций университетского типа, то здесь нашли применение наряду с лекциями и другие формы работы.

Огромное значение в практике американской модели получили летние съезды учащихся и руководство домашним чтением в целях самообразования по переписке. В начале XX столетия такими «заочными курсами» было охвачено полтора миллиона учеников. Обучение на этих курсах было доступно для всех работающих. Родиной нововведений в систему образования Северной Америки стал провинциальный городок Шотоква, расположенный между Нью-Йорком и Чикаго.

Инициатором введения английской системы *University Extension* в Америке стал профессор Адамс из университета Джона Гоплинса в Балтиморе. В 1890 г. под его началом было создано Общество распространения университетского образования в Филадельфии. В его функции входила организация публичных лекций в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне и Филадельфии¹⁰.

Главной отличительной чертой американской модели *University Extension*, в сравнении с английской, стала возможность осуществления массового самообразовательного движения совместно с государственными структурами: университетами, библиотеками, музеями, другими учреждениями культуры и образования. Это обеспечивало стабильную финансовую поддержку государства. Движение *University Extension* стало рассматриваться как составная и законная часть общей системы народного образования Северо-Американских Соединенных Штатов¹¹.

Внедрение этой модели в американскую систему образования приобрело поистине грандиозные масштабы. Одной из первых обобщающих работ по истории *University Extension* в Соединенных Штатах была публикация В. С. Биттнера (W. S. Bittner), который являлся исполнительным директором Отделения *University Extension* университета штата Индианы. В предисловии к своей работе Биттнер отмечал, что значительная часть документов и статистических материалов была ему предоставлена Департаментом образования при Министерстве внутренних дел Соединенных Штатов (Department of the Interior, Bureau of Education), а также руководителями ряда специальных служб и подразделений, обеспечивающих эту деятельность. В. С. Биттнер акцентировал внимание на значительной роли *University Extension* в процессе общественного развития. Он писал: «Среди либеральных идей, преобладающих в современном общественном сознании, является

мысль о стремительном распространении образования. Пока нет исследований, в полной мере определяющих сущность и масштабы абсолютно нового направления развития образования. Однако одно определяется точно: тенденция развития образования в отношении широких народных масс и социальных групп, независимо от статуса, социальной принадлежности и материального положения; в отношении мужчин, женщин и детей без каких-либо ограничений человеческих прав с провозглашением равных возможностей получить пользу от приобщения к искусству и науке. Литература, история, философия, все другие дисциплины, которые ранее изучались привилегированным меньшинством, сейчас становятся предметом изучения стремительно возрастающего количества людей... Люди стремятся к знанию, к образованию, которое открывает двери к полноценной жизни»¹².

История образования и персонального менеджмента, в частности такого значимого его направления как самообразование, в России в конце XIX — начале XX века неразрывно связана с образовательным движением *University Extension*. Российская передовая интеллигенция, равнодушная к задачам развития народного образования, была знакома с уникальным опытом «распространения университетского образования» в странах Западной Европы и Северной Америки. Особого внимания заслуживают два научных коллектива, созданных под началом известных русских ученых, профессоров высшей школы России, активных политических и общественных деятелей П. Н. Милюкова и Н. И. Кареева.

Первым опытом применения новой системы образования в России явилось учреждение специальных обществ для содействия самообразованию¹³. По политическим мотивам создание самостоятельных организаций *University Extension* в условиях российской действительности было невозможно, поэтому новое направление работы организовывалось под эгидой других авторитетных учреждений. В 1893 г. в Москве при Учебном отделе Общества распространения технических знаний начала работу Комиссия по организации домашнего чтения под руководством П. Н. Милюкова. В 1894 г. в Санкт-Петербурге при Учебно-воспитательном Комитете Педагогического музея военно-учебных заведений открылся Отдел для содействия самообразованию. Организатором отдела был Н. И. Кареев. Главной целью этих общественных организаций

признавалось «распространение научного знания в самых широких кругах, где только в нем чувствовалась потребность»¹⁴.

Идея демократизации образования, получившая практическое воплощение посредством массового движения *University Extension* в странах Западной Европы и Северной Америки, была особенно привлекательна для новых общественных организаций. Как отмечал П. Н. Милуков, «смысл этого движения заключается в демократизации высшей школы, в стремлении приблизить университет к народу и сделать образование... достоянием всего народа и задачей целой жизни»¹⁵.

Н. И. Кареев также был активным сторонником идеи демократизации общего и профессионального образования. «Право на общее образование, — писал ученый, — такое же естественное право личности, как и ее право на жизнь, на свободу, на счастье, и, конечно, идеалом общего образования должно быть то, чтобы оно действительно было общим всем членам каждого культурного народа»¹⁶.

Однако парадокс заключался в том, что доводы русской интеллигенции о значимости и роли образования в общественной жизни практически не воспринимались российским государственным аппаратом. Система государственного управления была настолько консервативна и далека от понимания насущности просвещения народа, что не осознавалась степень опасности последствий, к которым могло привести сдерживание запросов российского общества на образование.

Приведем несколько фактов, свидетельствующих о злободневности задач развития общего и профессионального образования для России конца XIX — начала XX века. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в России на 126 млн населения грамотных было только 26,5 млн. Это свидетельствовало о том, что на каждую тысячу населения приходилось 788 неграмотных. В других странах в том же году данное соотношение было следующим: в Германии на тысячу населения неграмотных было только 20 человек, в Англии — 80, во Франции — 150 человек. В 1906—1908 гг. в Северной Америке на каждую тысячу жителей приходилось 210 детей, обучавшихся в школах, в Англии — более 170, в Германии — около 160, во Франции — немногим более 140, в Японии — более 110. В России на каждую тысячу жителей

число учащихся в школах составляло около 40 человек. В 1906 г. население России насчитывало 141,5 млн человек. Из этого числа 12,736 млн были дети школьного возраста. В школах учились только 5,389 млн человек, а остальные (более 7,3 млн детей) не могли учиться по причине недостатка школ¹⁷.

Проблемы народного образования приобретали особый вес в глазах передовой российской интеллигенции. Известный критик и публицист А. И. Богданович, активно пропагандирующий важность образования и самообразования для российского общества, писал: «В числе многих задач, оставленных XIX веком в наследие XX, едва ли не первое место занимает проблема просвещения. Казалось бы, именно в этой области прошлый век сделал так много, и, тем не менее, в новом столетии мы стоим перед задачей просвещения в недоумении и нерешительности, как быть с нею, и вопрос, что делать, редко когда имел такую остроту как теперь...»¹⁸

Отметим, что к средним образовательным учреждениям, главным образом, относились мужские и женские классические гимназии и прогимназии с неполным гимназическим курсом, духовные семинарии, а также реальные училища, именуемые до 1871 г. реальными гимназиями. В 1898 г. в России насчитывалось 180 (мужских) гимназий, 48 прогимназий, 98 реальных училищ, 58 семинарий (более 19 тыс. человек). Через десять лет положение существенно изменилось. К 1 января 1909 г. было уже 278 гимназий и 38 прогимназий (112 912 учащихся), 207 реальных училищ, 689 женских гимназий и прогимназий. К 1914 г. насчитывалось 441 гимназия (148 тыс. учеников), 284 реальных училища (80 800 учеников), 57 семинарий (23 тыс. учащихся). Как видим, наблюдался значительный рост числа средних учебных заведений, главным образом, гимназий и реальных училищ. Соответственно возрастала численность учащихся. В процентном отношении, по данным на 1913 г., количество реальных училищ составляло 64,4 % от числа классических гимназий. «Реалистов» было 54,7 % от контингента учащихся классических гимназий¹⁹.

Что касается высшей школы, то к февралю 1917 г. она объединяла 124 учебных заведения (65 правительственных и 59 общественно-частных): 11 университетов и 40 школ университетского типа, 9 педагогических институтов и высших курсов, 9 учебных заведений музыкально-театрального и изобразительного искусства,

7 духовных учебных заведений, 19 инженерных, 15 сельскохозяйственных, 6 коммерческих институтов, 8 военных и военноморских академий и высших училищ. В 1917 г. в них занималось свыше 135 тыс. учащихся обоего пола. Для сравнения приведем следующие данные. Общее количество студентов к 1900 г. составляло 16497 и 1109 вольнослушателей. Через десять лет это число увеличилось более чем в два раза — до 35 тыс. человек. Таким образом, наблюдается стремительный рост численности студенчества. За семь лет (с 1910 по 1917 г. она возросла более чем на 100 тыс.). Самыми многолюдными университетами были Московский и Петербургский. К концу первого десятилетия XX века число студентов в них доходило до девяти и восьми тысяч соответственно²⁰. Тем не менее, положение дел в системе общего и профессионального образования в России существенно уступало тенденциям, закрепившимся в странах Западной Европы и Северной Америки. Российская интеллигенция, осознавая противоречивость сложившегося положения, искала новые возможности для удовлетворения потребности народа в образовании и особенно в самообразовании.

В конце XIX века теория и практика «распространения университетского образования» в самых широких кругах получила особую известность в России. Как отмечал П. Н. Милуков, вопросы самообразования стали «серьезно интересовать значительную часть русского общества»²¹. В 1895 г. российский публицист Б. Б. Глинский также указывал на то, что «вопрос о “самообразовании” уже не первый десяток лет волновал русское общество и молодежь»²². О том же свидетельствовал известный историк А. А. Кизеветтер. «Самообразование — это слово стало вдруг чрезвычайно популярным», — писал он, вспоминая 90-е гг. XIX века²³.

В это время появилась масса журналов научно-популярного характера для самообразования. Одним из таких изданий был литературный и научно-популярный журнал «Мир Божий». Он выходил под редакцией А. И. Богдановича. С аналогичной целью в начале XX столетия И. А. Ефроном было предпринято издание журнала «Вестник и библиотека самообразования»²⁴.

В последние десятилетия XIX века широкое распространение получила система внешкольного образования в России.

Она включала в себя организацию воскресных и вечерних школ, различных вечерних и общеобразовательных курсов, народных чтений, бесплатных библиотек и читален, народных домов и университетов. Учащаяся молодежь стала частью российского общества, в наибольшей степени увлеченной задачами самообразования. В 1896 г. П. Н. Милуков писал: «Давно русская молодежь не была одушевлена таким горячим стремлением к самообразованию, как именно в эти последние годы»²⁵. Н. И. Кареев, откликаясь на нужды молодежи, подготовил серию работ, затрагивающих значительное количество проблем персонального развития («Письма к учащейся молодежи о самообразовании», «Беседы о выработке миросозерцания», «Мысли об основах нравственности», «Мысли о сущности общественной деятельности», «Выбор факультета и прохождение университетского курса», «Идеалы общего образования» и др.).

Стоит отметить, что первоначально с идеей «распространения университетского образования» в России выступила известная общественная деятельница Елизавета Николаевна Орлова. Она лично познакомилась с постановкой дела *University Extension* в Северной Америке и Англии. Е. Н. Орлова предполагала, что подобное мероприятие может быть удачным и для России, где основная масса населения лишена возможности учиться. Она обратилась к П. Н. Милукову за помощью в организации нового мероприятия²⁶.

По словам А. А. Кизеветтера, П. Н. Милуков отнесся к новому делу «горячо... и тотчас же развил чрезвычайную энергию, пустив в ход всю свою настойчивость и организаторскую способность для того, чтобы с самого начала поставить это дело прочно и солидно и обеспечить ему репутацию серьезного просветительного предприятия. Дело было задумано по-русски, то есть широко, с размахом сразу на всю Россию»²⁷.

Н. И. Кареев придавал чрезвычайно важное значение новому направлению деятельности университетов Англии и Северной Америки. Он писал, что движение *University Extension* «имеет значение серьезного исторического факта, так как указывает на глубокие изменения, совершившиеся в общественной жизни. Каждая новая потребность ищет и новых способов своего удовлетворения...»²⁸.

Подобно зарубежным коллегам русские ученые взяли на себя руководство домашним чтением по переписке с теми,

кто был заинтересован в углублении и совершенствовании своих знаний в области какой-либо науки. Следует отметить, что опыт такой работы в России уже имелся. К примеру, этим занимались Санкт-Петербургский комитет грамотности (1861—1895), Московский комитет грамотности (1845—1896), Харьковское общество распространения в народе грамотности (1869—1915)²⁹.

Существенное значение имела организация публичных лекций в провинции. В 1896 г. при московской Комиссии по организации домашнего чтения с целью содействия проведению провинциальных лекций была создана особая подкомиссия. В 1898 г. ее преобразовали в специальное лекционное бюро, первым председателем которого стал А. А. Кизеветтер. Лекционное бюро выполняло посредническую роль между местными организациями и университетскими преподавателями. Однако масштабы организации публичных лекций в России были не столь впечатляющими, как в Англии и Северной Америке.

Причины, затруднившие организацию провинциальных лекций, заключались в следующем. Прежде всего, это различные формальности, связанные с получением разрешения на проведение лекций. А. А. Кизеветтер отмечал, что «на лекцию научного характера смотрели как на какую-то разрывную бомбу и проглядывали между пальцев, что в стране медленно, но неуклонно назревало революционное настроение, питаемое вовсе не научными лекциями, а резкими расхождениями правительственных действий с очередными потребностями государственной жизни»³⁰. Во-вторых, отметим малочисленность лекторского состава для проведения лекций в провинции. К примеру, в списке лекций на 1899—1900 гг. значился 21 лектор³¹. В России провинциальные лекции читали преподаватели высших и средних учебных заведений. В то время как за рубежом существовал специальный штат лекторов *University Extension*. В-третьих, среди причин, осложнявших образовательную деятельность, указывалась «инертность провинции», т. е. отсутствие широкого спроса на лекции со стороны провинциальных организаций. Очень часто камнем преткновения являлся материальный вопрос.

Наиболее успешной была работа по подготовке программ, предназначенных для самообразовательного чтения (Программы

домашнего чтения. М., 1894; Программы чтения для самообразования. СПб., 1895). Отметим, что в конце 80-х годов XIX века достаточно широкое распространение получили программы для самообразования, подготовленные А. С. Пругавиным («Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения». М., 1890), а также Л. Н. Павленковым, публикуемые ежегодно в «Историческом вестнике» в период с 1887 по 1896 г.³²

Московские «Программы домашнего чтения» выходили в период с 1894 по 1914 г. Программы включали в себя подробный план самостоятельных занятий в объеме университетского курса по всем отраслям науки, за исключением медицины. Полный курс по каждому отделу был рассчитан на четыре года систематических занятий. Здесь предлагались списки учебной и научной литературы, методические рекомендации по самостоятельному изучению той или иной науки, а также материалы для контрольных и проверочных работ³³.

В состав московской комиссии входило около 300 ученых. Для подготовки «Программ домашнего чтения» были приглашены видные специалисты университета. Отдел математических наук возглавлял профессор Б. К. Млодзевский. Отделом астрономии руководил профессор В. К. Цераский, физики — профессор Н. А. Умов, химии — профессор Д. П. Коновалов, геологии — В. Д. Соколов, биологии — профессор М. А. Мензбир, общественных наук — профессор А. И. Чупров, истории всеобщей и русской — профессора П. Г. Виноградов и П. Н. Милуков, литературы — профессор Н. И. Стороженко, философии — приват-доцент А. С. Белкин и профессор Л. М. Лопатин.

Московские программы домашнего чтения выдержали от двух (4-й год обучения) до восьми изданий (1-й год обучения). За первые десять лет вышло в свет 95 тыс. экземпляров программ³⁴. Главным образом ими пользовались педагоги начальных городских и сельских школ, рабочие, крестьяне, служащие, военные и учащиеся.

Н. И. Кареев давал высокую оценку деятельности Комиссии по организации домашнего чтения. Он писал, что быстрый успех программ, изданных московской комиссией по организации домашнего чтения, указывает на то, как сильна потребность читающей публики. Разработкой общеобразовательной программы

чтения для более широкой аудитории, и особенно для учащейся молодежи, занялся петербургский Отдел для содействия самообразованию под руководством Н. И. Кареева³⁵.

Первые годы своего существования Отдел для содействия самообразованию всецело был поглощен подготовкой Общей энциклопедической программы, а также целого ряда специальных программ по различным предметам научного знания. Первый вариант указанных программ появился в 1895 г. (Программы чтения для самообразования. Сборник для содействия самообразованию с приложением статей Н. И. Кареева, В. И. Семевского, М. С. Корелина и И. М. Сеченова. СПб., 1895). До 1911 г. программы выдержали шесть изданий. Общий тираж их составил более 100 тыс. экземпляров. Работа над седьмым, уже готовым к печати, изданием прервалась в годы Первой мировой войны³⁶.

В составлении программ чтения принимали участие следующие специалисты: по философии — П. Ф. Каптерев; по физике — И. И. Боргман и П. П. Фан-дер-Флит, по химии — Н. А. Меншуткин; по астрономии — А. М. Жданов; по геологии и физической географии — М. А. Антонович, И. В. Мушкетов и Н. А. Рубакин; по ботанике — И. П. Бородин; по зоологии — В. М. Шимкевич; по физической антропологии — М. А. Антонович; по анатомии и физиологии человека — И. П. Павлов; по социологии — Н. И. Кареев; по общей теории права и государственному праву — Н. И. Кареев при содействии С. А. Муромцева; по политической экономии — Н. А. Карышев и В. Г. Яроцкий; по всеобщей истории — В. Л. Беренштам и Н. И. Кареев; по русской истории — В. А. Мякотин, В. И. Семевский и В. Д. Сиповский; по всеобщей литературе — Ф. А. Браун и Н. А. Котляревский; по русской литературе — С. А. Венгеров; по малорусской литературе — В. А. Беренштам³⁷.

Как видим, П. Н. Милков и Н. И. Кареев собрали многочисленные коллективы, объединившие в своих рядах квалифицированных специалистов, не равнодушных к делу народного образования. К сожалению, работа организаций для содействия самообразованию держалась главным образом на неиссякаемом энтузиазме сотрудников. Государственные органы не только не содействовали, но остерегались массового интереса общественности к деятельности этих организаций. В конце 90-х гг. XIX столетия

в связи со студенческими волнениями П. Н. Милуков как политически неблагонадежный профессор, обвиняемый в «прочтении лекций преступного содержания перед аудиторией, не способной отнестись к ним критически», был выслан из Москвы в Рязань. После этого Комиссию по организации домашнего чтения возглавлял два года В. Ф. Лугинин, известный русский предприниматель и ученый. Вскоре он отправился на лечение за границу, и тогда председателем московской комиссии стал П. Г. Виноградов. Н. И. Кареев также поплатился за свои убеждения и активную общественную работу. В период с 1899 по 1906 г. по причине «неблагонадежности» он был отстранен от чтения лекций в Санкт-Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Как видим, представления государственных органов России о необходимости распространения народного образования коренным образом отличались от идей, преобладающих в западной культуре и государственной политике.

Таким образом, история образования и самообразования, как одного из значимых компонентов системы персонального менеджмента, в России неразрывно связана с международным образовательным движением *University Extension*. Прогрессивная российская интеллигенция откликнулась на запросы общества. Вдохновленные опытом английских и американских коллег, русские ученые определили наиболее приемлемые для России формы работы в объективно сложившихся социально-экономических и политических реалиях.

Примечания

- ¹ Милуков П. «Распространение университетского образования» в Англии, Америке и России // Русское богатство. 1896. № 3. С. 79—80.
- ² Лыскова И. Е. К вопросу истории экономического образования в России конца XIX — начала XX века // Экономика и современный менеджмент: теория и практика : сб. ст. по материалам XXXVIII Международ. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2014. № 6 (38). С. 27—34 ; Лыскова И. Е. Н. И. Кареев о проблемах женского образования в России в аспекте персонального менеджмента // Женщина в российском обществе : рос. науч. журн. 2014. № 3 (72). С. 80—86 ; Лыскова И. Е. Кареев Н. И. о проблемах экономического образования в России конца XIX — начала XX века // Современные тенденции в экономике

- и управления: новый взгляд : сб. материалов XXVI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2014. С. 16—24 ; *Лыскова И. Е.* Н. И. Кареев о цели жизни и жизненном призвании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : журн. науч. публ. 2014. № 7. С. 162—166 ; *Лыскова И. Е.* Мотивация персонального развития в системе взглядов П. Л. Лаврова и Н. И. Кареева : (к вопросу истории персонального менеджмента в России) // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2014. Т. 2. С. 65—69 ; *Лыскова И. Е.* Роль обществ для содействия самообразованию в становлении системы персонального менеджмента в России // Управление инновациями: теория, методология, практика : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2014. С. 47—52 ; *Лыскова И. Е.* Философские и социологические корни персонального менеджмента // В мире научных открытий : социал.-гуманит. науки. Красноярск, 2014. № 7.2 (55). С. 757—776 ; *Lyskova I. E.* The Sources of Self-Management in Russia // The Second International Conference on Economic Sciences. Proceedings of the Conference (June 16, 2014). “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2014. P. 40—46 ; *Lyskova I. E.* The purpose of life and professional aptitude in the interpretation of Nikolay Kareev // In the World of Scientific Discoveries. Krasnoyarsk, 2014. № 9.3 (57). P. 1229—1241.
- ³ *Roberts R. D.* Eighteen Years of University Extension. Cambridge, 1891. P. 7—9.
- ⁴ Ibid. P. 84. Пер. И. Е. Лысковой.
- ⁵ Ibid. P. 134.
- ⁶ Ibid. P. 16.
- ⁷ Ibid. P. 53—54.
- ⁸ Ibid. P. 90. Пер. И. Е. Лысковой.
- ⁹ Ibid. P. 122—123.
- ¹⁰ University Extension : its Definition, History, System of Teaching and Organization. Philadelphia, 1891. P. 8.
- ¹¹ *Bittner W. S.* The University Extension Movement. Washington, 1920. P. 125.
- ¹² Ibid. P. 9. Пер. И. В. Лысковой.
- ¹³ *Лыскова И. Е.* Роль обществ для содействия самообразованию... С. 47—52.
- ¹⁴ *Кареев Н. И.* Идеалы общего образования. СПб., 1909. С. 65.
- ¹⁵ *Милюков П.* «Распространение университетского образования»... С. 79.
- ¹⁶ *Кареев Н. И.* Идеалы общего образования. С. 127.
- ¹⁷ *Лыскова И. Е.* Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. Сыктывкар, 2010. С. 58—107.

- ¹⁸ *Богданович А. И.* Критические заметки. «Идеалы общего образования» г. Кареева. В чем заключается центр проблемы образования. Общее и специальное образование, их гармоничное сочетание // Мир Божий. 1901. № 12. С. 1—2.
- ¹⁹ *Лыскова И. Е.* Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. С. 58—107.
- ²⁰ История высшего образования в России // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. М., 1912. Т. 10. С. 304—322; *Миллюков П.* Университеты в России // Энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 34. С. 788—800; *Рудаков В. Е.* Студенты в русских университетах // Там же. С. 800—803.
- ²¹ *Миллюков П.* «Распространение университетского образования»... С. 80.
- ²² *Глинский Б. Б.* Руководители молодежи // Исторический вестник. 1895. Т. 62. С. 943.
- ²³ *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий : воспоминания, 1881—1914. М., 1997. С. 203.
- ²⁴ См.: *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 247—248.
- ²⁵ *Миллюков П.* «Распространение университетского образования»... С. 106.
- ²⁶ *Миллюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 174.
- ²⁷ *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 204.
- ²⁸ *Кареев Н. И.* Идеалы общего образования. С. 66.
- ²⁹ *Рубакин Н. А.* Избранное : в 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 37.
- ³⁰ *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 215.
- ³¹ *Миллюков П.* University Extension // Энциклопедический словарь. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. 34. С. 808.
- ³² *Рубакин Н. А.* Указ. соч. С. 213—214.
- ³³ *Миллюков П.* «Распространение университетского образования»... С. 109.
- ³⁴ *Лыскова И. Е.* Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. С. 108—144.
- ³⁵ *Кареев Н. И.* Отдел для содействия самообразованию в Комитете Педагогического музея военно-учебных заведений // Историческое обозрение. СПб., 1895. Т. 8. С. 18—20.
- ³⁶ *Лыскова И. Е.* Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. С. 108—144.
- ³⁷ *Кареев Н. И.* Отдел для содействия самообразованию... С. 4—5.
- ББК 60.543.132.1

А. В. Зябликов

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ «ВЕХОВСТВА»

После революции 1905—1907 гг. многие общественно-политические темы, проблемы и сюжеты потребовали переосмысления. Красно-черные тона революции и реакции постепенно выходили из политической моды. «Культура и дисциплина!» — так П. Б. Струве в январе 1908 г. определил программу «культурно-политического возрождения нации»¹. Умственная работа интеллигенции была сосредоточена вокруг поиска общенациональных идеалов и приоритетов. Нередко исходным пунктом этих поисков и обязательным их условием являлось позиционирование субъекта «вне партии» и «вне политики». Тот же П. Б. Струве назвал 1908 г. временем крушения политического «направленства»². В январе 1908 г., комментируя законопроект о судебных приказах, внесенный на рассмотрение в Думу министерством юстиции, В. В. Розанов писал: «Умы русские, не без ожесточающих мотивов сердца, до того вошли в шаблон двоякой оценки всякой мысли и каждого предложения, — оценки либеральной или оценки консервативной, — что решительно теряются в каждом случае, когда приходится судить о деле и не консервативном, и не либеральном, а просто *нужном*»³. Институт судебных приказов, упрощающий процедуру привлечения к ответственности за мелкие проступки, мог бы стать хорошим подспорьем в борьбе с захлестнувшей страну уличной преступностью и бытовым дебоширством, однако тормозился в Думе в силу того, что в нем усматривалось усиление «репрессивного» начала. Этот отнюдь не самый яркий сюжет думской истории — хорошая иллюстрация того, как политические амбиции депутатов, их оглядка на политическое «направление» причиняют государству конкретный и осязаемый вред.

© Зябликов А. В., 2015

Зябликов Алексей Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. a.zyablikov@yandex.ru

К 1908—1909 гг. стало ясно, что ни «учительское» культурничество образованного сословия, ни «опрошение» не способны преодолеть отчуждение между интеллигенцией и народом. Взаимопонимание может быть достигнуто при условии, что обе силы ощущают себя частями одного великого народа и субъектами общей великой истории. Интеллигенту, по мысли В. В. Розанова, не нужно «хлопотать» и суетиться возле народа, а должно войти в душу народную и «оглядеться в ней, как Аладдин осматривался в подземелье»⁴. «Оглядеться» нужно было интеллигенту и в национальной истории, чтобы отказаться от заведомо негативного отношения к имперской и монархической идее. Так на руинах кадетского либерализма рождалась концепция «Великой России» П. Б. Струве, которому, по замечанию В. В. Розанова, было присуще «высказывать идеи завтрашнего дня»⁵. Характерно, что П. Б. Струве — типичный, даже, может быть, «хрестоматийный» интеллигент: появление фигур, подобных ему, внушало надежду, что интеллигенция способна к серьезному государственному творчеству. «Вся интеллигенция, — писал В. В. Розанов в июле 1908 г., — стоит перед задачей или “учуять носом” нужды государства и неодолимые, вечные, хотя, может быть, и несимпатичные требования государственности, или отойти в сторону от государственного строительства...»⁶ Крах кадетов после эйфорийного для них 1906 г. означал крах той части российской интеллигенции, которая позиционировала себя по отношению к государству преимущественно как силу теоретико-критическую, диссидентскую, «классовую», а политическую деятельность смешивала с политическим интриганством. Теперь о «банкетных» кампаниях 1904—1906 гг. в обществе вспоминали с той же степенью негодования и раздражения, что и о «кровавом воскресеньи».

Ощутимым итогом интеллигентского самопознания стало появление в марте 1909 г. сборника статей «Вехи», в котором самоосуждение интеллигенции осуществляется с либерально-консервативных позиций.

У книги сразу обнаружилось множество критиков и недоброжелателей. Голоса немногих заступников тонули в потоках хулы. Не может не обратить на себя внимание тот факт, что в качестве наиболее страстных защитников «Вех» выступили представители художественной интеллигенции. Даже те писатели, кого

мы мыслим в числе инициаторов «антивеховского» движения, например П. Д. Боборыкин и Д. С. Мережковский, косвенно свидетельствовали о том, что книга состоялась. П. Д. Боборыкин в диалоге «Обличители интеллигенции», в сущности, признав «веховскую» критику интеллигенции справедливой, высказывал неудовлетворенность по поводу того, что авторы не предложили внятных рецептов искоренения интеллигентских недугов⁷. Еще более показательным знаменитое выступление Д. С. Мережковского на заседании РФО 21 апреля 1909 г. — вроде бы разгромное по своей сути. Однако пафос идейного бичевания не может заслонить от нас другого: «Вехи», по мысли Д. С. Мережковского, — это правдивое слово об интеллигенции, но слово запоздалое и не согретое любовью⁸.

А. Белый отозвался на взбудоражившее всех событие заметкой в журнале «Весь», назвав «Вехи» замечательной книгой, которая должна стать для интеллигенции настольной⁹. Особенно проникся поэт идеями статьи М. О. Гершензона «Творческое самосознание», которую читатели справедливо сочли самой злой и ядовитой. Либералы упрекали М. О. Гершензона в проповеди «черносотенства», склоняя на все лады знаменитое суждение о необходимости «благословить» власть, которая «одна своими штыками и тюрьмами» ограждает интеллигенцию от народной ярости¹⁰. Пафос негодования помешал критикам почувствовать то, что сразу привлекло внимание А. Белого: взгляд М. О. Гершензона на судьбу российской интеллигенции оптимистичен. Публицист видит знак начавшегося движения к творческому личному самосознанию в высвобождении личности от тирании политики, от гипноза общественности. В 1909 г. А. Белый постоянно общался с М. О. Гершензоном: содержание этих бесед в значительной степени отразилось в проблематике романов А. Белого «Серебряный голубь» и «Петербург».

Не скупился на похвальные эпитеты в адрес «Вех» В. В. Розанов, посвятивший сборнику три статьи. Он одним из первых прочувствовал и оценил покаянный пафос «Вех», увидев в этой «благородной» книге не приговор российской интеллигенции, не надгробный памятник ей, а свидетельство ее высоких идейных и моральных качеств. «Веховцы» оказались способны к самоуглублению, самоотречению и тем самым подняли интеллигенцию

из жалкого «рубища» в «высокую лазурь неба»: «Спасенною оказалась именно интеллигенция. Русскому народу, глубоким частям русского общества и наконец русскому государству не в его сопсетum, которое или ничтожно, или порочно, но в его idea, которая ведь остается же, вдруг всему этому оказалось возможным с кем-то говорить в образованных кругах, с кем-то взаимодействовать среди студенчества и профессоров, среди писателей; вдруг оказалось возможным откуда-то звать людей на помощь»¹¹.

Словно в подтверждение розановских слов, к «Вехам» неожиданно проявил интерес Антоний (Храповицкий), архиепископ Волынский. Авторитетный церковный иерарх высказался о книге более чем определенно, опубликовав в мае 1909 г. в газете «Слово» открытое письмо авторам «Вех», в котором выход сборника был назван «подвигом великим и прекрасным»¹². Если В. В. Розанов сравнивал «веховцев» с Шатовым Ф. М. Достоевского, героем, отшатнувшимся от революции после того, как понял ее чудовищную ложь, то архиепископ Волынский уподоблял авторов сборника библейскому Савлу (это сравнение особенно резануло либеральное ухо), который сумел из гонителя христиан превратиться в горячего проповедника Христовой веры. Сама тональность Антониева обращения к «веховцам» роднит его с Посланиями коринфянам апостола Павла: «...и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали»¹³. Уважительно-мягкая эпистолярная полемика архиепископа с П. Б. Струве и Н. А. Бердяевым, за которой с замирием сердца следила вся образованная Россия, по существу, есть развернутое апостольское речение: «Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами»¹⁴.

Диалог церковного иерарха и «веховцев» стал кульминационным пунктом в споре вокруг знаменитого сборника и подогрел и без того кипевшие страсти. Суть «общественных» претензий к авторам «Вех» сформулировал видный кадет И. И. Петрункевич в статье «Интеллигенция и “Вехи”» (1910): «...ни г. Струве, ни г. Бердяев не нашли нужным оценить сочувствие своего корреспондента с политической точки зрения»¹⁵. Имелась в виду репутация Антония Волынского как политического реакционера: он состоял почетным членом Русского Собрания — одной из первых

монархических организаций в России, оказывал идейное покровительство черносотенному Союзу русского народа, который архиепископ искренне считал «единственным чисто народным, мужицким, демократическим учреждением»¹⁶. П. Б. Струве и Н. А. Бердяев попытались деликатно обойти стороной этот аспект биографии иерарха, тем более что в лице Антония они нашли неожиданного союзника именно в части понимания того, сколь необходим России разумный диалог, выходящий за рамки политических амбиций и симпатий. На тактичные «намеки» П. Б. Струве и Н. А. Бердяева архиепископ тактично отвечал: «Ведь я не писал вам: “Любезные авторы «Вех», я вас приветствую, но зачем вы сидите среди октябристов или кадетов, партий не национальных, Церкви враждебных? Оставьте их и перейдите к монархистам.” <...> Не нравственные проблемы должны раскрываться под влиянием политических стремлений, но последние должны являться на суд к этическому трибуналу»¹⁷. Что могли возразить на это «веховцы»?..

Глубокий, обстоятельный и очень позитивный отклик на сборник дала поэтесса М. С. Шагинян. Подобно В. В. Розанову, она обращала внимание на то, что ускользало от большинства хулителей книги: «“Вехи” не против нас, они с нами; мало того, они — это мы сами, только заговорившие вслух, протершие себе глаза»¹⁸.

Конечно, у «Вех» были оппоненты в художественной среде. Крайне резок в оценках был М. Горький, охарактеризовавший сборник как «самую мерзейшую книжицу за всю историю русской литературы»¹⁹. Жалкой и «беспомощно-трусливой» назвал философию «Вех» драматург и литературный критик В. Ф. Боцяновский²⁰. Под его горячую руку попал и А. А. Блок, прочитавший в конце 1908 г. в РФО доклады «Народ и интеллигенция» и «Стихия и культура», насыщенные мотивами социальной эсхатологии. В. Ф. Боцяновский усмотрел в предчувствиях поэта проявление панического страха перед народной стихией и, конечно, нисколько не сомневаясь, усадил А. А. Блока на одну «скамью подсудимых» с авторами «Вех». Блестящий фельетон посвятил «Вехам» «сатириконовец» А. Т. Аверченко²¹. И тем не менее, именно художники высказывались о «Вехах» наиболее сочувственно и благожелательно. Этот факт, бесспорно, требует своего осмысления и объяснения.

На наш взгляд, идейный фундамент «веховства» начал закладываться в русской литературе задолго до прозрений бывших

марксистов, решивших в 1909 г. выпустить сборник статей о русской интеллигенции. Писатель Р. И. Сементковский справедливо замечал, что если «Вехи» разумеют под интеллигенцией революционную партию, то их критический пафос будет вторичен по отношению к мнению, уже высказанному великими русскими писателями — И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, А. Ф. Писемским, И. С. Тургеневым²². И в самом деле: разве нельзя определить «антинигилистические» романы названных авторов как своего рода «протовеховство»?

С. Н. Дурылин и Н. Н. Ветцель обращали внимание читающей публики на то, что «Вехи» имеют глубокую внутреннюю связь с творчеством А. П. Чехова. «Разве всё, что он [Чехов] писал, — задавался риторическим вопросом С. Н. Дурылин, — и за чем единогласно признано такое огромное общественное значение, не есть вдумчивый и правый, хотя, может быть, невольный и ненамеренный суд над русской интеллигенцией?»²³ Получалось, что критика, обрушившаяся на сборник «Вехи», объективно имела своим адресатом и самых выдающихся мастеров русской словесности. Не случайно в числе тех, кто вместе с «веховцами» «распинал» русскую интеллигенцию, наиболее охотно назывались художники А. И. Куприн, М. П. Арцыбашев и др.²⁴

К числу прямых предшественников «веховства», несомненно, должен быть отнесен поэт Н. М. Соколов, писавший под псевдонимом Н. Скиф. Его огромная статья «Золотые сны о золотом веке», опубликованная в «Русском вестнике» в 1903 г., представляет собой исследование роковых «разрывов» интеллигенции, главные из которых — разрыв с государством, с церковью, с народом, с наукой, с историческим прошлым. Н. М. Соколов предлагает несколько живописных оксюморонов, которыми, на его взгляд, определяется «химическое» интеллигентское сознание: «жизнерадостный пессимизм», «надменное смирение», «беспощадная гуманность», «фанатическая терпимость»²⁵. Высоко оценивший соколовскую статью Н. А. Энгельгардт предлагал дополнить типологию роковых «разрывов» разрывом с Европой, имея в виду «нефальсифицированную» семейную, трудовую, благочестивую Европу, где либерализм и национализм являются частями тождества²⁶. Еще в 1901 г. Н. А. Энгельгардт высказывал мысль о том, что интеллигенция должна перестать «гордиться своим отступничеством от родины»²⁷.

Статья Н. М. Соколова «Догмы русского нигилизма», опубликованная в 1905 г. в «Русском вестнике», за вычетом антиинородческого пафоса, — вполне «веховская» по своей общей тональности. К числу интеллигентских догм поэт относит европофильство, мечтательный обскурантизм и теоретизирование, романтизацию «нелегальности», в которой усматривается признак интеллигентской политической благонамеренности. Достается и художникам: «Наша литература, за немногими исключениями... прямо игнорировала народ, оскорблявший ее эстетическое чувство»²⁸. В отличие от «веховцев», Н. М. Соколов не позиционирует себя «внутри» интеллигенции, что, увы, снижает ценность его разоблачений.

В контексте идеологии «веховства» могут и должны рассматриваться работы писателя и публициста П. А. Дементьева, историка литературы В. В. Каллаша — к сожалению, имена этих мыслителей практически не упоминаются в исследовательской литературе.

Еще один важный «протовеховский» документ — ответ великого князя Константина Константиновича на «записку 342 ученых», в которой признавалась несовместимость академической свободы с современным государственным строем России. Константин Константинович (известный также как поэт, подписывавший свои произведения псевдонимом К. Р.) упрекал ученых в стремлении сделать из науки орудие политики и призывал их «к скромному и святому исполнению своего долга»²⁹. Великий князь считал события 1905 г. более опасными, нежели смута начала XVII в.³⁰ В феврале 1905 г. отповедь Константина Константиновича вызвала шквал возмущения в либеральной среде. Тогда же, в феврале 1905 г., участвуя в полемике вокруг вопроса о свободе печати, Л. Л. Толстой (сын великого писателя) выступил в «Новом времени» со статьей «Истинная и мнимая свобода». Вполне согласуясь с духом отцовского учения, Л. Л. Толстой призвал интеллигенцию и рабочих заняться нравственным «самосудом», самовоспитанием и самопросвещением³¹.

Важной «вехой» на пути творческого самопознания интеллигенции стала книга Д. И. Менделеева «К познанию России» (1906), пользовавшаяся между двух революций спросом не меньшим, нежели сборник «Вехи». В ту пору, когда, по словам В. В. Розанова, даже Христос приобрел «партийную окраску»³²,

великий ученый умышленно решил отказаться от политических и даже личных «предвзятостей» и рассказать о России, оперируя только языком цифр и фактов³³. В либерально-консервативных кругах книгу оценили особенно высоко.

В декабре 1908 г. появилась статья П. П. Перцова «Кризис интеллигенции», представляющая собой краткий очерк истории умственных течений в России. Писатель делил русскую интеллигенцию на два психологических типа — «просветителя» и «бунтаря». При ряде различий оба типа роднит теоретичность и холодная рациональность. Предваряя тезисы «Вех», П. П. Перцов замечает, что рубеж веков, пробудивший всплеск либеральных надежд, сменился «сумерками» интеллигентских богов после революции 1905—1907 гг.³⁴

В январе 1909 г., еще до публикации «Вех», появилась вполне «веховская» по духу статья Вяч. И. Иванова «О русской идее», в которой поэт сформулировал парадоксальную мысль о беспочвенной и космополитичной русской интеллигенции как о явлении «русской национальной жизни», ибо в основе интеллигентского подвижничества — энергия нисхождения и служения, «пафос совлечения, жажда совлечься всех риз и всех убранств и совлечь всякую личину... с голой правды вещей»³⁵. Интеллигенция знает, что ей нужно идти к народу, но «не всегда знает, что ему принести». Трагедия отчуждения интеллигенции и народа заключается в том, что нисхождению интеллигенции не предшествует укрепление собственных сил, в основе которого — религиозное *очищение, научение и действие*. Поэт признает, что интеллигенция уже не удовлетворяется метафизическими «экскурсиями» в область народного духа, она пытается вывести свое национально-культурное самоопределение за рамки индивидуализма и атеизма. Особенно это касается художественной элиты, которая понимает, «что и вершинная интеллигенция всё еще только интеллигенция, но что она должна стать чем-то иным или погибнуть»³⁶.

Революция 1905—1907 гг. помогла сделать максимально плоской дефиницию «интеллигенция». Интеллигент в восприятии самых разных людей становился проповедником террора идей. «“Интеллигент” — это человек, давший себя “на подержание” которой-нибудь из левых партий, для вывески и ношения ее плакатов»³⁷, — писал извечный оппонент доктринерствующей,

эстетствующей интеллигенции В. В. Розанов в августе 1906 г., preparando «веховское» самоосуждение.

В конце 1906 г. писатель говорит не о связи освободительного движения с традициями русской литературы, а о преступном отступничестве от этих традиций, о внутреннем родстве либеральных партий с революцией. То, что мыслилось как позитивный культурный сдвиг, движимый «муками русской совести», оказалось разгулом воровской, хулиганской стихии. Тигр оказался гиеной — такую метафору предложил писатель, характеризуя российский «конституционализм» образца 1906 г.³⁸ В. В. Розанов считал, что революцию «страшно усилил» М. Горький, романтизировав люмпена, босяка³⁹. Попытками перевести революцию в некое ползучее, неприметное глазу состояние считал писатель деятельность либерально-партийной прессы — газеты «Страна» партии демократических реформ и кадетской «Речи».

Впрочем, не отпуская писателя мысль о «грехе» литературы в деле антигосударственной проповеди время от времени обнаруживала себя. Размышляя над изъянами российского конституционализма, В. В. Розанов пытался спроецировать на отечественную действительность июльские события в Турции 1908 г., когда в результате «бескровного» переворота был свергнут султан Абдул-Гамид. Писатель делает неожиданное обобщение: шаткость российского парламентаризма, всплеск социальной анархии 1905—1907 гг., политическая недееспособность первого и второго народного представительства объясняются «литературной испорченностью» конституционной идеи: «...художественно и публицистически русская литература дошла до такого персонального отрицания не только государственности, но и всего, что сколько-нибудь служило государству, как этого не бывало ни в одной литературе Запада. <...> Ни идеального мастерового, ни идеального хлебопашца, ни идеального чиновника, ни идеального отца семейства, брата, сестры, матери — большинство русских литераторов не стремилось показать. <...> Нет государственности — нет дисциплины. А без дисциплины нельзя ни выиграть Бородинской битвы, ни провести парламентской сессии»⁴⁰. Спустя 10 лет в «Апокалипсисе нашего времени» В. В. Розанов попытается возложить на русских художников всю ответственность за идейное «выпестовывание» большевизма.

Запальчивость писателя понятна, тем более что самого В. В. Розанова ни в коей мере нельзя вынести за скобки той беззаконной, внутренне свободной литературной стихии, на которую списываются грехи разрушения Государства Российского. Вместе с тем, тезис В. В. Розанова нуждается в уточнении. Подлинное искусство — всегда выражение национального духа и устроения. Художник не выступает в роли конструктора идей, но точно улавливает черты, присущие национальному самосознанию. Не дело художника — формировать культуру думских прений. Проблема молодого российского парламентаризма заключается не в «загипнотизированности» общества навязанной ему художниками проповедью асоциальности и безгосударственности, а в том, что правовое самосознание русского народа отличается слабой «юридичностью», оно столь же анархично, как и теократично, идеократично. Кроме того, если принять суждение В. В. Розанова о «безгосударственности» классического русского искусства, то за его рамками должны остаться такие авторы, как А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой эпохи «Войны и мира», А. И. Эртель, М. В. Нестеров, В. М. Васнецов. Сам В. В. Розанов в январе 1908 г. сознавался в том, что на превращение его, юного «беспочвенного интеллигента», в консерватора и ценителя русского быта решающее воздействие оказало творчество Н. А. Некрасова и П. И. Мельникова (Печерского)⁴¹.

Одним из главных объектов розановской критики в 1908—1909 гг. становится Д. С. Мережковский, продолжавший, по мысли В. В. Розанова, кокетничать с освободительным движением, мечтавший об искусственной «третьезаветной Церкви», соединяющей Маркса и Христа. Заигрывание с социализмом, замешенном на смердяковской ненависти к России, В. В. Розанов считал фатальной ошибкой. «Друзья мои, что вам до России? — патетично обращался писатель к Д. С. Мережковскому и А. А. Блоку в январе 1909 г. — <...> Удалитесь, циники, от одра большого»⁴². В. В. Розанов считал, что нарастающая дискуссия о роковом отрыве интеллигенции от народа спровоцирована рефлексирующей бесталанностью — непатриотичной интеллигенцией, относящейся к религии и народной жизни с праздным любопытством эстета. «С народом не расходится и никогда не расходилось *талантливое* в образованном нашем классе, а разошлось с ним единственно *бесталанное* в нем, что себя

и выделило и *противопоставило* народу под пошлым боборыкинско-милюковским словом “интеллигенция”⁴³.

Д. С. Мережковский, в свою очередь, возлагал на В. В. Розанова и других писателей вину за превращение думающей, свободолубивой интеллигенции в идейно «линяющий» клан охранителей и обывателей. В статье «Ночью о солнце» поэт приводит рассказ о том, как некая московская дама из красного знамени, с которым она в 1905 г. шла на похоронах Н. Э. Баумана, в 1910 г. сшила себе платье для маскарада. «Вот в кратчайшем символе, — писал Д. С. Мережковский, — судьба всех “лунных муравьев”, тот хваленый отказ от общественности, возврат к личности, о котором так хлопчут “Вехи”»⁴⁴. Показательна полемика Д. С. Мережковского и П. Б. Струве по поводу статьи последнего «Великая Россия», в которой многими был усмотрен ренегатский и реакционный опус. П. Б. Струве противопоставлял интеллигентскому апокалиптическому и максималистскому *отрицанию* государства историчное и органичное *признание* государства как дисциплинирующей культурной силы. Возражая Д. С. Мережковскому в том, что вся русская литература пронизана духом, враждебным государству, П. Б. Струве замечал, что М. Ю. Лермонтов и А. И. Герцен были противогосударственниками только «с точки зрения 3-го отделения»; Л. Н. Толстому также не может быть приписан революционный радикализм, ибо писатель отрицает государство *религиозно*, «во имя личного подвига отвергая общественность», — в то время как радикальной интеллигенции присуще *безрелигиозное* антигосударственное отщепенство «во имя *общественности*»⁴⁵. Задолго до «Вех» Д. С. Мережковский превратился для П. Б. Струве в типаж интеллигента, характеризующийся политическим максимализмом и химерическим восприятием истории.

Полной противоположностью Д. С. Мережковскому выглядит фигура А. И. Эртеля, чьи письма были изданы почти одновременно с «Вехами»⁴⁶. П. Б. Струве был поражен, насколько их интонация совпадает с «веховской». Особенно актуальной счел публицист эртелевскую трактовку общественной позиции как «философски-религиозного понимания своего личного назначения»⁴⁷. А. И. Эртель, определявший канон человеческого общежития как «благоволение», пытался соединить философию

«праведного хозяйства» с задачами нравственного самовоспитания личности. Замечательно, что П. Б. Струве ссылается на мнение А. И. Эртеля как на доказательство того, что «Вехи» не являются «теоретическим» продуктом общественной реакции — философия сборника вырастает из здоровой умственной традиции.

В 1908 г. общественное мнение было взбудоражено знаменитым «делом» Е. Ф. Азефа. История «двойного» провокатора стимулировала отход интеллигенции от идей политического радикализма и от политики вообще. В борьбе двух «идеализмов» — консервативного и революционного — дело Азефа ставило точку. «Старая Русь “носила” тысячу лет, — писал В. В. Розанов, — и понятно, что много в ней мест “проношено до дыр”. Вот источник пороков — в старости. Но что “старая Русь” героичнее и священнее революции, что она именно нравственно здоровее ее, можно видеть из того, что революция-то ведь вся молоденькая, а поглядите, какими пороками она облепилась»⁴⁸. В январе 1909 г. в «Русском слове» появилась статья В. В. Розанова «Почему Азеф-провокатор не был узан революционерами?». Отвечая на вопрос, сформулированный в названии, В. В. Розанов говорил о чудовищной духовной, эстетической неразвитости революционеров, об их слепоте в отношении всего, что напрямую не связано с революцией. Писатель замечал, что вся русская политика «изумительно не психологична, не спиритуалистична», она «мало несет лица в себе и сама невосприимчива к лицу человеческому»⁴⁹. Интересно, что сам В. В. Розанов, которому П. Б. Струве предложил на коллективной фотографии редакции журнала «Начало» (в 90-е годы XIX в. Е. Ф. Азеф являлся его сотрудником) отыскать лицо провокатора, легко справился с этой задачей.

Тема бездуховности и антиэстетизма политического радикализма была продолжена В. В. Розановым в статье «Между Азефом и “Вехами”», напечатанной в «Новом времени» в августе 1909 г. Писатель считает, что направленческое глумление над эстетикой, затеянное в XIX в., известным образом «подготавливало» фигуру Е. Ф. Азефа: «...варварство нашего русского радикализма мutilo все лучшие души: он явно вел страну к одичанию, выбрасывая критику (художественную), выбрасывая “метафизику” или собственно всякое сколько-нибудь сложное рассуждение, посмеиваясь над наукою, если она не была “окрашена

известным образом”, растапывая всякий росток поэзии, если она “не служила известным целям”⁵⁰. Важность «веховства» В. В. Розанов видел в проповеди умственного, духовного, эстетического, религиозного самоуглубления, которое поможет интеллигенции вернуть себе способность «узнавания».

Обращает на себя внимание сходство многих «веховских» установок с политическими и моральными установками Л. Н. Толстого, хотя формально сам писатель был объектом критики «Вех». История несостоявшегося диалога Л. Н. Толстого и П. Б. Струве помогает прояснить причины острого интереса писателя к «Вехам» и разочарования в них.

В 1906—1907 гг. П. Б. Струве всё более ощущал созвучность своих идей идеям Л. Н. Толстого, особенно в части проблем воспитания личности и представлениях об объединяющей функции искусства. Толстовские мысли о вторичности внешних форм общественного устройства по отношению к внутренней сущности человека, как позже признавал П. Б. Струве, окончательно отвратили его от социалистического учения⁵¹. Л. Н. Толстой интересовал П. Б. Струве как крупная объединяющая фигура и как необходимый полюс общественных настроений, основанных на отрицании всякой политики. Личность П. Б. Струве, в свою очередь, была в поле зрения Л. Н. Толстого. Как ни странно, «веховская» статья П. Б. Струве — более толстовская по мыслям, нежели другие, вызвала самый большой гнев великого писателя. Заметим, что Л. Н. Толстой возмущался, главным образом, стилистикой формулировок, терминологией, а не существом вопроса — обида Л. Н. Толстого была обидой художника, раздосадованного тем, что о дорогих его сердцу вещах говорили «не тем» языком. Показателен тот факт, что никогда не вступавший в публицистическую полемику, не отвечавший своим оппонентам Л. Н. Толстой написал два варианта ответа П. Б. Струве на его статью «Роковые вопросы. По поводу статьи Л. Н. Толстого “Неизбежный переворот”».

Безусловна общая обеспокоенность лидера правых кадетов и великого писателя поиском способа «заменить жизнь», основанную на насилии, жизнью, основанной на согласии и любви. П. Б. Струве не удовлетворяло то, что в устах Л. Н. Толстого нравственный переворот, долженствующий совершаться в человеке, представлял заурядным и легким. Напротив, Л. Н. Толстого раздражало

в П. Б. Струве желание усложнять и теоретизировать проблему. Финал отношений П. Б. Струве и Л. Н. Толстого был драматичным. В августе 1909 г. П. Б. Струве посетил Ясную Поляну — этот визит позже почему-то трактовался как попытка «завербовать» писателя в партию народной свободы. Государственник П. Б. Струве и отрицатель государства Л. Н. Толстой так и не смогли найти общего языка, хотя попытка сделать это бесспорна. В конце 1909 г. Л. Н. Толстой писал: «Это очевидная непроницаемость для истины людей, подобных г. Струве. Это желание видеть во всем какой-то таинственный, неразрешимый, роковой вопрос, а главное, недоброе чувство к людям, не допускающим никаких роковых вопросов, а мыслящих просто и прямо»⁵². Тем не менее, в плане гуманитарном и нравственном, в Ясной поляне состоялась встреча единомышленников. Сущность роковых разногласий Л. Н. Толстого с политиками образно сформулировала З. Н. Гиппиус: «Его абсолютная правда — звезда, но он не только не указывает к ней путей — он не хочет, чтоб к ней был путь, он не любит ищущих пути, он не верит идущим»⁵³. В противовес Л. Н. Толстому, социал-демократы и либералы, по З. Н. Гиппиус, чрезвычайно заботились о средствах и движении, но «неизвестно куда, неизвестно к чему»⁵⁴.

Итак, к 1908—1909 гг. противогосударственная, беспочвенно-революционная, атеистическая инерция в сознании российской интеллигенции начала ослабевать. Затухание либерально-радикальных тенденций происходило не само собой — для этого потребовалась серьезная ревизия интеллигентского мирозерцания. Важным этапом самовоспитания, политического самопознания интеллигенции стал сборник «Вехи». То мощное идейное сопротивление, которое встретила книга в интеллигентских кругах, доказывает, что «Вехи» не были порождением идеологической конъюнктуры. С другой стороны, «Вехи» трудно назвать ренегатским опусом.

Важно подчеркнуть, что «веховство» как идеология есть не отрицание, а *преодоление* крайнего человекобожия, нигилизма, политического радикализма, атеизма. Характерное суждение сформулировал С. Н. Булгаков в трактате «Два града»: «...Интеллигентщина не есть неустранимая сущность интеллигенции, напротив. Она есть болезненное искажение ее лика»⁵⁵. Лучше других это понимали художники, для которых появление «Вех» не стало ни сюрпризом, ни откровением. В течение долгого

времени именно художественная интеллигенция являлась последовательной выразительницей идей, ставших духовным фундаментом «веховства». Главные из них: творческое самовоспитание и политическое самоограничение личности, признание приоритета культуры над политикой, ориентация на почвенные, традиционные ценности. Важность и судьбоносность «канонического» «веховства» состояла лишь в том, что к 1909 г. эти идеи стали доступны не только сознанию художественной элиты, но и либерально-партийной интеллигенции.

Примечания

- ¹ Струве П. Б. *Patriotica* : политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 87.
- ² Там же. С. 212.
- ³ Розанов В. В. *Собрание сочинений. В нашей смуте.* М., 2004. С. 28.
- ⁴ Розанов В. В. *Собрание сочинений. Около народной души.* М., 2003. С. 307.
- ⁵ Розанов В. В. *Собр. соч. В нашей смуте.* С. 207.
- ⁶ Там же. С. 208.
- ⁷ Боборыкин П. Д. *Обличители интеллигенции // Вехи : pro et contra.* СПб., 1998. С. 71.
- ⁸ Мережковский Д. С. *Семь смиренных // Там же.* С. 107.
- ⁹ Бельй А. *Правда о русской интеллигенции // Там же.* С. 258.
- ¹⁰ См.: Вехи ; Из глубины. М., 1991. С. 90.
- ¹¹ Розанов В. В. *Мережковский против «Вех» // Вехи : pro et contra.* С. 113.
- ¹² *Архиепископ Антоний.* *Открытое письмо авторам сборника «Вехи» // Там же.* С. 178.
- ¹³ 2 Кор. 12 : 21.
- ¹⁴ 2 Кор. 12 : 15.
- ¹⁵ Петрункевич И. И. *Интеллигенция и «Вехи» // Вехи : pro et contra.* С. 564.
- ¹⁶ *Ответное письмо архиепископа Антония Н. А. Бердяеву о «Вехах» // Там же.* С. 423.
- ¹⁷ Там же. С. 427—428.
- ¹⁸ Шагинян М. С. *Еще о «Вехах» // Вехи : pro et contra.* С. 333.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 121.
- ²⁰ *Боцяновский В. Ф.* *Нечто о «трусливом интеллигенте» // Вехи : pro et contra.* С. 172.
- ²¹ *Фома Опискин.* «Вехи» // Там же. С. 222—224.
- ²² *Сементковский Р. И.* «Вехи» // Там же. С. 261.
- ²³ *Северный С.* «Вехи» и Чехов // Там же. С. 314—315.

- ²⁴ Морозов М. Дьявол нашего времени // Всеобщий ежемесячник. 1910. № 1. С. 121.
- ²⁵ Скиф Н. Золотые сны о золотом веке // Русский вестник. 1903. № 9. С. 201. См. также: Соколов Н. М. Об идеях и идеалах русской интеллигенции. СПб., 1904.
- ²⁶ Энгельгардт Н. А. Мысли кстати // Новое время. 1903. 23 сент., 6 нояб.
- ²⁷ Энгельгардт Н. А. Моим критикам // Там же. 1901. 7 янв.
- ²⁸ Скиф Н. Догмы русского нигилизма // Русский Вестник. 1905. № 7. С. 77.
- ²⁹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ³⁰ Государственный архив РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55. Л. 85.
- ³¹ Толстой Л. Л. Истинная и мнимая свобода // Новое время. 1905. 25 февр.
- ³² Розанов В. В. Об амнистии // Там же. 1906. 10 мая.
- ³³ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1912. С. 4.
- ³⁴ Перцов П. П. Кризис интеллигенции // Новое время. 1908. 24 дек.
- ³⁵ См.: Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 368.
- ³⁶ Там же. С. 362.
- ³⁷ Розанов В. В. Собрание сочинений. Русская государственность и общество. М., 2003. С. 141.
- ³⁸ Там же. С. 132.
- ³⁹ Там же. С. 153.
- ⁴⁰ Розанов В. В. Собр. соч. В нашей смуте. С. 156.
- ⁴¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 252.
- ⁴² Там же. С. 326.
- ⁴³ Там же. С. 332.
- ⁴⁴ Мережковский Д. С. Было и будет : Невоенный дневник. М. : Аграф, 2001. С. 261.
- ⁴⁵ Струве П. Б. Patriotica. С. 72.
- ⁴⁶ Письма А. И. Эртеля. М., 1909.
- ⁴⁷ Струве П. Б. Patriotica. С. 242.
- ⁴⁸ Розанов В. В. Собр. соч. О писательстве и писателях. С. 566—567.
- ⁴⁹ См.: Розанов В. В. Черный огонь. Paris, 1991. С. 42.
- ⁵⁰ См.: Там же. С. 60.
- ⁵¹ Струве П. Б. Роковые вопросы : по поводу статьи Л. Н. Толстого «Неизбежный переворот» // Русская мысль. 1909. № 10. С. 216—220.
- ⁵² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 38. С. 238.
- ⁵³ Гиттиус З. Н. Из дневника журналиста // Русская мысль. 1908. № 2. С. 161.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Булгаков С. Н. Два града : исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 13.

В. М. Кузьмина

**РЕТРАНСЛЯЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ТВОРЧЕСТВЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ**

Построение гражданского общества, независимо от того, является ли оно советским или российским, всегда базировалось на идеологии. Идеология, в свою очередь, должна подкрепляться соответствующими социокультурными символами, которые в сознании каждого человека должны ассоциироваться с тем или иным направлением в политике советского государства, с проводимыми мероприятиями, возможно, с конкретными личностями. В XXI столетии вновь наблюдается значительное возрастание социокультурной, интеллектуально-духовной и творческой роли символов. Мир культуры — мир символов. Всё это выявляет необходимость более глубокого изучения той важнейшей роли, которую они играют в разнотипных культурах, чтобы выработанный язык символов мог стать общемировым достоянием.

М. Хайдеггер как-то высказал идею о том, что в художественном творении совмещено и сведено воедино еще нечто иное, что творение есть символ. Если рассмотреть творчество представителей интеллигенции именно с этой точки зрения, то можно увидеть, насколько значима была их деятельность, насколько она была важна именно в мировоззренческом плане, поскольку символы играют существенную роль в жизни любого человека.

По мнению С. Кара-Мурзы, форсированная индустриальная модернизация немислима без коммунистической идеологии,

© Кузьмина В. М., 2015

Кузьмина Виолетта Михайловна — кандидат исторических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западного государственного университета (Курск). kuzmina-violetta@yandex.ru

которая позволяла манипулировать советскими гражданами ради интересов государства¹. Для того чтобы данная идеология превратилась в веру, в нее должны были поверить, а для этого необходимо было искоренить веру православную. Интеллигенция активно привлекалась к организации и участию в массовых действиях, которые, с одной стороны, являлись непосредственной формой отражения гигантского социального переворота и были орудием пропаганды, с другой — приобщали народ к искусству. Неудивительно, что в недрах этих спектаклей рождались черты новой эстетики искусства и использовались некоторые новые средства выражения.

По мере развертывания индустриализации и коллективизации в стране возросла необходимость в усиленном идеологическом влиянии интеллигенции на рабочих и крестьян, требовалось создать целую систему социокультурных символов эпохи. И. М. Варейкис, критикуя пролетарские организации писателей, считал, что литература должна быть «социалистической», «революционной» или «советской». Для достижения этих целей И. М. Варейкис, наряду с созданием объединения, предлагал взять непролетарскую литературу в ежовые рукавицы: «Никакой свободы печати, “свободы” литературы не может быть в классовом обществе. Речь идет о том, какому классу служит данная литература, данный писатель. Наша задача состоит в том, чтобы заставить писателя служить делу социализма, чтобы он свои силы приложил именно на это строительство, а не оплевывание нашей революции, не на высмеивание того “хаоса”, которым он считает революцию, ворвавшуюся стихийным кровавым бураном в его обывательскую жизнь»².

Таким образом, после ряда дискуссий на тему направления деятельности литераторов в область служения делу социалистического строительства, в июне 1925 года было принято постановление ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы». Значение этого документа для развития литературы и искусства в целом ранее уже рассматривалось в работах современных исследователей³. В данной статье важно отметить, что именно в этом документе указывалось, что «партия должна подчеркнуть необходимость создания художественной литературы, рассчитанной на действительно массового читателя, рабочего и

крестьянского; нужно смелее и решительнее порвать с предрассудками барства в литературе и, используя все технические достижения старого мастерства, выработать соответствующую форму, понятную миллионам. Только тогда советская литература и ее будущий пролетарский авангард смогут выполнить свою культурно-историческую миссию, когда они разрешат эту великую задачу»⁴.

Сталин на собрании писателей-коммунистов на квартире М. Горького 20 октября 1932 года четко обозначил направление деятельности творческой интеллигенции в условиях индустриальной модернизации страны. «Вы должны были создать единую сплоченную коммунистическую фракцию, чтобы перед лицом этого океана беспартийных писателей фракция выступила единым сплоченным фронтом, единым крепким коллективом, направляя вместе с ними литературу к тем целям, которые ставит перед собой партия. А цель у всех у нас одна: строительство социализма»⁵. Таким образом, Сталин еще в 1932 году дал понять писателям, чего от них ждет руководство партии и какова их роль в индустриальной модернизации страны.

В целом, в 1930-е годы сложилась целая система социокультурных символов советской эпохи, которая формировалась, в том числе, благодаря творческой деятельности поэтов и писателей Центрального Черноземья. Рассмотрим данное утверждение на следующих примерах.

Тема освобожденного творческого труда, труженик во всем великолепии его личностных качеств не ускользал от проникновенного взора художника, любующегося, главным образом, плодами трудов человека. По словам Ф. Гладкова, замысел романа «Энергия» родился у него еще в 1926 году. В 1927 году писатель посетил Днепрострой. Затем он побывал на Волховской, уже действовавшей электростанции, вернулся на Днепрострой, длительное время принимал активное участие в жизни партийной организации стройки⁶.

Например, в 1921 году в Воронеже выходит небольшая книга А. П. Платонова «Электрификация», в 1922 году в Краснодаре — книга его стихов «Голубая глубина»⁷. Читатель чувствовал, что А. П. Платонов — в душе не только сын своего отца-слесаря, но и вообще русского рабочего. «У него — как и у этого

молодого гиганта, познавшего коллектив, машину, производство, но еще не порвавшего с деревней, не освободившегося от “тяги к земле”, — два перепева: фабричного гудка, потной работы, мускульной отваги, коллективного творчества, мощи Нового Города, с одной стороны, и поля, степи, голубой глубины, ржаных колосьев, “Мани с Усмани” и большой дороги со странником Фомой — с другой», — писал в предисловии к книге Г. З. Литвин-Молотов, редактор издательства, известный партийный деятель, «наставник» воронежских пролетарских писателей⁸.

Воронежская писательница О. К. Кретова написала документальную повесть «Выбор», в которой рассказывалось о поисках советскими крестьянами своего нового пути. Первый очерк «Заслужил» — о коммунисте, сражавшемся с кулаками за новую жизнь крестьян-бедняков, она написала в 1925 году. Он был опубликован в популярной тогда газете «Беднота». Вскоре после этого молодая писательница сближается с литераторами Воронежа, которые в ту пору образовали при «Воронежской коммуне» и «Нашей газете» литературную группу «Чернозем».

Особенностям социалистического строительства в Черноземье посвящен сборник стихов Н. Н. Асеева «Наша сила» (1939). Автору удалось создать гармоничный облик советского человека — строителя своего будущего вместе с преобразующейся природой. М. Булавин в книге «Лава» показал борьбу за увеличение добычи угля на одном из московских угольных бассейнов.

Аркадий Гайдар сумел в сердцах мальчишек и девчонок заоронить семена будущих строителей нового социалистического общества, он учил их жить в коллективе, бороться за идею, не отступать, быть верными друзьями, стремиться к самостоятельности и т. д. Со своими читателями Гайдар говорил об очень важных вещах: о сложности жизни, об ответственности за свои поступки, человеческой солидарности, о любви к Родине.

Не только серьезные и идеологически грамотные произведения пользовались успехом у читателей и влияли на формирование их самосознания, но и сатирические, обличительные. Правдивостью изображения довоенной колхозной жизни, актуальностью и смелостью постановки вопросов отличались рассказы и очерки В. Овечкина. Простого труженика рассказы В. Овечкина подкупают убедительностью показа нового, колхозного быта,

который уже стал органическим, привычным в жизни деревни. Новое становится особенно очевидным при сопоставлении с еще недавним прошлым: на этом строится рассказ «Родня» (1938). Живо передано Овечкиным новое в жизни деревни в известном рассказе «Гости в Стукачах» (1940), рисующем соревнование двух колхозов⁹. Но колхозная жизнь в рассказах Овечкина не представляет идиллии. В них изображено немало плохих руководителей, разваливающих колхозное хозяйство, нерадивых колхозников, летунов, спекулянтов. Писатель рассказывает, как трудно иной раз приходится передовым людям деревни.

Художники активно пропагандировали рост индустриальной мощи страны. Так, картина Б. Н. Яковлева «Транспорт налаживается» (1923) являлась программным произведением, утвердившим в советском пейзаже индустриальную тему. Художник сумел передать борьбу рабочего класса за восстановление народного хозяйства. К индустриальному пейзажу обращаются в те же годы многие художники. В 1923—1924 годах А. В. Моравов совершает поездки на Волховстрой, чтобы запечатлеть строительство первенца советской электрификации.

В 1926 году, после постановления ЦК ВКП (б) «О политике партии в области художественной литературы»¹⁰, в Центральном Черноземье создаются филиалы Ассоциации художников революционной России (АХРР) и Объединения молодежи ассоциации художников Революции (ОМАХР)¹¹. Эти организации впервые сделали работы художников доступными для всего населения посредством плановых выставочных мероприятий. На первой выставке АХРР был широко представлен один из крупнейших передвижников Н. А. Касаткин, вошедший в историю русского дореволюционного искусства как художник, широко отобразивший жизнь пролетариата¹². Ассоциацией были организованы большие тематические передвижные выставки, в которых нашла отражение новая социалистическая действительность: «Жизнь и быт рабочих» (1922), «Жизнь и быт Красной Армии» (1923), «Революция, быт и труд» (1924), «Жизнь и быт народов СССР» (1926) и ряд других. Эти выставки, объединенные общим тематическим стержнем, были новым явлением и имели большой успех у зрителей.

К достижениям в области соединения жизни крестьянства с интересами индустриального строительства следует отнести картины Е. М. Чепцова «Заседание сельской ячейки» (1924) и «Переподготовка учителей» (1925), в которых художник с большой теплотой, правдивостью и безыскусственной простотой запечатлел новый быт советской деревни начала 1920-х годов. Данная тема нашла отражение в работах А. А. Дейнеки «На стройке новых цехов» (1926), «Текстильщицы» (1927) и др.

В 1930-е годы дарование А. А. Дейнеки развивается в полной мере. Он создает глубоко взволнованные и проникновенные образы — «Мать» (1932), «Спящий мальчик» (1932), пишет многофигурные композиции, в которых воплощает свой замысел с присущей ему пластической ясностью и выразительностью, хотя и несколько схематично («Наемник интервентов», 1931; «На допросе», 1933). В спортивных мотивах Дейнека находит красоту и динамику современности. Отбрасывая несущественное, выделяя и подчеркивая главное средствами линии, силуэта, ритма, художник достигает острой выразительности образа. Характерны в этом отношении картины «В обеденный перерыв в Донбассе» (1935), «Колхозница на велосипеде» (1935) и др.

Интересен эскиз монументальной росписи «Социалистическая стройка», выполненный И. П. Симаковым. Картина вдохновляла на созидательный труд, показывая красоту и мощь советской индустрии. На холсте были изображены дымящие трубы заводов, подъемные краны, новые корпуса цехов; всё это передано художником правдиво и убедительно¹³. Наиболее выразительными произведениями, отражающими тему труда на селе, были «Сенокос» (1926) А. М. Балашова и «Труд» (1926) Г. Н. Антоновой. Из жанровых полотен, показывающих ростки новой жизни, привлекали внимание «Первый трамвай» (1926) Е. С. Агеева, «В Доме крестьянина» (1926) А. Н. Дубянского и портреты, написанные М. П. Бакалинской.

Вторая половина 30-х годов была важным периодом в развитии советской драматургии. Существенно расширилась тематика пьес, охватывавшая самые различные стороны жизни, более богатым стало жанровое разнообразие. Серьезные успехи были достигнуты в разработке реалистического образа советского человека. Так, анализ репертуара Курского, Липецкого,

Воронежского, Тамбовского драматических театров свидетельствует, что в изучаемый период в стране ставились пьесы, показывавшие рождение нового советского гражданина в условиях сопротивления чуждых классовых элементов, героики труда, приоритетов коллективного над частным: «Далекое» А. Афиногорова, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Разлом» Б. Лавреница, «Нашествие» Л. Леонова — в Курском драмтеатре; «Васса Железнова» М. Горького, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Любовь Яровая» и «Нашествие» — в Липецком драмтеатре; «Бронепоезд 14—69» В. Иванова, «Мой друг» Н. Погодина, «Бойцы» Б. Ромашова, «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие» М. Горького, «Любовь Яровая» — в Воронежском драмтеатре; Тамбовский областной драматический театр открылся 21 октября 1937 года спектаклем «Любовь Яровая», затем шли пьесы «Давным-давно» А. К. Гладкова, «Машенька» и «Далекое» А. Н. Афиногорова, «Слава» В. Гусева. Сюжетные линии этих пьес позволяют понять, какие черты характера формировались у советских граждан, какие новые ценности становились жизнеутверждающими на данном этапе индустриальной модернизации.

В послевоенные годы продолжилось осмысление базовых характеристик социокультурных символов писателями Центрального Черноземья.

Например, в произведениях Т. Журавлева «Комбайнеры» (1953) и Г. Николаевой «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» (1954) была изображена деятельность работников машинно-тракторных станций, борьба передовых людей МТС за новые методы работы. Они посвятили свои повести труженикам села, острым проблемам перестройки их работы в соответствии с новыми задачами, которые поставила партия.

Большой интерес вызвали произведения молодого писателя В. Тендрякова — повести «Падение Ивана Чупрова» (1953), «Не ко двору» (1954) и ряд рассказов, особенно «Ненастье» (1954). Читатели смогли увидеть вредность чуждого духу советской морали взгляда на колхозную жизнь. Против шаблона в руководстве колхозами направлен рассказ «Ненастье». Тяжелые переживания человека, убедившегося в порочности своих методов работы, вскрыты в нем глубоко и убедительно.

В связи с возросшим вниманием писателей к проблемам идеологической жизни советского общества, к вопросам морали, конфликты стали глубже и сложнее, чем во многих произведениях предшествующих лет.

Тема малой Родины, из которой рождается и вырастает наша Великая Родина, Великая Россия, тема труда, формирования нового человека проходит красной нитью через всё творчество другого выдающегося русского писателя этого времени — Е. И. Носова. «Как писатель я черпаю вдохновение в своем курском соловьином крае, я переносил на страницы книг образы простых людей, которых встречал на пашнях и в избах, людей, заровнявших воронки недавней войны и вновь обративших поля сражения в поля мирного созидания», — говорил Е. И. Носов¹⁴.

Действительно, большинство его повестей и рассказов — отчетливо курского происхождения: в них и природа родного края, и его люди. Проблемы, которые Е. И. Носов начал рассматривать в 1950-е годы, а затем и позднее в своих произведениях, всё же нельзя назвать локальными. Индустриализация страны и возникновение новых городов и поселков, развитие послевоенной деревни, рост материального благосостояния народа, проблемы нравственности, традиции Великой Отечественной войны и современность, отцы и дети, взаимоотношения человека с природой, советский образ жизни — всё это было значимо и существенно для каждого читателя.

Одной из тенденций, характерных для драматургии 1953—1954 годов, является желание глубже проникать в жизнь, смелее вскрывать ее противоречия и трудности роста, резче и непримиримее критиковать отрицательное.

С этим непосредственно связано естественное стремление всесторонне раскрыть внутренний мир простого рядового труженика как мир сложный, интересный, содержательный. Драматурги показывали рост мировоззрения советских людей, тонкость и богатство их чувств. Усиливаются сюжетно-тематическое своеобразие произведений драматической литературы, выбирающей сложные проблемы жизни, и острота драматургических конфликтов, отражающая остроту жизненной борьбы¹⁵. Нешаблонны, насыщены жизненным драматизмом конфликты таких пьес, как «Когда ломаются копыя» Н. Погодина, «Весенний поток»

Ю. Чепурина, «Опасный спутник» А. Салынского, «Годы странствий» А. Арбузова, «Сердце не прощает» А. Софронова, «Персональное дело» А. Штейна, «В добрый час» В. Розова. При этом резкая критика недостатков не носит в этих пьесах самодовлеющего характера. Как ни драматичны ситуации, как ни концентрируют они отрицательные и противоречивые стороны жизни, пьесы эти оптимистичны по самому своему духу. В них нет уныния и скептицизма, нет растерянности перед сложностью действительности, нет страха за судьбу простого человека, вступающего в большую и трудную жизнь.

В остросюжетной пьесе Д. П. Девятова «Родник в степи» зрители увидели конфликт старого и нового, связанный с проникновением индустриальной мощи в деревню. Модернизация сельской жизни привела к тому, что деревня становилась механизированной, это формировало новые отношения и новую психологию.

В произведениях художественных выставок в послевоенные годы отчетливо проявились такие качества, как наблюдательность, умение увидеть значительное в повседневном. Образ современника становится конкретнее, человечнее. О любви к людям — труженикам целины — говорит серия задушевных, очень жизненных по своим мотивам и образам картин Д. К. Мочальского («Люди целины»). Это маленькие правдивые новеллы о буднях современников.

Эти примеры художественных произведений говорят о том, что благодаря творческой интеллигенции в обществе закрепились следующие социокультурные символы:

- борьба старого и нового в виде советского человека-борца, стремящегося к созиданию новой социалистической действительности;
- бескорыстный труд на благо отечества;
- жертвенность индивидуального ради коллективного.

Помимо данных нравственно-идеологических символов, появляются еще и символы экономической и технической жизни страны: пятилетки, освоение космоса, магистрали и т. д.

Благодаря этим символам советская эпоха была узнаваема в любом обществе, для одних граждан они служили своеобразной «отправной точкой», для других — «маяком» в труде. Творческая

интеллигенция формировала новый тип советской личности, способной на самопожертвование ради коллективных и государственных интересов.

Символ основан на живом созерцании действительности, следовательно, он есть ее отражение. Этим и объясняется простота советских символов-образов, так прочно вошедших не только в повседневность, но и мировоззрение граждан страны. Если взять чувственный образ как таковой, без той реальности, которую он отражает, то это не будет ни образом, ни представлением. То есть, сам по себе символ в виде митингов, пятилеток, полета человека в космос малоинформативен без сопоставления с советской действительностью, но при рассмотрении этих символов в контексте той реальности, которая их рождала, они могут рассказать и о культуре, и о духовно-нравственном развитии человека, и о многом другом.

На этом основании можно сказать, что сегодня в нашем восприятии понятие «советская эпоха» достаточно противоречиво, поскольку для одних — это время становления величия страны, для других — время репрессий. И тех и других объединяют символы советской эпохи, на которых они были воспитаны, и в этом величайшая заслуга нашей советской творческой интеллигенции.

Примечания

¹ *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2009.

² *Варейкис И.* О нашей линии в художественной литературе и о пролетарских писателях // Правда. 1925. № 40. 18 февр.

³ См., напр.: *Кузьмина В. М.* Особенности государственной политики в отношении творческой интеллигенции в период становления и развития командно-административной системы (1920—1940-е годы) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 (1). С. 71.

⁴ Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» // Известия ЦК РКП (б). 1925. № 25/26. С. 8—9; Правда. 1925. 1 июля.

⁵ См.: *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946) // Вопросы литературы. 2003. № 4.

- ⁶ Уханов И. П. Творческий путь Ф. Гладкова. М., 1953. С. 34.
- ⁷ Кузьмина В. М. Участие творческой интеллигенции Центрального Черноземья в социально-экономической жизни советского общества на этапе форсированной индустриальной модернизации // Общество : философия, история, культура. 2011. № 3/4. С. 81—82.
- ⁸ См.: Шубин Л. А. Первая школа искусства жить : (истоки творчества Андрея Платонова) // Вопросы литературы. 1984. № 1. С. 31—61.
- ⁹ Гуманистический характер произведений о труде // Ковалев В. А. и др. Очерк истории русской советской литературы. М., 1952. Ч. 2. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/ochlit07.html> (дата обращения: 18.03.2015).
- ¹⁰ Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18.06.1925 // Власть и художественная интеллигенция : документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике, 1917—1953 гг. М., 1999. С. 53.
- ¹¹ Курская правда. 1926. 15 дек.
- ¹² Товарищество передвижных художественных выставок : Н. А. Касаткин. URL: <http://tphv.ru/kasatkin/kasatkin1.php> (дата обращения: 18.03.2015).
- ¹³ См. об этом подробнее: Кузьмина В. М. Отражение особенностей индустриального развития страны в XX веке в творчестве литераторов и художников Курского, Тамбовского, Воронежского края // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. № 2. С. 82—88.
- ¹⁴ См.: Литературная газета. 1976. № 3. 14 янв.
- ¹⁵ См.: Бугров Б. С. Русская советская драматургия 50—70-х годов: основные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986.

В. В. Комиссаров

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ФАНТАСТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОГНОЗЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ
1960—80-х годов**

В одной из своих прежних публикаций нами отмечалось, что отношение к прогностическим функциям научной фантастики в среде советской интеллигенции было крайне неоднозначным, от признания провидческой силы жанра до ее полного отрицания¹.

История мировой нереалистической литературы знает немало удачных предсказаний и прогнозов. Среди них можно назвать гениальную догадку Дж. Свифта, который в своем романе «Приключения Лемюэля Гулливера» в 1726 г. описал спутники Марса, открытые астрономами только в 1877 г. О причинах этого предсказания существует немало версий, в том числе мистического и эзотерического характера. Однако есть и вполне рациональные объяснения, одно из которых дал советский астрофизик и популяризатор науки И. С. Шкловский: «По-видимому он [Дж. Свифт] исходил из того хорошо известного факта, что Земля имеет один спутник, а Юпитер — 4 (это так называемые галилеевские спутники, единственные тогда известные...). Так как Марс находится между Землей и Юпитером, то, исходя из геометрической прогрессии, Свифт предположил, что у Марса должно быть два спутника. <...> Из того факта, что никто из астрономов

© Комиссаров В. В., 2015

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. академика Д. К. Беляева». cosh-kin@mail.ru

Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность».

в существовавшие тогда телескопы спутников Марса не обнаружил, Свифт справедливо предположил, что последние должны быть достаточно маленькими. Гениальность Свифта проявилась в том, что он отнес спутники Марса на сравнительно небольшое расстояние от планеты, так как, по-видимому, понимал, что даже очень маленькие спутники на достаточно большом расстоянии вполне могли быть наблюдаемыми². На данном примере наглядно видно, что Дж. Свифт использовал все три метода литературного прогноза, названные А. Ф. Бритиковым, а именно *аналогию, экстраполяцию и интуицию*³.

Попробуем определить, насколько советские фантасты сумели предугадать реальные проблемы, упущенные в силу ряда причин официальной идеологией. Как известно, в 1961 г. XXII съезд КПСС принял программу построения коммунизма. В прежних своих работах автор данных строк уже писал, что идеи марксистского коммунизма и постиндустриализма имеют общие черты. Фактически, советские идеологи оказались, как принято сейчас говорить, в мейнстриме общественного развития. Но они ушли от рассмотрения конкретных проблем будущего общества, хотя все данные для таких прогнозов были. По крайней мере, в западной футурологии моделирование общества будущего изобилия с его специфическими проблемами предпринималось. И вот здесь на авансцену выступила фантастика.

Одной из важных проблем, волновавших общество после Второй мировой войны, стала опасность ядерной войны и радиационных катастроф. Конечно, применительно к радиационным катастрофам, понятие социального заказа выглядит довольно странно, если не абсурдно. Однако литература изучаемого периода, прогнозирующая подобные явления, была востребована.

Первым, кто затронул эту тему в советской фантастике, был, пожалуй, А. П. Казанцев. В рассказе «Взрыв» (1946) писатель высказал идею, объясняющую Тунгусскую катастрофу 1908 г. крушением инопланетного корабля с атомным двигателем. В рассказе присутствуют и детали, характерные для подлинных радиационных катастроф, включая и лучевое поражение людей. Однако жанр и сюжет не позволяют считать это произведение предсказанием радиационных аварий, так как и причина взрыва носит внешний характер, и в произведении отсутствуют

моральные оценки неразумного использования атомной энергии. Справедливости ради следует заметить, что в своем позднем рассказе «Бешеные дивиденды» А. П. Казанцев спрогнозировал другую серьезную проблему. Речь идет о краже радиоактивных источников с целью их коммерческой реализации. Хотя произведение создано с явной целью показать всю античеловеческую сущность империализма, толкающего людей ради наживы на самые безумные преступления, осуществилось это предсказание именно на пространстве бывшего СССР, где в 1990-е гг. (если верить прессе) действительно имели место попытки кражи и перепродажи радиоактивных материалов.

Описание радиационной катастрофы в планетарном масштабе привел в своем культовом романе «Гуманность Андромеды» И. А. Ефремов. Земной звездолет летит на встречу с развитой инопланетной цивилизацией, но видит только итоги трагедии. «Заросли черных маков протянулись на тысячи километров, заменив собою всё — леса, кустарник, тростники травы. Как ребра громадных скелетов, виднелись среди черного ковра улицы городов, красными ранами ржавели железные конструкции. Нигде ни живого существа, ни деревца — только одни-единственные черные маки! <...> Столетия общее количество излучения могло увеличиваться... а потом сразу качественный скачок! Разваливающаяся наследственность, прекращение воспроизводства потомства, плюс лучевые эпидемии... Это случается не в первый раз»⁴.

Первым советским писателем научно-фантастического жанра, попытавшимся детально спрогнозировать конкретную радиационную аварию и ее последствия, стал В. И. Савченко. В ранней повести «Черные звезды» (1958) он описал две аварии, произошедшие в атомных лабораториях СССР и США. При описании этих событий использованы вполне достоверные детали, уже известные человечеству по атомным взрывам в Хиросиме и Нагасаки. Например, это тени от людей, испепеленных высокой температурой взрыва: «Против лесенки, на обожженной темно-коричневой кафельной стене, ясно белеет силуэт человека... Силуэт был большой, во всю двухэтажную высоту стены... Тепловая и световая вспышка затемнила кафель, а заслоненная телом человека часть стены оказалась белой. Была различима занесенная к голове рука — видно. Человек

в последнем движении хотел прикрыть лицо...»⁵ Впоследствии сам писатель достаточно высоко оценивал прогностическое значение своей повести: «Между написанием “Черных звезд” и чтением их в 1993 году случились две крупнейшие ядерные катастрофы: Тримайл-Айлендская в США (1979) и наша Чернобыльская. И обе они, не сказать описаны — но вполне определенно отражены в повести! Одна именно в Штатах (хотя я был волен в выборе страны), другая на Украине, на Днестре. Что-то, видимо, есть провидческое в работе писателя-фантаста; даже без мистики, вытекающее просто из глубокого изучения темы»⁶. При всем уважении к писателю следует заметить, что точность его прогноза достаточно условна. Так, в повести советская авария носит локальный характер и ведет к гибели всего одного человека; в то время как в США по ходу сюжета происходит настоящая катастрофа с масштабными последствиями. В реальности, авария на американской АЭС Тримайл-Айленд была быстро локализована и в целом не вышла за пределы самой станции; события на Чернобыльской АЭС приобрели катастрофический характер с масштабными и долговременными последствиями.

Более ярко прогностические способности В. И. Савченко проявились в другом его произведении — романе 1960-х гг. «Открытие себя». В нем описывается происшествие на исследовательском атомном реакторе. По сюжету, на занятиях по радиобиологии профессор запускал в реакторный бассейн угря, дабы продемонстрировать студентам губительное действие радиации на живой организм. Однако погибающая рыба нарушила систему управления реактором, агрегат вышел из-под контроля. «От цилиндра поднимались частые крупные бульбы, клубилась вода — вместо спокойного свечения в бассейне теперь полыхал зеленый костер, — так прогнозирует писатель развитие аварии. — Угорь больше не бесновался, но выбитые им графитовые стержни перекошились и заклинились в гнездах. Закипит вода — и облако радиоактивного пара на всю окрестность... Это не хуже атомного взрыва»⁷. Данная картина более соответствует механике теплового взрыва на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС. Это обстоятельство было подмечено участниками футуристического семинара Сергея Переслегина, посвященного Чернобыльской аварии. «Обе катастрофы — придуманная

и реальная — были инициированы экспериментом, — сравнивает фантастику и действительность один из участников семинара. — В фантастическом романе В. Савченко взрыва не произошло, что было обусловлено “человеческим фактором”... И в книге, и в жизни речь идет о закипании теплоносителя, тепловом взрыве установки с разрушением активной зоны реактора и радиоактивном загрязнении среды. Но здесь параллели кончатся. В романе угроза взрыва возникает на маломощном демонстрационном реакторе... В жизни взорвалась промышленная установка мощностью около 300 МВт...»⁸

Свое видение последствий радиационных аварий было и у братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких. Известно, что в повести «Пикник на обочине» (по мотивам которой снят «Сталкер» А. А. Тарковского) писатели красочно изобразили Зону — враждебную для человека территорию отчуждения. Зона в повести явилась результатом инопланетного вмешательства. Однако идея Зоны появляется в творчестве писателей в конце 1950-х гг., в раннем рассказе «Забытый эксперимент». Здесь Зона — печальный итог человеческой деятельности, тщательно охраняемая местность, заселенная животными-мутантами. «Сорок восемь лет после взрыва! Уже уровень радиации снизился в десять раз... Здесь настоящий заповедник мутаций, — пишут Стругацкие. — Во время взрыва и после, когда уровень радиации был высок, животные в зоне пострадали ужасно... Сразу после взрыва зону огородили, и они не успели разбежаться. Первое поколение сейчас уже вымерло, все последующие изуродованы»⁹. Примечательно, что фантазия Стругацких возникла не на пустом месте. Старший из братьев-писателей служил переводчиком на Дальнем Востоке, и именно к этому периоду относится его первый литературный опыт — написанная в соавторстве документальная повесть «Пепел Бикини». В ней рассказывается о трагических последствиях американских атомных испытаний на островах Тихого океана. Повесть основана на открытых зарубежных источниках. А. Н. Стругацкий в армии занимался переводом японо- и англоязычных публикаций и имел определенное представление о данной проблематике.

Примечательно, что тема радиационных аварий нашла отражение в официозном советском кинематографе. В 1979 г. был

создан фильм с красноречивым названием «Активная зона». Он представлял собой типичное соцреалистическое произведение с производственным сюжетом. Амбициозное и прагматичное руководство советской АЭС с целью перевыполнения плана заставляет дежурную смену увеличивать мощность реактора выше расчетной величины. Новый, но справедливый секретарь парткома в исполнении Олега Ефремова в меру своих сил борется с этой практикой. Однако кульминацией сюжета становится аварийная остановка реактора. Похожая тема содержится и в другом фильме конца 1970-х — «Комиссия по расследованию». Но там авария реактора на советской АЭС служит завязкой сюжета.

В завершение следует определить причины распространения подобной тематики в советской фантастике, в то время как официальная пропаганда убеждала людей в безопасности атомной энергетики. Участники уже упоминавшегося семинара Сергея Переслегина отметили парадоксальный, но любопытный факт — на сюжет о радиационных авариях и катастрофах существовал заказ. Фактически, масштабная радиационная авария в массовом сознании была ожидаема. «Чернобыльская катастрофа стала закономерным и долгожданным завершением системообразующего конфликта второй половины XX века — жесткого противостояния двух атомных держав... — отмечали участники семинара. — Практически чуть ли не единственная его формальная концовка, многократно описанная в литературе, — это уничтожение одной из сторон... И практически Чернобыльской аварии были приписаны все ожидаемые последствия атомной войны — взрыв, заражение местности, героизм... и все они имели место. Но без самой войны... Нагнетающийся десятилетиями страх не мог исчезнуть сам по себе... и произойти эта знаковая катастрофа должна была только в одной из двух версий — она могла случиться или в Советском Союзе середины 1980-х годов, или в Соединенных Штатах Америки в 1967—1968 годах»¹⁰.

Теперь проанализируем общие черты футуристических воззрений советских фантастов. Уже И. А. Ефремов в своей коммунистической утопии «Туманность Андромеды» показал ряд *границных условий* будущего коммунистического (или постиндустриального) общества. Это стабилизация численности населения — в качестве общественной обязанности каждая

женщина должна родить двух детей. Это региональная специализация по природно-климатическим зонам. Люди селятся в зоне умеренного климата (Средиземноморье и т. д.), другие широты используются в сырьевых и производственных целях. Растоплены полярные шапки (своего рода управляемое глобальное потепление), уровень океана повысился. Анализируя творчество И. А. Ефремова, С. Б. Переслегин пришел к интересному выводу: мир «Туманности Андромеды» (и других футуристических произведений автора) не соответствует парадигме развития современного западного индустриализма.

И. А. Ефремов более полувека назад обрисовал необходимость разрешения многих проблем современного общества: перенаселения, демографического перехода, глобализации и региональной специализации, ограничения темпов роста. Мир И. А. Ефремова самодостаточен, самодостаточно даже Великое кольцо (объединение разнопланетных цивилизаций), оно существует без какой-либо практической цели, просто для приятного общения. Неслучайно, что писателю возражали. Например, фантаст Г. И. Гуревич в своей классической работе «Карта страны фантазий» привел четыре аргумента против мира И. А. Ефремова¹¹.

Таким образом, на страницах научно-фантастических произведений и фантастического литературоведения шла дискуссия, которая, при здравом размышлении, должна была вестись в рамках идеологии и науки.

Другая проблема — это *трансформация человека будущего*. Надежды на то, что освобождение личности от производственных и бытовых забот приведет к раскрепощению интеллектуальных и творческих возможностей оказались утопичны. Напротив, опыт последних десятилетий показывает, что многие качества современного человека явились результатом суровой необходимости. Так, переход к машинописи, а затем и к компьютерному набору похоронил каллиграфию, нынешние школьники не пользуются даже прописями. В странах постиндустриализма, где уменьшается реальное производство, снижается функциональная грамотность, ибо она не более чем инструмент, позволяющий рабочему или инженеру прочитать чертеж и техзадание, а начальнику цеха — отдать правильное и понятное распоряжение.

Следует заметить, что в западной фантастике «новой волны» проблема упрощения и примитивизации человека будущего рассматривалась широко. Здесь можно вспомнить произведения Р. Брэдбери («451⁰ по Фаренгейту»), Р. Шекли («Билет на планету Транай», «Запах мысли»), К. Воннегута-младшего («Утопия 14») и др. Публикация «Утопии 14» в 12-м томе «Библиотеки современной фантастики» сопровождалась подробной статьей И. Бестужева-Лады, где анализировались зарубежные технократические концепции постиндустриализма. То есть и в этом случае фантастика и литературоведение подменили собой научную дискуссию.

В советской фантастике указанный сюжет наиболее остро был раскрыт в повести А. Н. и Б. Н. Стругацких «Хищные вещи века». В ней описывается мир, где решены все материальные проблемы, люди получают гарантированный минимум вещественных и духовных благ, но при этом предаются разврату, опасным развлечениям, пьянству и наркомании. Писатели интуитивно предугадали многие проблемы современности, а именно — политическую нестабильность, международный терроризм, криминальные войны, всё более расширяющуюся эпидемию наркомании. «Уголовники, озверелое от безделья офицерье, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок, наскучившая однообразием экономического шпионажа, взалкавшая власти... — пишут Стругацкие. — Пришлось... выйти из заводов и лабораторий, вернуть в строй солдат. Ладно, справились... Не успели довольствоваться безоблачными горизонтами, как из тех же грязных подворотен истории полезли... гангстеры, гангстерские шайки, гангстерские корпорации, гангстерские империи... снова вышли из заводов и лабораторий, вернули в строй солдат — справились. Снова горизонты безоблачны... и снова из тех же подворотен потек гной. Тонны героина, цистерны опиума, моря спирта... и еще кое-что, чему пока нет названия»¹². Мрачным пророчеством братьев-писателей в этой повести стала идея о создании опасных наркотиков из подручных средств и препаратов бытовой химии.

Подобный социальный пессимизм был характерен и для И. А. Ефремова. Так, в письме к Э. К. Олсону в 1969 г. И. А. Ефремов писал: «Все разрушения империй, государств

и других политических организаций происходят через утрату нравственности... Когда для всех людей честная и напряженная работа станет непривычной, какое будущее может ожидать человечество? Кто сможет кормить, одевать, исцелять, перевозить людей? Бесчестные, каковыми они являются в настоящее время, как они смогут проводить научные и медицинские исследования?»¹³ И после столь жестких слов следует не менее суровый прогноз: «Поколения, привыкшие к честному труду, должны вымереть в течение следующих 20 лет, а затем произойдет величайшая катастрофа в истории в виде широко распространяемой технической монокультуры, основы которой сейчас упорно внедряют во всех странах, и даже в Китае, Индонезии и Африке»¹⁴.

Даже такой специфический и сложный процесс как *демонтаж тоталитарной системы*, что либеральной интеллигенцией воспринималось как безусловное благо, моделировался советскими фантастами (как правило, в форме притчи). Можно вспомнить повесть Стругацких «Обитаемый остров», по сюжету которой земной космонавт Максим Каммерер, в результате аварии оказавшийся на планете Саракш и движимый благородными чувствами, уничтожает передающий центр, из которого и транслируется излучение, обеспечивающее покорность населения. Но в финале он узнает, что оказал жителям планеты «медвежью услугу», ибо резкое прекращение волнового воздействия вызывает у них шизофрению в 80 % случаев. Здесь сложно не вспомнить события рубежа 1980—90-х гг., когда наступил столь долгожданный многими крах советского тоталитаризма, и по стране неожиданно прокатилась настоящая «эпидемия» веры в различных колдунов, целителей, психотерапевтов, мессий, лидеров авторитарных сект, не говоря уже о различного рода политических проходимцах.

Похожая ситуация была смоделирована в повести С. Ф. Гансовского «Инстинкт». На далекой планете существует благополучная цивилизация, населенная как бы людьми, но ведущими себя подобно коллективному насекомому. Каждый день они повторяют день предыдущий: печатают одни и те же статьи, пишут одинаковые стихи, идут как по команде на пляж. Материальные потребности жителей обеспечивает некая таинственная машина, скрытая в недрах планеты. Земной космонавт, как и у Стругацких, в результате аварии посетивший планету, разрушил

идиллию, остановил машину, заставил население думать, каждый день принимать оригинальные ответственные решения. В итоге планета погрузилась в хаос, начался голод, болезни, эпидемии.

Конечно, научная фантастика весьма специфический вид осмысления действительности, который, однако, на поверку оказывается более адекватным механизмом прогнозирования будущего по сравнению с иными формами общественного сознания. Безусловно, фантастика, даже подменяя идеологию и футурологию, не смогла выполнить их задачи. Это случилось потому, что власть предержащие не прислушивались к предупреждениям фантастов. Впрочем, и массовый читатель искал в фантастике скорее развлечение, нежели пищу для ума.

Примечания

- ¹ *Комиссаров В. В.* Дискуссии в среде интеллигенции о социальных функциях научной фантастики // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 2. С. 46—51.
- ² *Шкловский И. С.* Вселенная. Жизнь. Разум. М., 1962. С. 154—155.
- ³ *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 12.
- ⁴ *Ефремов И. А.* Звездные корабли ; Туманность Андромеды. М., 1965. С. 126—127.
- ⁵ *Савченко В. И.* Черные звезды : сб. фантаст. повестей и рассказов. М., 2002. С. 148.
- ⁶ Там же. С. 7.
- ⁷ *Савченко В. И.* Открытие себя. М., 1971. С. 176.
- ⁸ См.: *Переслегин С.* Мифы Чернобыля. М., 2006. С. 143—144.
- ⁹ *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Хищные вещи века ; Чрезвычайные происшествия ; Полдень, XXII век : фантаст. романы и рассказы. М. ; СПб., 1997. С. 226—227.
- ¹⁰ *Переслегин С.* Указ. соч. С. 245—246, 478—479.
- ¹¹ *Гуревич Г. И.* Карта страны фантазий. М., 1967. С. 141—142.
- ¹² *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Указ. соч. С. 123—124.
- ¹³ *Ефремов И. А.* Переписка с учеными ; Неизданные работы // *Научное наследство.* М., 1994. Т. 22. С. 189.
- ¹⁴ Там же. С. 190.

О. В. Пигорева

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОИСКИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В КОНЦЕ 1980-х — СЕРЕДИНЕ 1990-х ГОДОВ**

Современная политика России, направленная на развитие страны как суверенного и сильного государства, формирование сплоченной нации на основе традиционных ценностей вызывают негатив со стороны значительной части мирового сообщества, основанного на евро-атлантикоцентризме. В сегодняшнем информационном мире, где манипуляция сознанием стала одним из эффективных средств политики, актуализируется роль российской интеллигенции, в частности, необходимость определения и четкого формулирования ею собственной мировоззренческой позиции, позволяющей дать ответы на вызовы глобализации, определять вектор формирования духовных потребностей общества. Особая роль принадлежит учительской интеллигенции, от идеологической позиции которой во многом зависят организация и нравственное наполнение учебного процесса, воспитание подрастающего поколения. В связи с этим крайне важно изучение в историческом аспекте взаимовлияния на переходном этапе отечественной истории мировоззренческих поисков провинциальной учительской интеллигенции и формирования нового образовательного пространства регионов. Исторический опыт мучительного обретения педагогами школ провинции идеологических ориентиров в конце 1980-х — середине 1990-х годов, в условиях разрушения привычной системы классовых ценностей, отказа от коммунистической идеологии, господства критических оценок

© Пигорева О. В., 2015

Пигорева Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Курской государственной сельскохозяйственной академии им. И. И. Иванова, докторант Курского государственного университета. ovlebedeva117@yandex.ru

в отношении истории Отечества, актуален сегодня, когда происходит противостояние двух концепций: следование привнесенным западным, либеральным ценностям или опора на традиционные российские ценности. Особое значение ситуация выбора имеет для отечественной школы в период введения новых образовательных стандартов, которые, согласно справедливой оценке заведующего лабораторией истории педагогики и образования Института теории и истории РАО профессора М. В. Богуславского, выстроены в логике сформированной несколько лет назад концепции развития российского образования, основанной на принципах интеграции с западной системой образования, максимального либерализма, индивидуальности, вариативности и др.¹

В отечественной историографии глубоко, в рамках различных методологических концепций разрабатывалось сущностное понимание интеллигенции и ее социокультурной роли (В. Р. Веселов, Э. Б. Ершова, А. В. Квакин, В. В. Комиссаров, В. С. Меметов, Р. Д. Мамедов, В. Л. Соскин и др.)², изучались проблемы российской интеллигенции провинции (Н. Д. Волгина, А. А. Данилов, Н. Ю. Кривопалова, В. И. Сальников и др.)³.

Существенный пласт исследований посвящен профессиональной интеллигенции — творческой, научно-технической, библиотечной, вузовской, церковной и др. (Г. А. Будник, М. Н. Гусарова, А. В. Золотухина, В. С. Меметов, Ал. А. Соловьев, Ан. А. Соловьев и др.)⁴. Значительно меньше изучены вопросы учительской интеллигенции, что, по оценке ученых, стало тенденцией в отечественной историографии постсоветского периода⁵. На наш взгляд, учительская интеллигенция провинции, продолжавшая в условиях неприоритетности для государства школьного образования на высоком профессиональном уровне строить учебно-воспитательный процесс, не избежавшая собственных мировоззренческих ошибок, но одной из первых социальных групп осознавшая значимость традиционных ценностей в воспитании подрастающего поколения, оказавшаяся в крайне затруднительном экономическом положении, но стремившаяся в своей деятельности выйти за рамки главенства материальных ценностей, требует изучения и заслуживает признания.

Роль учительской интеллигенции провинции усиливается на переломных этапах отечественной истории, когда происходит качественное изменение системы образования. Ряд отечественных публикаций посвящен проблемам образовательного пространства, роли интеллигенции в его формировании⁶. Новое образовательное пространство конца 1980-х — середины 1990-х годов рассматривается автором как диалектическая система, сформировавшаяся в соответствии с изменившимися общественно-политическими и культурными условиями периода перестройки, основанная на общечеловеческих ценностях, отличительной особенностью которой явилось взаимодействие и взаимовлияние ее субъектов — государства, школы, общества, учительской интеллигенции, родительской общественности, общественных и религиозных организаций.

Произошедший в СССР в конце 1980-х годов «информационный взрыв» с огромным интересом был воспринят советской интеллигенцией. Предлагаемая со страниц газет и журналов, экранов телевизоров трактовка «белых пятен» истории жадно впитывалась общественностью. Появление в свободном доступе западных изданий, книг советских диссидентов, открытие архивных источников дали импульс для развития в стране идеологического многообразия. По образному выражению А. Ю. Ватлина, интеллигенция вошла во вкус исторических разоблачений⁷.

Происходившее болезненно отражалось на подрастающем поколении. Совет Министров РСФСР в 1991 году констатировал, что культуру молодежи с различной степенью интенсивности характеризуют развлекательно-креативная направленность, преобладание потребительских ориентаций над творческими, отсутствие индивидуализированности и избирательности, внеинституциональная культурная самореализация, слабая национально-культурная самоидентификация⁸. Органы управления образованием на рубеже 1980—90-х годов предписывали усилить нравственное воспитание молодежи, звучал призыв нацелить работу коллективов образовательных учреждений на всестороннее развитие личности учащегося, овладение им богатством отечественной и мировой культуры⁹.

Однако школа оказалась неспособной в полной мере противостоять происходящим в духовной сфере разрушительным

процессам; усугубляли ситуацию отказ от воспитательной функции школы и провозглашение деидеологизации учебного процесса. Существование мировоззренческого вакуума и невозможность выработки новой школьной методологии и концептуальных основ в условиях отсутствия системы общенациональных ценностей и ориентиров были официально признаны в Письме Министерства образования Российской Федерации от 28 декабря 1994 года № 24/1. Отмечалось, что школа как процесс непрерывного духовного воспроизводства не может успешно функционировать в условиях мировоззренческого вакуума¹⁰. В сложившихся обстоятельствах учительская интеллигенция провинции оказалась перед необходимостью собственного поиска идеологических ориентиров организации учебного процесса.

Учитель и провинция — эти два понятия во взаимовлиянии в условиях господства идеологического микса и присутствия государства в образовательной сфере лишь на уровне лозунгов, выступили в качестве совершенно нового явления духовно-образовательной сферы. Учителя провинции в конце 1980-х — середине 1990-х годов, в ситуации экономического и идеологического кризиса, «ухода» государства из системы образования, явились гарантом сохранения нравственного и интеллектуального потенциала школьного образования, сыграв огромную положительную роль в развитии образовательного пространства регионов. Методологическому обоснованию данного утверждения способствовала опора на вывод Ал. А. Соловьева о том, что провинциальная интеллигенция — это особый слой, являющийся выразителем регионального менталитета и генератором чрезвычайно важных для культурного самоопределения края процессов¹¹; а также понимание учителя как активного представителя общест-венности, выступавшего, по словам З. Г. Дайча, на рубеже 1980—90-х годов в качестве центральной фигуры учебно-воспита-тельного процесса¹².

Изменения периода перестройки «запустили» процесс обновления мировоззрения провинциальной учительской интелли-генции. З. Д. Ильина отмечала, что «информационно-культурный голод» в провинции стал одной из побудительных сил (в услови-ях политики «гласности и демократии») заполнения «белых пя-тен» истории региона¹³. В ситуации, когда политика гласности

и восторженно воспринятое советским обществом стремление к идеологическому плюрализму входило в противоречие с действующими в системе народного образования документами, учитель вынужден был отказаться от привычной для советской педагогики позиции исключительно ретранслятора и назидательного воспитателя. Вектор подаваемой педагогом информации должен был стать таким, чтобы материал соответствовал реалиям жизни. Провинциальная учительская интеллигенция в условиях неконтролируемого потока информации знакомилась с новой литературой (публицистической, художественной, научной/псевдонаучной, диссидентской и др.), транслировала ее школьникам, интерпретируя (в зависимости от идейной убежденности, личных или научных пристрастий, интеллектуального уровня и пр.) ее суть, вовлекала старшеклассников в общественно-политические дискуссии, обсуждала вопросы истории, культуры, что влияло на мировоззренческие основы организации учебного процесса.

Интеллигенция в конце 1980-х — начале 1990-х годов была в числе социальных групп, наиболее активно интересующихся религией, что отмечали в центре и на местах¹⁴. Новизной переходного периода явилось обращение провинциальной учительской интеллигенции в ходе мировоззренческих поисков к христианству, чему способствовали изменение государственно-церковных отношений, религиозное возрождение, начавшееся после масштабного празднования 1000-летия Крещения Руси, рост в обществе интереса к познанию своих корней, что для большинства жителей провинций центра РСФСР — России было связано с православием. Освобожденные от жестких идеологических рамок, «наполненные» новыми знаниями о советской и дореволюционной истории, о христианстве как факторе, формировавшем российскую государственность и культуру, почувствовавшие свободу слова, учителя становились ретрансляторами новой информации, не ангажированной партийными идеологическими установками.

Писатель В. А. Солоухин, говоря об изменениях, произошедших в русской живописи, использовал термин «террор среды». Он отмечал: «Когда все делают нечто тождественное, трудно кому-нибудь одному начать делать непохожее на остальных. Коварная суть “террора среды” состоит в том, что никто

не запрещал, не обязывал, не принуждал... каждый человек с младенчества воспитывался в той среде, которая его окружает. Формируя склад ума, вкус, основные понятия... никто не задается конкретной целью “преодолевать террор среды”. Художник делает то, что он считает нужным и должным, остальное зависит от характера его дарования и от личных качеств: либо он остается в рамках “притяжения”, либо вырывается из его тисков»¹⁵.

Крайне точно и удачно термин «террор среды» позволяет охарактеризовать качественные изменения образовательного пространства переходного периода. В конце 1980-х — середине 1990-х годов, во время идеологического микса, из числа педагогов выделилась группа творчески мыслящих, инициативных учителей, дерзнувших выйти за идеологические рамки «среды», начавших, перефразируя слова писателя, делать нечто нетождественное, непохожее на остальных, в ситуации, когда не было запретов на инновационную деятельность, но не было и принуждения со стороны государства на подобную работу. Это был стихийный инициированный частью провинциальной учительской интеллигенции непреднамеренный процесс, в результате которого педагоги начали делать то, что они считали «нужным и должным»: через урок, посредством воспитательной работы использовали ценности религиозной культуры в учебно-воспитательном процессе.

На мировоззрение учительской интеллигенции оказало влияние радикальное изменение в издании религиозной литературы: новые публикации были наполнены приметами, описаниями народных обычаев, имеющих зачастую языческую природу, рассказами о духовных практиках, распространенных в зарубежной культуре. Такой подход был детерминирован характером религиозности в исследуемый период: отсутствие знаний о религии и у многих авторов, и у читателей влекло «обмирщение» религии, всеверие.

Несовершенство законодательства в религиозной сфере, существование в стране идеологического плюрализма, недостаток знаний о религии, вариативность образовательных программ способствовали тому, что часть провинциальной учительской интеллигенции в ходе собственных мировоззренческих поисков обратилась к новым для себя знаниям, проповедуемым зарубежными миссионерами. Начавшаяся в 1990-е годы деятельность

на территории Российской Федерации западных и восточных деструктивных тоталитарных сект, которые, пользуясь несовершенством российского законодательства, проводили свою работу в школах, была нацелена на вербовку молодежи. Сектанты не только приходили в школы с лекциями для учеников, но и занимались просветительством среди учителей. Так, в Ивановской области активную работу в учительской среде и с молодежью вело религиозное объединение «Церковь Объединения» (последователи Муна). В 1992—1993 годах основной контингент этой Церкви составляли 20—25 учителей, принимавших участие в семинарах, проводимых мунистами в 1992 году в Форосе и в 1993 году в Подмосковье. Возглавлял эту деятельность гражданин США пастор Матисс, который упорно уклонялся от контактов с представителями власти¹⁶. В Курской области опасения вызывала деятельность религиозных течений «Общество сознания Кришны», «Свидетели Иеговы», «Церковь полного Евангелия», подпольных организаций харизматического (духовно экзальтированного) и сатанинского направлений, которые возникали в результате миссионерства со стороны иностранных религиозных организаций и существовали параллельно с традиционно действующими в регионе конфессиями и деноминациями¹⁷.

Произошедшие в первой половине 1990-х годов изменения в сфере образования (регионализация, вариативность обучения и др.), повлекшие появление новых типов учебных заведений (гимназий, лицеев¹⁸), многообразие новых учебных программ и учебников¹⁹, возможность разработки авторских учебных курсов, способствовали тому, чтобы школьные педагоги воплощали в инновационных программах результаты собственных мировоззренческих поисков. Для провинциальных регионов типичной стала ситуация, обозначенная представителем органов управления образованием Ярославской области: «Сегодня уже не остановить того интереса, который испытывают педагоги-практики, руководители учебных заведений к инновационной деятельности, к разного рода экспериментам»²⁰.

Идеологическое многообразие достигло в первой половине 1990-х годов своего апогея, ярко и зачастую трагично проявляясь в образовательном пространстве центра России. Часть

провинциальной учительской интеллигенции, обратившейся в ходе собственных мировоззренческих поисков к христианским ценностям, в условиях развития многообразия образовательных систем не отказалась от использования в школьной практике зарубежных методик, не проверенных в России и не знакомых по своей сути тем, кто пытался их применять. Так, в 1992 году развитие альтернативных систем образования во Владимирской области включало «внедрение системы акселерированного христианского образования», которое реализовывалось как «внедренческий эксперимент» в школах № 3 и 17 г. Владимира, в начальных классах г. Александрова Владимирской области; консультирование и научно-методическое руководство осуществляла Американская корпорация «Школа завтрашнего дня»²¹. Практика показала, что подобное «христианское образование» не прижилось в российской школе.

Еще одним, помимо религии, направлением мировоззренческих поисков провинциальной учительской интеллигенции было краеведение. В первой половине 1990-х годов, когда история советского периода в масштабах целого государства оказалась развенчанной и обесславленной, история родного края, не столь существенно пострадавшая от разоблачений, становилась для жителей провинциальных регионов центра России нравственным ориентиром, не опороченным скандальными обличениями.

Несмотря на стремление значительной части российского общества подражать Западу, провинциальная учительская интеллигенция в начале 1990-х годов развивала идею о необходимости сохранения культурного наследия, истории и культуры народа, своего края, что сделало востребованным изучение в школах краеведения (исторического, литературного, музыкального и др.). Так, в школах Владимирской области уже с 1992 года разрабатывались краеведческие курсы «Художественное краеведение», «Древние корни искусства Владимирского края», «Народная культура Владимирского края» и др.²²; в рамках школьного компонента вариативной части базисного учебного плана в отдельных школах изучались народные промыслы; в Собинском районе для учащихся сельских школ была разработана новая программа «Хозяин сельского дома»; при изучении фольклорных традиций (местных календарных обрядов и праздников) исследовались семейные обряды региона²³.

В образовательном пространстве Ивановской области в первой половине 1990-х годов с народными традициями знакомились в рамках внеклассной работы: проводились конкурсы знатоков на тему «Русская кухня», экскурсии в музей по теме «Русский быт», вечера «Приглашаем погадать...»²⁴. В качестве альтернативы западным образцам и ориентира развития культурно-образовательного пространства в регионе предлагались программы по возрождению русской традиционной культуры, обрядового фольклора, предусматривающие активное приобщение к ним детей и молодежи²⁵.

Во многих школах Орловской области в первой половине 1990-х годов преподавались спецкурсы «Мой Лесков», «Мой Тургенев», «Фольклор родного края», «Писатели Орловского края». В школах Болховского района Орловской области краеведческая работа включала изучение истории района в целом и его улиц, памятных мест, различных форм фольклорного искусства и народного ремесла, традиций, обрядов, обычаев, бытовавших в районе, а также народных песен, танцев, игр, организовывались встречи со старожилками²⁶. Степень вовлеченности педагогического и ученического контингента была различной: от отдельных классов до целых школ и районов; работа направлялась на воспитание у учащихся любви к национальному наследию: фольклору, искусству, народным промыслам.

Мировоззренческие поиски провинциальной учительской интеллигенции происходили в крайне сложное для отечественной школы время. Несмотря на усугублявшийся в первой половине 1990-х годов кризис системы образования, учительская интеллигенция провинции старалась строить свою работу так, чтобы школа не просто сохранилась в трудных экономических условиях, но и развивалась. Так, О. Н. Смолин отмечал «исключительное чувство ответственности работников образования», обеспечивающее сохранение духовного потенциала нации²⁷. Министр образования Е. В. Ткаченко говорил, что «бесперебойная работа системы образования связана, в первую очередь, с самоотверженностью российских педагогов, их высоким чувством долга и ответственностью за судьбу подрастающего поколения»²⁸.

Таким образом, в конце 1980-х — середине 1990-х годов, в условиях идеологического хаоса, упразднения воспитательной функции школы, кризиса школьной методологии, происходило

постепенное обновление мировоззрения провинциальной учительской интеллигенции. Это был трудный, болезненный процесс отказа от коммунистической идеологии, приоритета классовых ценностей, которым не стало места в новом образовательном пространстве.

Инициативные, творчески мыслящие педагоги в ходе самостоятельных поисков моральных ориентиров обратились к истории и культуре религии как нравственному императиву в воспитании подрастающего поколения. Еще одним направлением мировоззренческих поисков провинциальной учительской интеллигенции стало обращение к краеведению: в богатой и древней истории провинциальных регионов, не опорооченной скандальными разоблачениями эпохи перестройки, черпались сведения, которые транслировались школьникам.

Анализ изменений, произошедших в переходный период в новом образовательном пространстве провинций центра России, проводимый с опорой на исторические источники, позволяет утверждать, что личная позиция и миропонимание учительской интеллигенции имели существенное влияние на формирование духовно-нравственного пространства регионов, что выразилось в разработке авторских курсов по истории и культуре религий, введении преподавания краеведческих дисциплин.

Провинциальная учительская интеллигенция не избежала ошибок в ходе мировоззренческих поисков конца 1980-х — середины 1990-х годов. Отсутствие знаний о религии, ее «обмирщение» в общественном сознании и всеверие, неконтролируемая свобода зарубежных тоталитарных сект в условиях вариативности школьного образования позволили внедрять в образовательное пространство провинций «результаты» идеологических исканий представителей учительской интеллигенции, что выразилось во введении в школьную практику западных и восточных религиозных учений и культов.

В целом можно сделать вывод, что учительская интеллигенция провинции в конце 1980-х — середине 1990-е годов, в период смены цивилизационной парадигмы и господства идеологического хаоса, «ухода» государства из образования и кризиса отрасли, выступала в качестве носителя традиционной национальной культуры и гаранта сохранения школьного образования.

Примечания

- ¹ *Богуславский М. В.* Консервативная идеология выдвигает историков в авангард развития педагогической науки // Вестник образования России. 2014. № 16. С. 75.
- ² *Веселов В. Р.* Материалы научных конференций интеллигентоведов как факт отечественной историографии : (опыт критического послесловия) // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции : межвуз. респ. сб. науч. тр. Иваново, 1996 ; *Ершова Э. Б.* Современные исследования о российской интеллигенции XX — начала XXI века // Интеллигенция и мир. 2014. № 2 ; Интеллигенция: вопросы теории и методологии : монография / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2010 ; *Квакин А. В.* Российское государство и российская интеллигенция. Уфа, 2007 ; *Комиссаров В. В.* Советская интеллигенция 1960—80-х гг. и вызовы постиндустриализма // Интеллигенция и мир. 2014. № 4 ; *Мамедов Р. Д.* Интеллигенция как социальная общность, ее жизнедеятельность и роль в современном мире : дис. ... д-ра филос. наук. М., 1992 ; *Соскин В. Л.* Некоторые теоретические аспекты изучения советской интеллигенции России // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции : межвуз. респ. сб. науч. тр. Иваново, 1996 ; и др.
- ³ *Волгина Н. Д.* Провинциальная интеллигенция в социальной структуре современного российского общества : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1999 ; *Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997 ; *Кривопалова Н. Ю.* Российская провинциальная интеллигенция в 1907—1914 гг.: социальная структура и деятельность : (на материалах Самарской губернии). Самара, 2009 ; *Сальников В. И.* Провинциальная интеллигенция в период трансформации российского общества второй половины 1980-х — 1990-е годы : (на материалах г. Воронежа) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003 ; и др.
- ⁴ *Будник Г. А.* Формирование интеллигенции в высшей школе Российской Федерации, 1941—1991 гг. Иваново, 2009 ; *Гусарова М. Н.* Формирование научно-технической интеллигенции в Российской Федерации: преемственность исторического опыта и новые тенденции, 1991—2010 годы : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010 ; *Золотухина А. В.* Научно-техническая интеллигенция и ее социокультурная роль в информационно-технологическом обществе России : дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2004 ; *Меметов В. С., Будник Г. А.* Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы // Интеллигенция и мир. 2004. № 1/2 ; *Соловьев Ал. А.*

- Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция и мир. 2012. № 2 ; *Соловьев Ал. А.* Интеллигенция и Православная Церковь в социокультурном развитии российского общества в конце XIX — начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2009 ; и др.
- ⁵ *Меметов В. С., Олейник О. Ю., Олейник И. И.* Интеллигенция как объект исследования в диссертационных работах 1954—1994 годов : (аналитический обзор) // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции : межвуз. респ. сб. науч. тр. Иваново, 1996.
- ⁶ *Монякова О. А.* Русская православная церковь и земство в формировании культурно-образовательного пространства российской провинции в начале XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы X Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Иваново, 2011. Ч. 2 ; Образовательное пространство России: проблемы интеграции. М., 2004 ; *Пигорева О. В.* Роль учителей в формировании нового образовательного пространства и обращении школы к религиозным ценностям (конец 1980-х — первая половина 1990-х гг.) // Фундаментальные исследования. 2013. № 4. Ч. 4 ; *Пигорева О. В., Ильина З. Д.* Формирование нового образовательного пространства и религиозный вопрос в период «перестройки» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27 ; *Черных С. И.* Изменение образовательного пространства в информационную эпоху: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2012 ; и др.
- ⁷ *Ватлин А. Ю.* В поисках «истинного социализма» : историческое сознание поколения перестройки // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 64.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). ОАФ. 10173. Оп. 2. Д. 196. Л. 65.
- ⁹ Там же. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8747. Л. 49, 93.
- ¹⁰ О стратегии развития исторического и мировоззренческого образования в общеобразовательных учреждениях // Вестник образования. 1995. № 3. С. 68.
- ¹¹ *Соловьев Ал. А.* Интеллигенция Костромы... С. 11.
- ¹² *Дайч З. Г.* Новые принципы управления школой // Демократизация средней школы: проблемы, поиски, опыт : межвуз. сб. науч. тр. М., 1990. С. 35—36.
- ¹³ *Ильина З. Д.* Культурная политика и духовная жизнь горожан во второй половине 70-х — 80-х гг. : на материалах Центрально-Черноземного региона РСФСР : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 172.

- ¹⁴ Комплексная программа исследований «Роль религий в истории и современном мире» // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 174 ; ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 19. Л. 33 ; *Чалых Н. Н.* Рыльский Свято-Николаевский мужской монастырь: история и современность. Курск, 2001. С. 17 ; и др.
- ¹⁵ *Солоухин В. А.* Письма из Русского музея // Время собирать камни. М., 1990. С. 67.
- ¹⁶ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. Р-2500. Оп. 1. Д. 163. Л. 4, 10.
- ¹⁷ Государственный архив Курской области. Ф. Р-3360. Оп. 18. Д. 8. Л. 76.
- ¹⁸ Так, по информации Министерства образования Российской Федерации, только в 1992 году в стране было открыто более 300 лицеев и гимназий (см.: ГАРФ. ОАФ. 10173. Оп. 2. Д. 654. Л. 251).
- ¹⁹ В частности, в 1992 году активно вводились новые программы и учебники: издательством «Просвещение» к 1992/93 учеб. году было издано 104 наименования учебников, из них 82 — новые, 22 — существенно обновленные. Республиканские издания выпустили 285 наименований новых учебников и книг для обучающихся, коммерческие издательства — 22 наименования (общим тиражом 128,7 млн экз.). Было подготовлено к изданию 46 новых учебников (ГАРФ. ОАФ. 10173. Оп. 2. Д. 654. Л. 251).
- ²⁰ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-2224. Оп. 2. Д. 5. Л. 117.
- ²¹ Государственный архив Владимирской области. Ф. Р-3742. Оп. 2. Д. 3037. Л. 115 ; Д. 3084. Л. 39.
- ²² Там же. Д. 3145. Л. 32.
- ²³ Там же. Д. 3037. Л. 107—108 ; Д. 3145. Л. 32 ; Д. 3084. Л. 1.
- ²⁴ ГАИО. Ф. Р-1707. Оп. 19. Д. 497. Л. 1—2.
- ²⁵ Там же. Ф. Р-1510. Оп. 13. Д. 2043. Л. 94—95.
- ²⁶ Государственный архив Орловской области. Ф. Р-2441. Оп. 1. Д. 1457. Л. 1—2 ; Д. 1440. Л. 43.
- ²⁷ *Смолин О. Н.* Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества : дис. ... д-ра филос. наук в форме науч. докл. М., 2001. С. 111.
- ²⁸ ГАРФ. ОАФ. 10173. Оп. 2. Д. 899. Л. 86.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

ББК 63.3(2)53-283.2

Ф. Т. Ахунзянова

СПЕЦИФИКА РУССКОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В РЕФЛЕКСИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX века завершается так называемое Новое время, фундаментальные основы культуры которого — товарное капиталистическое производство, буржуазная демократия, историзм и причинность в трактовке природы. Психологизированная антропоцентрическая картина вселенной достигает максимального развития и обращается в свою противоположность. На протяжении XIX века религиозное по происхождению представление о свободе и нравственной ответственности человека находит поддержку только в иллюзиях ренессансного антропоцентризма, осовремененного в логической метафизике романтиков и Гегеля. Общий кризис религиозности (связанный, прежде всего, с успехами цивилизации) приводит к распространению ценностного релятивизма и нигилизма. Тому же способствуют научные открытия, окончательно ниспровергнувшие традиционные предрассудки обыденного сознания о гармонии разумно устроенного мироздания и о дарованной человеку свыше абсолютной свободе воли.

Дарвиновский эволюционизм разрушает представление о богоизбранности человека, а марксизм, в свою очередь, отнимает иллюзию правления идей в обществе, сводя высшие ценности

© Ахунзянова Ф. Т., 2015

Ахунзянова Фариды Тагировны — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. farida.ahunzyano@mail.ru

к материальным интересам. Ощущение случайности жизни усиливается с открытием второго закона термодинамики, согласно которому вселенная неотвратимо идет от порядка к хаосу, к тепловой смерти. При этом и космология выясняет, что вся солнечная система — лишь малая часть галактики, и таких галактик — примерно сто миллиардов, но и все они — лишь часть более крупных скоплений материи.

Осознание относительности всех ценностей, и прежде всего, осознание того, что конкретное содержание нравственных норм и заповедей никак не связано с самой по себе безусловной необходимостью нравственного долженствования, т. е. христианская этика не синонимична естественной морали — центральный момент кризиса культуры начала XX века. В результате вызванная им волна нравственного релятивизма сильнейшим образом содействует разрушению традиционной эстетики и переживается как трагедия сознания, отразившаяся в известном изречении: «Если Бога нет, то всё позволено!».

В подобной атмосфере всеобъемлющих общественно-исторических и духовных изменений со стороны российской общечеловечности возникает острая необходимость говорить о текущем, об отдельном и личном с точки зрения века, мира, бытия вообще; появляется стремление осмысливать жизненный процесс в свете универсальных начал существования, в числе которых доминирующим становится начало метафизическое, религиозное. Только в религиозном осознании, по мнению мыслителей рубежа веков, возможно прозрение смыслов бытия и полное перерождение мира.

Духовное развитие российского общества той эпохи нередко характеризуется в науке как период русского культурного ренессанса. Главной задачей, по определению Н. О. Лосского, является «построение православно-христианского мировоззрения, раскрывающего богатое содержание и жизненную действенность главных догматов христианства, которые во многих умах превратились в омертвевшие формулы, оторванные от жизни...»¹. Религиозно-нравственные искания происходят в среде деятелей образования и культуры, богословия, представителей атеистической мысли, участников общественно-политического процесса в стране, объединенных общностью неприятия господствующего позитивизма и статичности основных догматов Русской православной

церкви. Это вызвано, во-первых, реакцией на их неоднозначность, обусловленную прекращением созыва Вселенских соборов восточной церковью; во-вторых, реакцией на усиливавшиеся расхождения между меняющимися условиями жизни и косностью православного учения, когда неизменяемость вероучения и устройства рассматривалась как один из главных признаков «истинной церкви»; в-третьих, реакцией на господствующее в тот период мнение, что христианская религия не имеет «крайней и настоятельной нужды» в философском исследовании вопросов о Боге и его отношении к миру и человеку для того, чтобы привести людей к спасению.

Один из аспектов обозначенного общественного интереса — постижение специфики непосредственно религиозного сознания. Так, П. Новгородцев пишет: «Православные не только русские, но и греки, и сербы, и болгары, и румыны... Но когда мы ближе сходимся на церковной почве с нашими единоверцами, мы тотчас же непосредственно ощущаем разницу их религиозного сознания и нашего. Очевидно, при единстве догматов может быть различное усвоение их, в соответствии с различием национальных характеров и культурных типов. Подобно каждому другому народу и мы, русские, вносим в понимание нашей веры особые национальные черты»².

Речь здесь идет, в первую очередь, об *иррациональном, сердечно-эмоциональном* веровании в русской религиозной традиции (в противоположность западному рационализму, столетиями питавшему католичество изнутри и подыскивавшему христианству философские и научные аргументы, художественно-эстетические параллели). Православное богословие осмысляет веру, прежде всего, как духовное отношение между человеком и Богом. Вера есть достояние человеческого духа, получаемое от Божественного Духа. Это достояние преобразует человека, ведет его к совершенству. Католическая теология понимает веру как сверхъестественный *Habitus* человека, уже обладающего определенной природой, и направляет свои усилия на осмысление веры посредством разума, воли, способности к действию, т. е. фундаментальные возможности человека. Наконец, протестанты подчеркивают значение божественного действия. Бог как бы заново создает человека, вовлекая его в отношения веры.

Очевидно, что в многовековых и напряженных усилиях христианской теологии были тематизированы и осмыслены самые различные теоретические и практические моменты христианской веры. Тем не менее, при всех различиях вера предстает, в конечном счете, как целостное жизненное деяние человека, как жизненная практика, которая проистекает из совершенно определенного выбора человека и охватывает все важнейшие стороны его существования. Данный выбор есть прямое следствие религиозного сознания, т. е. осознания существования Бога и отношения к этому. Дух взаимной любви, единение во Христе лежат в основе как церковной организации, так и свободы верующего и обеспечивают, в отличие от других вероисповеданий, религиозно-мистическое понимание христианства. По православному сознанию, любовь есть больше, чем обычное свойство нравственно-доброй человеческой воли: она стремится к бесконечному расширению. В своем внутреннем идеальном существе любовь связывает каждого человека невидимой связью со всем человечеством, т. е. очевидна тенденция к соборности, целостности, которая обусловлена именно таким пониманием любви.

Как известно, главная заслуга в выделении значимости именно православного начала в русском бытийствовании принадлежит философскому течению славянофилов (вторая половина XIX века), ведущими представителями которого являются А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев, И. С. Аксаков, Д. А. Валуев, Ф. В. Чижов, И. Д. Беляев, А. Ф. Гильфердинг, позднее В. И. Ламанский, В. А. Черкасский и мн. др. По этому поводу В. В. Розанов отмечает: «Хомяков и славянофилы заложили остов “русского мировоззрения”, которое не опрокинуто до сих пор, которое может иметь или не иметь последователей и всё-таки оставаться истинным»³.

Славянофилы, борясь за сохранение русского своеобразия, выдвигают идею общинности и «соборности», манифестируют народную жизнь с органически вырастающими из нее бытовыми и культурными формами, с живой органической связью народа и его избранником — царем. Особенно важна актуализация славянофилами непосредственно мистического цельного знания вместо западного рационализма и христианской православной веры вместо рационалистического просвещения.

Славянофильскую идею соборности как сущностной характеристики русского религиозного сознания, но в онтологической окраске и со всеохватывающим, космическим значением, продолжает в своей концепции Вл. Соловьев, учение которого во многих аспектах послужило вектором для дальнейшей религиозной рефлексии рубежа веков. Вл. Соловьев не сразу приходит к своему пониманию религии. «Спорные вопросы между Восточной и Западной церквями, — пишет он А. Н. Обнинскому, — я изучал в течение восьми лет по первым источникам, т. е. по актам Соборов и по творениям древних церковных писателей и учителей церкви. Но увы! результаты моего изучения мог до сих пор излагать только отрывочно и то, главным образом, в заграничных изданиях, трудно доступных в России»⁴. Речь идет о таких произведениях, как «Догматическое развитие Церкви в связи с вопросом о соединении церквей» (1886), «Россия и вселенская церковь» (1889), «Великий спор и христианская политика» (1882—1883), «Русская идея» (1888) и др., которые явились поэтапным обобщением соловьевских размышлений об истории религии в целом и, главное, христианства.

Уже из названий книг следует, что церковь, вселенная и Россия являются ключевыми концептами в теории Вл. Соловьева. Свойственный им ассоциативный ряд (церковь — христианство — общечеловеческая культура, а также Восток и Запад посредством России — Вселенная, Богочеловечество) раскрывает и уточняет соловьевскую мысль, говоря о которой нельзя не согласиться с Вяч. Ивановым, считавшим, что «не занятия церковной историей привели Вл. Соловьева к его чистому кафоличеству, для которого нет разделения между востоком и западом, но полное постижение мистической истины о Церкви. История внешних событий, обусловивших видимое разделение, служила лишь подтверждением вселенского чувства, данного во внутреннем опыте личности»⁵.

Интерес к данной проблеме появляется у Вл. Соловьева довольно своеобразно. В 1881 г. в статьях «О духовной власти в России» и «О расколе в русском народе и обществе» он поднимает вопрос об исцелении «великого народного недуга» — т. е. раскола, который «есть тяжкая и сложная болезнь народного духа»⁶. Русская церковь, по мнению философа, уже почти три века разделена потому, что частное противопоставляется общему,

а поместному дается преимущество над вселенской истиной, «тогда как весь смысл религии в том, что она связывает человека с тем, что прежде человека и выше его и могущественнее его, в чем он нуждается, что увеличивает и возвышает его бытие, превращает его из отдельной ограниченной личности в неотъемлемое звено совершенного и безграничного целого, которому можно отдаться, ради которого стоит отказаться от своего эгоизма»⁷.

Изучение раскола ведет Вл. Соловьева дальше — от разделения в православии к разделению в христианстве вообще. Он пишет в одном из писем к И. С. Аксакову: «Думая о путях к исцелению этого нашего домашнего недуга, я должен был убедиться, что начало болезни лежит дальше — в общем ослаблении земного организма видимой церкви, вследствие разделения ее на две части, разобщенные и враждующие между собой. Историей образована пропасть между нашей и Западной церковью. Но как ни глубока эта пропасть, всё-таки она вырыта не Божиими, а человеческими руками. Разделение церквей — это Божие попущение, а не Божия воля. Божия воля неизменна: да будет едино стадо и един пастырь. Итак, можно и должно нам прилагать свои старания к тому, чтобы был засыпан этот пагубный ров, разделивший стадо Христово»⁸. Достижение и усвоение идеи положительного единства станет, считает Соловьев, «новой ступенью разумного сознания», которое только и способно к раскрытию истины о христианской Церкви в новом образе.

Размышляя о религии, Вл. Соловьев прежде всего выдвигает тезис о том, что религия есть «воссоединение человека и мира с безусловным и всецелым началом»⁹. Каждый мыслящий человек нуждается в постижении этого начала, следовательно, необходима философия религии, т. к. верующие люди должны знать, во что они верят, а неверующие должны знать, что они отрицают. Философ пишет: «Часто говорят: зачем философствовать о божественных предметах, не достаточно ли верить в них и чувствовать их? Разумеется, достаточно... при отсутствии умственного интереса в верующем и чувствующем. Это всё равно что сказать: не достаточно ли верить, что существует солнце и наслаждаться его светом и теплотой, зачем еще физические и астрономические теории солнца и солнечной системы? Разумеется, они не нужны для тех, кто не имеет научного интереса... Если человек верит

в божественные предметы и если он при этом обладает способностью и потребностью мышления, то он по необходимости должен мыслить о предметах своей веры, и, разумеется, желательно, чтобы он мыслил о них правильно и систематически, т. е. чтобы это его мышление было философией религии»¹⁰. Таким образом, Вл. Соловьев сразу обосновывает свое понимание сложившейся религиозной ситуации осмыслением, в первую очередь, специфики религиозного сознания.

Религиозное сознание, по Вл. Соловьеву, — это совокупность религиозного опыта и религиозного мышления. Религиозным опытом постигается содержание Божественного начала, т. е. *что* такое оно есть. Мышление помогает организовать данный опыт в цельную логически связанную систему. «Так как божественное начало есть действительный предмет религиозного сознания, т. е. действующий на это сознание и открывающий в нем свое содержание, то религиозное развитие есть процесс положительный и объективный, это реальное взаимодействие Бога и человека — процесс богочеловеческий»¹¹. Рассматривая этот тезис на уровне всемирной истории, философ обращается к религиозному развитию Запада и Востока и выделяет в нем несколько этапов, на каждом из которых, по его мнению, человечеством осознавался определенный аспект вселенской истины. Оправдывая всё содержание этих аспектов, Вл. Соловьев тем самым усматривает в них последовательные реализации объединяющего и организующего начала. Дальнейшая логика ясна: поскольку религиозное развитие объективно и положительно, следовательно, ни одна из его ступеней не может быть заблуждением. Различие в степени религиозного откровения по отношению к какому-либо народу не означает его неистинности, а объясняется неравноценным религиозным развитием. Восточные страны, по мнению Вл. Соловьева, начали свое моральное «воспитание» с поисков истинного Бога среди многих, уже существующих, богов. Это связано с тем, что восточный человек (особенно в Древней Индии) постепенно осознал свое духовное превосходство над природой, а значит, над теми силами, которые олицетворяли в его сознании ту или иную стихию либо природное явление. Однако, возвысившись над природными богами, человек остро ощутил и собственную ничтожность; не найдя в окружающем мире

ничего похожего на объективную истину, древнеиндийский человек не смог придумать и ничего нового, а потому углубился в абсолютное отрицание и смиренное созерцание бытия. В результате Индия приходит к буддизму, где «Нирвана есть отрицательное обозначение этой высшей истины, первое настоящее имя истинного Бога»¹².

Страны Передней Азии («иранская культура») идут, в теории Вл. Соловьева, немного дальше. В их мировоззрении материальная жизнь, т. е. бытие человека и природы, призрачна; она есть, хотя ее не должно быть, следовательно, это зло. Определив сверхприродное начало как добро, эти народности приходят к понятию борьбы добра и зла, где человек «может лишь примкнуть к тому или другому и разделить их участь»¹³. В этом случае он из созерцателя становится деятелем, но деятелем лишь истории, а не жизни.

Следующим и последним этапом в развитии Востока, пишет Вл. Соловьев, стал Египет, где родилась и обоготворилась идея вечной жизни как соединения духовного начала с материей. Рождение не дает человеку вечной жизни, и он не властен над физиологическими процессами, но он может одухотворить внешнюю материю. Земледелие, зодчество, а затем творчество вообще стали следствием и воплощением «великой религиозной идеи всеобщего воскресения»¹⁴.

В становлении западной культуры Вл. Соловьев выделяет две ступени: Древняя Греция как преемница Египта, перешедшая от религиозного творчества к свободному человеческому искусству, и Древний Рим, узаконивший эту свободу. Однако, возведя человеческую волю в культ, западная культура зашла в тупик, «безусловная свобода оказалась безумием»¹⁵. Настало осознание того, что совершенство человека не в нем самом, а за ним появилась потребность в обретении этого совершенства. В то же время и Восток пришел к «великой жажде увидеть и ощутить в действительности это совершенное Божество»¹⁶.

По мнению Вл. Соловьева, к моменту окончательного становления народы обеих культур пришли к одной религии — христианству. Мусульманство же, считает философ, — это лишь законченная «христианская ересь», доказательства и примеры которой он приводит и анализирует в работе «Великий спор

и христианская политика». Мы, однако, не ставим перед собой цель оспорить справедливость взглядов Вл. Соловьева в отношении религиозных направлений; для нас важно то, что христианство, причем истинное, а не проповедуемое ни католической, ни православной церковью, выступает для философа как новый мир, в котором «уже не должно быть ни восточной, ни западной культуры, а только одно истинное человечество, которое должно жить *само* (курсив Вл. Соловьева. — *Ф. А.*) и осуществлять вселенское дело Божие»¹⁷.

Таким образом, Вл. Соловьев, определив причины расхождения культур, в своей теории находит связующее их звено: двигаясь разными путями и к разным целям, и Восток и Запад достигли одного — потребности в совершенном, истинном Боге и в посреднике между ним и человечеством — Богочеловеке. В «Чтениях о Богочеловечестве» Вл. Соловьев различает в Боге троякое единство. Он отличает Бога как абсолютно сущего от Его содержания (сущности, или идеи), которое предстает в лице Бога-Сына, или Логоса; воплощение же этого содержания, или идеи, осуществляется в мировой душе, Софии, представляющей третье лицо Божественной Троицы — Дух Святой. «...Как сущий, различаясь от своей идеи, вместе с тем есть одно с нею, так же и Логос, различаясь от Софии, внутренне соединен с нею. София есть тело Божие, материя Божества, проникнутая началом божественного единства. Осуществляющий в себе или носящий это единство Христос, как цельный божественный организм — универсальный и индивидуальный вместе — есть и Логос и София»¹⁸.

Как видно, София отождествляется и с Богом, и со Христом. Но в то же время София «есть идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе, или Христе». Соответственно Вл. Соловьев утверждает в каждом человеке вечную сущность, и это в целом не противоречит христианскому учению, которое проповедует существование человека после физической смерти и, следовательно, дает основание говорить, что человек существует и до рождения: его умопостигаемая сущность есть лишь форма определенного момента времени.

До христианства основой жизни была человеческая натура, образующим началом был Божественный разум, а результатом —

Богочеловек, т. е. Бог, воспринявший человеческую натуру. В христианстве, по Вл. Соловьеву, основой жизни является уже Божественная стихия, образующее начало — это человеческий разум, а результат — человеко-бог, т. е. человек, воспринявший Божество. Подобный процесс возможен только в коллективном и универсальном виде, потому речь идет о всечеловечестве, или Вселенской Церкви. Таковой церковью для Вл. Соловьева представляется христианство.

Закономерным был бы вопрос о том, что есть для Вл. Соловьева христианство и какая именно его исторически конкретная форма должна стать всеобщей религией. Религиозные мыслители не раз высказывали идею о христианстве как основе мировоззрения, но подразумевали при этом какую-то одну христианскую конфессию: православие, католицизм или протестантизм. Особенность подхода Вл. Соловьева заключается в том, что он ратовал за объединение всех христианских конфессий. Поэтому его учение носит не узко направленный, а межконфессиональный, экуменический характер. И здесь мы согласны с точкой зрения В. Ф. Бойкова, современного исследователя, который считает следующим образом: «...христианство Вл. Соловьев понимает как православие в прямом, первом и предельно широком смысле этого слова, которое перекрывает все конфессиональные восточные и западные границы, являясь правом и правилом славить Бога словом и делом. Универсальной конфессией... для него должно и могло быть только христианство, согласное во всех своих проявлениях с универсальной богочеловеческой сущностью Христа... Христианство — это прежде всего Христос, а Христос для Вл. Соловьева есть природно-космический факт, всемирно-историческое событие и разумно-всеобщая истина...»¹⁹

Таким образом, Вл. Соловьев вступает на путь исканий и стремлений к единой Вселенской церкви, к единому Богочеловечеству, к единству во всех проявлениях жизни и культуры — на путь творения новой веры. Попробуем отразить этот путь в нескольких положениях.

«Первой и важнейшей задачей практической христианской деятельности» Вл. Соловьеву представляется воссоединение Восточной и Западной церкви. Это воссоединение должно опираться на осознание того, что «мы восточные, как и западные (христиане),

при всех разногласиях наших церковных обществ, продолжаем быть неизменно членами единой нераздельной Церкви Христовой, что разделение церквей не изменило их отношения к Христу и Его таинственной благодати. <...> Существенное, основное единство Вселенской Церкви, как состоящее в богочеловеческом союзе людей со Христом чрез ту же силу святительства, в той же вере, в тех же таинствах, нисколько не нарушается видимым разделением церковных обществ между собою из-за частных верований и правил...»²⁰.

Другими словами, Вл. Соловьев в своих размышлениях обнаруживает онтологическое (основанное на догмате богочеловечества) единство православных и католиков в единой, вселенской Церкви.

Вся история рассматривается им как процесс становления богочеловечества, в коем объединились бы «сыны Божии на земле» и сама Земля в одно «божественное тело Жены, облеченной в Солнце» — Софии. Это человечество лишь тогда придет к торжеству мира и справедливости, правды и добродетели, когда его объединяющим началом станет воплощенный в человеке Бог, переместившийся из центра вечности в центр исторического процесса.

Реальным и совершенным воплощением богочеловечества, по Вл. Соловьеву, выступает Иисус Христос, являющийся, согласно христианскому догмату, и полным Богом, и полным человеком. Его образ служит не только идеалом, к которому должен стремиться каждый индивид, но и высшей целью развития всего исторического процесса. Однако недостаточно, считает Вл. Соловьев, чтобы совпадение божественного с человеческим произошло только в лице Иисуса Христа, т. е. через посредство «божественного слова». Необходимо, чтобы соединение состоялось реально — практически и, притом, не в отдельных людях (в «святых»), а в масштабах всего человечества.

«Исходными точками этого дела должны быть: 1) признание существенного единства обеих церквей (восточной и западной) и 2) нравственная потребность или обязанность провести это единство и в чисто человеческие взаимоотношения церковных обществ, чтобы Церковь стала единой и в мире»²¹.

При этом должны быть оставлены попытки подавить или поглотить другое церковное общество, поскольку каждое из них, по мнению Вл. Соловьева, уже есть «Вселенская Церковь»,

а разделение их является тем ложным взглядом, по которому «каждая из этих главных частей христианства признала себя в отдельности за целое, приурочила к себе одной всю полноту Вселенской Церкви»²². Механическое соединение не решит поставленной задачи, убежден Вл. Соловьев, т. к. оно в результате еще более усугубит существующее разделение. Вместо него философ предлагает стать на путь плодотворного экуменического диалога, основываясь при этом на принципах автономии разума и богооткровенности христианского вероучения.

Размышляя о природе сознания, обращается к идее соборности друг и единомышленник Вл. Соловьева — С. Трубецкой: «Сознание обще всем нам, то, что я познаю им и в нем объективно, то есть всеобщим образом, то я признаю истинным — от всех и за всех, не за себя только. Фактически я по поводу всего держу внутри себя *собор со всеми*. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех. Наше *общее согласие*, возможное единогласие, которое я непосредственно усматриваю в своем сознании, есть для меня безусловный внутренний критерий, точно так же как внешнее, эмпирическое согласие относительно каких-либо опознанных общепринятых истин есть критерий внешний, авторитет которого зависит от первого»²³.

По мнению С. Трубецкого, реальная метафизика жизни свидетельствует о том, что именно собор обосновывает всякого одинокого, а соборное сознание — всякое индивидуальное сознание. Всякий человек должен найти основание в мире, после чего жить «сердечно» и познавать «интуитивно». В обоснованном человеке род соединяется с индивидом, а сознание непрерывно и удерживается этой совместностью. При этом соборное сознание полностью осуществимо только в совершенном обществе и в союзе человека с Богом. Иначе говоря, понятие соборности тесно связано у С. Трубецкого с понятием веры, которая представляется как начало, происходящее из воли, определяемой, в свою очередь, как альтруизм, любовь к другому, присущая Богу. Бог, по С. Трубецкому, — духовное *разумное* и любящее начало, а потому вера не противопоставляется разуму, а гармонично сосуществует с ним.

Известный богослов начала XX в. Г. Флоровский пишет: «Христианство существовало с самого начала как реальность

корпоративная, как община. Быть христианином значило принадлежать этой общине. Никто не мог быть христианином сам по себе, как отъединенная индивидуальность, но только вместе с “братьями”, в совместности с ними. <...> Отсюда первым признаком и доказательством, так же как знаком солидарности, должна была быть любовь <...> Всё это, конечно, составляет общее наследие всей Церкви. Однако это подчеркнутое значение корпоративного начала было, вероятно, особенно сильно в восточной традиции; оно до сих пор составляет отличительный этос Восточной Православной Церкви»²⁴. По мнению Г. Флоровского, с самого начала восточная христианская церковь, опираясь на догматически трактуемые религиозные традиции раннего христианства, воссоздавала архаическую структуру религиозной общины, решающей все свои основные вопросы богословской, богослужбной и даже мирской практики коллегиально, сообща.

О соборности как главном качестве русского религиозного сознания говорит и С. Франк, отмечая, что «соборность есть... органически неразрывное единство “я” и “ты”, вырастающее из первичного единства “мы”»²⁵. «Я» и «ты» есть души каждого человека, имеющие «бездонную глубину». В этой глубине душа соприкасается с Богом и находится в таком общении с Ним, что «Он переливается в нее и она — в Него». Именно это общение и единство человеческой души (читай: сознания) и Бога С. Франк называет «существом подлинной веры»²⁶.

Другой аспект понимания С. Франком веры — это сознание Бога как средоточия и первоисточника некой всеобъемлющей и всепроникающей стихии. Божественная сущность трансцендентна, непостижима и неприступна для твари. Вместе с тем как Творец Бог одновременно и имманентен миру, Он открывает себя человеку как личностное бытие и действует в мире, осуществляя в нем свое промышление и сообщая тварному миру жизненную силу, благодать. Сознание достоверности этой благодати, считает С. Франк, ведет к таким важным «субъектным» состояниям, как любовь и доверие.

Другими словами, в понимании С. Франком религиозного сознания речь идет о пантеистической идее, лежащей в «религиозно-метафизическом основании, на которое опираются и жизнь всего человечества, и даже устройство всего космоса и благодаря

которому человечество и мир спасутся и преобразятся»²⁷. Каждый православный нравственно и религиозно ответственен за всех, а все ответственные за каждого, т. е. налицо мысль о спасении людей не индивидуальном и обособленном, а совместном и соборном, совершаемом действием и силой общего подвига веры, молитвы и любви.

Подробно анализирует понятие именно русского религиозного сознания Н. А. Бердяев, обосновывая это тем, что сущность религиозной жизни в таинстве, в действии, но таинство предполагает некоторый гнозис: чтобы таинство было, нужно знать Бога, во имя которого оно совершается. «Мне нужна религия, чтобы открылся смысл моего существования и смысл мировой истории и чтобы связался, скрепился навеки мой личный смысл со смыслом мировым»²⁸. По Н. Бердяеву, подпочва всякой религиозности есть первоначальное ощущение объективного, абсолютного Смысла мировой жизни, ощущение связи со вселенской жизнью. Потеря же этого смысла тождественна потере религиозности как таковой. На переломных этапах истории человечеству всё недоступнее кажется Божественная истина, но страшнее другое: исторические религии, призвание которых раскрывать людям объективную цель мира, тоже «как бы отчаялись» постигнуть смысл жизни, а потому требуют подчинения слепому авторитету.

Не отрицая соборности как доминанты русского религиозного сознания, он идет в своих размышлениях дальше и акцентирует внимание на понятии святости. Всё в мире, по мнению философа, совершается через истинное соотношение мужского и женского начал и взаимное их проникновение. Но в отношении к жизни русских людей есть преобладание господства чувства женственного сострадания, женственных «частных» оценок. Природа русского сознания определяется Н. Бердяевым как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ. Сознание не хочет быть «мужественным строителем», оно женственное, пассивное и покорное в делах государственных, оно «всегда ждет жениха, мужа, властелина». Святость как внутренний путь духа слишком *мужественное* понятие для русского сознания, и потому русский народ в своей религиозной жизни возлагается на святых, старцев, мужей, в отношении к которым подобает лишь преклонение, как перед иконой.

Таким образом, интеллигенция, по мере нарастающего интереса к христианству, ищет выход своего религиозного чувства в Церкви. Однако, как отмечает современный исследователь В. Фатеев, «ростки веры редко принимали у ее представителей церковную форму из-за того, что они не находили в жизни Церкви ответа на свои насущные потребности, сетуя на чрезмерное внимание Церкви к обрядовой стороне при равнодушии к повседневной жизни, культуре»²⁹.

Иначе говоря, несмотря на положительный смысл соборности, отмечаемый практически всеми мыслителями рубежа веков, сохранение ее как механизма духовной саморегуляции общества означает преимущественную опору на традицию, практически неизменную религиозную догматику. Это, по мнению российской интеллигенции, приводит, в конечном счете, не столько к преобладанию традиционализма, фундаментализма в духовной жизни русского человека, сколько к крайнему идейному и ритуальному консерватизму в самом народе и в православной церкви, к преобладанию в ней охранительных тенденций, а также к принципиальной пассивности религиозных деятелей.

Примечания

- ¹ Лосский Н. Вл. Соловьев и его преемники в русской религиозной философии // Путь. № 2. 1926. С. 13.
- ² Новгородцев П. И. Существо русского православного сознания // Православие и культура : сборник религиозно-философских статей. Берлин, 1923. С. 8.
- ³ Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 465.
- ⁴ Соловьев В. С. Собрание сочинений В. С. Соловьева : фототипич. изд. Брюссель, 1967. С. 450.
- ⁵ Иванов Вяч. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Вл. Соловьев : pro et contra. СПб., 2002. Т. 2. С. 777.
- ⁶ Соловьев В. С. О расколе в русском народе и обществе // Соловьев В. С. Собрание сочинений : в 10 т. СПб., 1912. Т. 3 : 1877—1884. С. 250.
- ⁷ Соловьев В. С. Собрание сочинений В. С. Соловьева. С. 33—34.
- ⁸ Письмо Вс. Соловьева к И. С. Аксакову, март 1883 г. // Соловьев Вл. О христианском единстве. М., 1994. С. 291.

- ⁹ *Соловьев В. С.* Великий спор и христианская политика // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 35—36.
- ¹¹ Там же. С. 36.
- ¹² Там же. С. 78.
- ¹³ Там же. С. 79.
- ¹⁴ Там же. С. 81.
- ¹⁵ Там же. С. 83.
- ¹⁶ Там же. С. 84.
- ¹⁷ Там же. С. 102.
- ¹⁸ Там же. С. 108.
- ¹⁹ *Бойков В. Ф.* Соловьиная песнь русской философии // Вл. Соловьев : pro et contra. С. 20.
- ²⁰ См.: *Соловьев В. С.* Собрание сочинений В. С. Соловьева. С. 79.
- ²¹ См.: Там же. С. 81—82.
- ²² См.: Там же. С. 82.
- ²³ *Трубецкой С. Н.* Сочинения. М., 1994. С. 488.
- ²⁴ *Флоровский Г. В.* Вера и культура. СПб., 2002. С. 570, 596.
- ²⁵ *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М., 1992. С. 60.
- ²⁶ Там же. С. 242.
- ²⁷ *Франк С. Л.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // Алексеев П. В. Философы России XIX—XX столетий : биографии. Идеи. Труды. М., 1999. С. 9.
- ²⁸ *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 17.
- ²⁹ *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова : с русской бездной в душе. СПб. ; Кострома, 2002. С. 268.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(4Гем)6-283.2

В. Л. Черноперов

ЮРГЕН ХАБЕРМАС В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЗАПАДНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В Европе нашего времени социальная самореализация интеллектуалов имеет неоднозначную и даже противоречивую траекторию. Научные изыскания по этой тематике многочисленны, но очень разнородны¹.

В этой связи хотелось бы более определенно выразить нашу позицию: дело в том, что одни только тщательные эмпирические исследования не в состоянии обеспечить концептуальную разработку места и роли интеллектуалов в современном мире. Для нас очевидно, что недостаточно заниматься только анализом тех или иных аспектов социокультурных трансформаций, успехов и поражений отдельных личностей или целых сообществ

© Черноперов В. Л., 2015

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. vlchernoperov@rambler.ru

Исследование выполнено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI века: виртуальность и реальность».

«образованных людей», или «интеллектуалов», что само по себе небезынтересно и поучительно. Но в наших научных изысканиях хотелось бы идти дальше и добиваться большего — попытаться выявить некие параметры самоопределения интеллектуалов как особого социального слоя, постараться обозначить перспективы его дальнейшего развития, возможности взаимодействия с другими социальными слоями. Всё это требует тщательно историко-социологического анализа, основанного на качественной методологии.

Между тем в современной Европе есть такой интеллектуал, который своими поисками и открытиями во многом проясняет и фокусирует различные направления и даже конкретные модели поведения образованных людей и их сообществ. Это известный германский философ, профессор Юрген Хабермас. Однако, чтобы лучше увидеть богатство и своеобразие его личности, его интеллектуальных порывов, стоит обозначить общий контекст социально-политического участия западных интеллектуалов в общественной жизни.

Как нам уже приходилось отмечать ранее, можно выделить три главных варианта социально-политической вовлеченности европейских интеллектуалов: «бессильные люди», «независимые эксперты», «аутсайдеры-нонконформисты»².

«Бессильные люди» — это феномен, выявленный и истолкованный выдающимся американским ученым XX века Чарлзом Райтом Миллсом³. Эссе Миллса «Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе» было написано еще в конце Второй мировой войны и повествовало о той части американских интеллектуалов, которая вольно или невольно оказалась под давлением «властвующей элиты» и тем самым стала служить ее интересам, будучи бессильной предлагать и продвигать собственные проекты и решения общественных и политических проблем.

Мы считаем возможным использовать этот термин в более широком смысле: речь идет не об интеллектуальной несостоятельности или отсутствии воли у этого типа западных интеллектуалов. Бессилие их в данном случае — ни больше, ни меньше как трезвое осознание невозможности перейти вполне реально существующие границы, очерченные интересами политической элиты и структурами существующей власти. Такое «бессилие»

обычно оказывается для значительной части интеллектуалов вполне привычным и даже в чем-то комфортным состоянием. Но есть и такие западные интеллектуалы, которые являются бесцельными в самом прямом смысле этого слова, так как изо всех сил стараются не нарушить негласные правила поведения, не потерять свой контракт в университете, в частной корпорации или на государственной службе. Этот тип людей встречается чаще всего, для них корпоративное сотрудничество является формой социализации и комфортного существования в постоянно меняющемся пространстве современного мира.

Принадлежит ли к этому типу Ю. Хабермас? По нашему мнению, однозначно нет. Он принадлежит к следующей группе — «независимые эксперты».

«Независимые эксперты» являются, вероятно, наиболее известным типом среди всех интеллектуалов на Западе. О них немало писали многие исследователи. И всё-таки фигура «независимого эксперта» во многих отношениях очень спорна. Прежде всего потому, что подобный статус в действительности остается для многих трудно достижимым. Мало быть интеллектуально состоятельным, надо еще добиться общественного признания. Другая трудность на пути успеха — размытость границ реальной независимости такого эксперта от тех, кто востребует его усилия. В сфере политики подобные отношения являются весьма специфическими, и потому пространство для маневра, обеспечивающего сохранение достойной репутации, даже в условиях существования устойчивых традиций политической демократии, оказывается не всегда достаточным.

Один из самых известных независимых экспертов среди европейских интеллектуалов нашего времени — знаменитый итальянский писатель и общественный деятель Умберто Эко. Как правило, он не проявлял каких-либо политических амбиций или резко обозначенных политических симпатий. Тем не менее, всё, что бы ни выпускал этот всемирно известный итальянский университетский профессор и писатель — романы, эссе или даже пособие по написанию дипломной работы — всё это имеет и определенную политическую направленность. Мировоззренческие и общественно-политические ориентиры Умберто Эко можно описать как гуманизм и антиклерикализм. Причем преподносятся

они в яркой художественной или публицистической форме, изобретательно, со своеобразным авторским юмором⁴.

И всё-таки есть в современной Европе еще более яркий образец независимого интеллектуала — это Юрген Хабермас. Масштабный 85-летний ветеран, последний из столпов знаменитой Франкфуртской школы, настойчивый борец с попытками оправдания или замалчивания преступлений нацизма⁵, он — автор многих авторитетных трудов, включая работы по дискурсивной этике, нацеленной на создание гражданского общества, и выступления об ответственности публичных интеллектуалов за развитие современного мира. Активное участие Ю. Хабермаса в общественной и интеллектуальной жизни современной Европы производит сильное впечатление. В самом деле, находящийся уже в преклонных годах ученый успевает не только выпускать фундаментальные труды, но и писать статьи разнообразной тематики, давать интервью, произносить множество речей.

Главная особенность научного творчества Хабермаса, его общественное лицо — это увлеченность проблемами построения гражданского общества и преобразования современной объединяющейся Европы⁶. Он — настоящий апологет европейской интеграции. Причем одновременно и ее теоретик, и критик, и постоянный аналитик текущих процессов. Так, у него вызвало крайнюю обеспокоенность возрождение в Германии 1990-х годов националистических настроений⁷. Наконец, профессор Хабермас еще и постоянный участник политических собраний и дебатов. Например, в феврале 2014 года он появился на заседании руководства Социал-демократической партии Германии и выступил за принятие энергичных мер по преодолению кризиса нынешней общеевропейской стратегии⁸.

Можно утверждать, что Хабермас является не только горячим и искренним сторонником единой Европы, но теоретиком, который пытается дать концептуальное обоснование этому процессу, с тем чтобы сделать его наиболее результативным и необратимым. В отличие от евробюрократов из Брюсселя и Страсбурга он делает акцент не на политико-административные механизмы, а на усиление солидарности народов Европы и усвоение общих демократических ценностей, на преодолевающее национальный эгоизм и местный партикуляризм стратегическое

сотрудничество. Причем все последние 40 лет Хабермас выступает как либерал, глобалист, а в некоторых существенных проблемах и как конформист.

Без конформизма теперь уже очень трудно представить творчество этого маститого германского мыслителя. Особенно определенно специфика интеллектуального самовыражения почтенного профессора проявляет себя в его благодарственной речи 9 марта 2006 года по случаю вручения ему очередной премии — на сей раз премии имени Бруно Крайского. Само содержание речи выглядит вполне оригинальным, что называется, авторским. Оно насыщено многими наблюдениями и соображениями о трудностях и проблемах, встающих перед независимым интеллектуалом в современном мире.

Хабермас выделяет и такие качества, необходимые в настоящее время западным интеллектуалам, которые нельзя считать безусловно удобными для существующей системы. Тут и «чуткость к нарушениям нормативной инфраструктуры общественного организма», и «умение видеть, чего не хватает», или «что могло быть иначе», и «немного фантазии, чтобы разрабатывать альтернативы», и «немного отваги, чтобы инициировать поляризацию позиций», и, наконец, способность «выступить со скандальным заявлением, опубликовать памфлет». Вместе с тем германский ученый никогда не забывает о благоразумии. Вот почему он предупреждает, что интеллектуал «обязан обладать достаточным политическим здравомыслием, чтобы не допускать чрезмерных (избыточно эмоциональных) реакций»⁹.

В конце своей речи маститый германский профессор не без изящества высказал комплименты тому европейскому политическому бомонду, который вознаграждает его научные изыскания: «Те политики, чья мысль опережает остальных, могут послужить образцом для интеллектуалов»¹⁰.

«Аутсайдеры-нонконформисты» также являются весьма узнаваемым типом среди западных интеллектуалов. В этой связи уместно напомнить одно из соображений известного американского мыслителя Герберта Маркузе уже полувековой давности. Как подчеркивал Г. Маркузе, в условиях технологического прогресса в современном мире поле самовыражения индивидуальности для независимого интеллектуализма всё более сжимается

между властью и подчиненным ей «одномерным человеком»: «Прогресс в области управления суживает сферу, в которой индивиды еще могут быть “в себе” и “для себя”, и целиком превращает их в объекты. Возможность развивать сознание становится опасной прерогативой аутсайдеров...»¹¹

Если называть тех современных европейских интеллектуалов, кто стремился последовательно не примыкать к политическому истеблишменту, то на правом фланге интеллектуальной карты Европы такими уже в течение десятилетий остаются французские «новые правые» во главе с Аленом де Бенуа, а на левом фланге — британские и другие «новые левые», объединившиеся вокруг журнала «New Left Review».

Любопытно, что о Юргене Хабермаса Ален де Бенуа отзывается с явной иронией: «Юрген Хабермас в своей теории “коммуникативного действия” наивно утверждает, что демократия приведет к “взаимопониманию” общественных деятелей, которые, основываясь на законах разумности и взаимной выгоды (где он нашел таких “общественных деятелей”?), освободят друг друга в планомерном и поступательном развитии»¹². Для А. де Бенуа подобные суждения Хабермаса — не что иное, как типичный образец «минималистического гуманизма», который является «камертоном для всей политически корректной» идеологии в современном западном обществе.

Несколько по-иному понимают истоки конформизма интеллектуалов в современном мире британские «новые левые». Весьма симптоматично то, что для критики конформизма один из основателей журнала «New Left Review» — известный британский публицист и исследователь Перри Андерсон использует опять-таки интеллектуальные изыскания Юргена Хабермаса.

Книги и выступления Хабермаса для П. Андерсона оказываются как нельзя более убедительным свидетельством несостоятельности «эгоцентрического европеизма». «Лауреат бесчисленных европейских премий, имеющий больше наград, чем советский генерал эпохи Брежнева, Хабермас, несомненно, отчасти стал жертвой собственной значимости...» — язвительно замечает Андерсон¹³. И приводит главный довод в обличении германской знаменитости: Хабермас «восторженно поддержал то, что он еще недавно резко осуждал». А именно — немецкий ученый стал

восхвалять Лиссабонский договор. Поэтому итоговая оценка Андерсоном творчества Хабермаса совершенно неутешительна: «Стремление Хабермаса превратить Европу в пуп мира, не особенно интересуясь повседневной жизнью ее обитателей, таким образом, отражает устойчивую тенденцию»¹⁴. Тенденцию, уточнили бы мы, к усилению конформизма среди европейских интеллектуалов нашего времени.

Для западных, в частности для европейских, интеллектуалов, в отличие от российских интеллигентов, главной линией разделения методов и форм участия в политической и общественной жизни является не столько деление на «своих» и «чужих», сколько расслоение по типу отношения к сложившейся системе власти — либо это та или иная вариация конформизма («бессильные люди», «независимые эксперты»), либо различные оттенки неконформизма. Подобное положение в среде западных интеллектуалов не вызывает особого удивления — ведь в странах Европы и Северной Америки как существующая политическая система, так и гражданское общество всё еще достаточно устойчивы и стабильны. Они способны не только интегрировать разные течения общественной мысли, но и до известных пределов проявлять терпимость к несогласным — при том, правда, существенном условии, если такие несогласные согласятся быть достаточно миролюбивыми аутсайдерами.

Итак, на наш взгляд, Юрген Хабермас является образцом независимого интеллектуала в современной Европе, и тем не менее его реальное влияние на социально-политические процессы последних десятилетий всё больше и больше сужается. Это весьма неожиданно иллюстрируется оригинальной концепцией французского ученого-неконформиста нашего времени Мишеля Сюриа, рассматривающего современного западного интеллектуала как «диковинную зверушку», в которую тот превратился под тяжким господством властвующей элиты¹⁵. Хотя несомненно, что маститый профессор Юрген Хабермас более похож на свободно пилотирующего мыслителя, утверждающего свой суперпроект единой Европы.

В заключение отметим, что научные исследования политического участия интеллектуалов в различных странах и регионах мира в те или иные исторические эпохи поставили много

интересных, но далеких от своего решения проблем. Дальнейшее их изучение представляется делом весьма перспективным в научном поиске и актуальным с точки зрения более определенной интерпретации социально-политических трансформаций в современном мире.

Примечания

- ¹ *Foucault M., Deleuze G.* The intellectuals and power // *Telos*. 1973. № 16. P. 103—109; *Florida R.* The Rise of the Creative Class. N. Y. : Perseus Book Group, 2002; *Kellner D.* Intellectuals, the new public spheres, and techno-politics // *New Political Science*. 1997. № 41/42. P. 169—188; *Lash Ch.* The New Radicalism in America (1889—1963) : The Intellectual as a Social Type. N. Y. : Knopf, 1965; *Sabour M.* Between patronage and autonomy : the position of intellectuals in modern society // *Knowledge and Power: the Changing Role of European Intellectuals* / Ed. by P. K. Lawrence with M. Dobler. Aldershot : Avebury, 1996. P. 11—24; *Salamini L.* Intellectuals and politics: from Marx to Berlinguer // *International Journal of Comparative Sociology*. 1989. № 30 (3/4). P. 139—158; *Wrong D.* Knowledge and power: intellectuals, universities, and the class structure // *The Modern Condition : Essays at Century's End*. Stanford (CA) : Stanford University Press, 1998. P. 114—130; и др.
- ² *Черноперов В. Л., Усманов С. М.* Вместо введения : российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения // *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности : коллектив. моногр. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов*. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2014. С. 20—28.
- ³ *Миллс Ч. Р.* Бессильные люди : роль интеллектуалов в обществе // *Неприкосновенный запас : дебаты о политике и культуре*. 2014. № 2 (94). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/rana-istiny-ili-protivoborstvo-yazykov> (дата обращения: 21.07.2014).
- ⁴ Примером сочетания глубины философии и юмора У. Эко может служить, например, его работа «Правила жизни Умберто Эко». URL: <http://esquire.ru/wil/umberto-eco> (дата обращения: 16.11.2014).
- ⁵ *Борозняк А. И.* Искупление : нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого. М. : Пик, 1999. С. 119—120, 163, 168; *Борозняк А. И.* Прошлое, которое не уходит : очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2004. С. 32—33, 212.

- ⁶ Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / общ. ред. И. И. Мюрберг. М. : Весь Мир, 2003. С. 106, 284, 287—288, 296—317, 327—340, 342—344, 346—351 ; и др.
- ⁷ Habermas J. Über den öffentlichen Gebrauch der Historie // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1997. № 4. S. 409 ; Борозняк А. И. Искупление. С. 173.
- ⁸ Doemens K. Jurgен Habermas Kritik an Europa Krisenpolitik // Berliner Zeitung. 2014. 2. Februar. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/politik/juergen-habermas-kritik-an-europas-krisenpolitik,10808018,26067366.html> (дата обращения: 18.11.2014).
- ⁹ Хабермас Ю. Первым почуять важное : что отличает интеллектуала? // Неприкосновенный запас. 2006. № 3 (47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html> (дата обращения: 16.11.2014).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Маркузе Г. Разум и революция : Гегель и становление социальной теории. СПб. : Владимир Даль, 2000. С. 531.
- ¹² Дэвид-Барни (Бенуа А. де). Интеллектуальный пейзаж современной Франции. URL: <http://my.arcto.ru/public/9benoist.htm> (дата обращения: 13.12.2014).
- ¹³ Anderson P. L'Europe face à l'hégémonie allemande // Le Monde Diplomatique. 2012. Decembre. URL: <http://www.monde-diplomatique.fr/2012/12/ANDERSON/48468> (дата обращения: 19.10.2014).
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Сюрпа М. Портрет интеллектуала в обличье домашней зверушки. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1020295/71/Respublika_slovesnosti_Franciya_v_mirovoy_intellektualnoy_kulture.html (дата обращения: 02.11.2014).

Д. А. Макеев, С. А. Черемных

**НУБАР-ПАША:
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
ЕГИПТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

С установлением в Египте колониального режима британской администрацией осуществлялись преобразования в сферах управления, юстиции, армии, образования, сельского хозяйства, здравоохранения. Все эти мероприятия сопровождались насаждением британских советников в министерства и ведомства Египта. В административном аппарате страны были сохранены служащие-египтяне, отличавшиеся профессиональными качествами и образованностью.

Отношение египетского общества к колонизаторам не было однозначным. С одной стороны, феодально-аристократическая знать шла на тесное сотрудничество с оккупантами, видя в них опору и поддержку в борьбе с антифеодальными выступлениями народных масс. С другой стороны, формировавшаяся национальная буржуазия готова была воспользоваться протестным движением патриотов в целях достижения своих политических и экономических целей в условиях колониального режима. Выразителем интересов социальных слоев и классов колониального Египта становилась национальная интеллигенция. Ее представители стремились избежать каких-либо насильственных конфликтов египетских патриотов с британскими колонизаторами. Они пытались изыскивать наиболее гибкие формы и средства при решении сложных вопросов развития своей страны в новых условиях.

© Макеев Д. А., Черемных С. А., 2015

Макеев Дмитрий Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета.

Черемных Светлана Анатольевна — доцент кафедры международного туризма и межкультурной коммуникации Московского психолого-социального университета (Муромский филиал).

Нередко представители традиционной элиты доколониального времени эволюционировали в сторону новой интеллигенции, формировавшейся в условиях колониального режима.

Одним из представителей интеллектуальной элиты аристократического Египта, воспринявшим политические и культурные взгляды и идеи патриотической интеллигенции, был Нубар-паша Нубарян. В исторической литературе о его государственной и общественной деятельности свидетельств содержится не много. Биографические сведения о нем приводятся в Британской энциклопедии (т. 16, с. 584), в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 21, с. 413). В работах советских исследователей Нубар-паша оценивается как реакционер, проанглийский политик, сторонник властей оккупационного режима¹. Однако обращение к материалам Архива внешней политики Российской империи, представленным донесениями и информационно-аналитическими сообщениями русских консулов, обзорами материалов египетских газет, а также публикациями зарубежных авторов², позволяет усомниться в столь категоричных оценках одного из «искуснейших» дипломатов Египта второй половины XIX столетия.

Нубар-паша Нубарян (1825—1899) проявил себя в качестве государственного служащего в сложный период истории египетского государства. Он занимал важнейшие посты в египетской администрации с 1849 по 1895 г. Выходец из семьи богатого армянского торговца, христианина-католика, он принадлежал к национальным меньшинствам общества Египта. Нубар получил блестящее образование, учился в Швейцарии и Франции, овладел несколькими европейскими языками. Многие его современники признавали его блестящую эрудицию, способности быстрого восприятия и смелого обобщения, дар красноречия. Колвин считал, что «в искусстве дипломатии, знании языков, личном обаянии, таланте убеждать Нубар не имел равных в Египте»³. В 1840 и 1853 гг. Нубару поручались дипломатические миссии в Лондон и Вену. При правлении Аббаса он участвовал в переговорах с европейцами о строительстве Суэцкого канала. В 1863 г. правитель Египта удостоил Нубара титула паши и назначил министром общественных работ, потом министром иностранных дел. Благодаря его усилиям в 1876 г. произошла замена титула вали (правителя) Египта на титул хедив (государь). Нубар-паша

проявил себя высокообразованным интеллектуалом своего времени. С его именем связана тяжелая страница в истории колонизации Египта. При хедиве Исмаиле он возглавил хедивское правительство (1878—1879). В его правительственном кабинете ряд министерских постов заняли иностранцы: британец, француз, итальянец. Британский сэр Риверс Вильсон стал министром финансов. Правительство Нубар-паши шло на многие финансовые уступки европейской компании по сооружению Суэцкого канала. Уступчивость иностранному капиталу вызывала недовольство в египетском обществе. 7 апреля 1879 г. хедив Исмаил объявил об отставке «европейского кабинета», на смену ему было сформировано правительство из египтян во главе с Шериф-пашой. Это решение вызвало «ярость у европейских держав», и османский султан принял решение о низложении египетского хедива⁴. 26 июля 1879 г. Исмаилу пришлось отречься от престола, хедивом был провозглашен его сын Тауфик. При новом хедиве Нубар-паша был восстановлен во главе хедивского правительства. С этого времени за ним закрепилось название агента иностранного капитала⁵.

Долгие годы жизни и учебы во Франции оказали влияние на формирование мировоззрения Нубара и определили его позитивное отношение к французскому просветительству. Увлекаясь идеями зарождавшегося в Египте просветительства, Нубар призывал египтян к заимствованию западной культуры и ратовал за внедрение в своей стране европейских норм и форм государственного устройства. По его мнению, «власть монарха должна уступить место закону». В европеизации страны, в создании судов по европейскому образцу он видел средство ограничения деспотичной власти хедива и путь к преодолению феодального застоя, к укреплению экономических позиций формировавшейся национальной буржуазии.

Оказавшись свидетелем военного захвата Египта Британской империей в 1882 г., Нубар-паша намеревался облегчить положение своей родины. После введения британскими оккупантами Органического закона 1883 г., определившего колониальное господство англичан в Египте, хедив Тауфик сохранил Нубар-пашу премьер-министром своего правительства. С 1884 г. проявилась реальная роль Нубар-паши в социально-политической жизни колониального Египта. В первую очередь он, как глава хедивского правительства, попытался осуществить, в пределах

правовых норм, дозволенных британскими оккупантами, реорганизацию органов внутреннего управления. Он стремился сохранить самостоятельность египтян в управлении органами юстиции и внутренних дел. Из всех государственных учреждений ведомство внутренних дел играло важную роль в жизни Египта, а его чиновники находились в непосредственных контактах с местным населением. По причине слабого знания арабского языка служащих-британцев в этом ведомстве было мало. Британская колониальная администрация системой инспекций и контроля стремилась поставить всю службу внутренних дел под свой жесткий надзор.

Системой «управления инспекцией» британцы пытались подчинить своей воле провинциальные органы местной власти Египта и, тем самым, усилить свое влияние не только в крупных городах, но и в самых отдаленных районах и поселениях. «Управление инспекцией» было весьма непопулярной мерой и критиковалось даже сторонниками британского колониального режима⁶.

В реформах британской администрации относительно органов министерства внутренних дел Нубар-паша увидел нечто вроде социальной революции, не приемлемой египтянами. С ее помощью британцы подорвали среди населения авторитет хедивских правителей на местах (мудиров). При каждом органе местного управления вводилась должность инспектора-англичанина, которому вменялся строжайший надзор над местными властными органами. Противодействием этой системе Нубар-паша смог нарушить планы англичан и отодвинуть их «реформу» системы внутренних дел на несколько лет.

В Египет для проталкивания реформ был направлен Клиффорд Ллойд, британский администратор из Ирландии. Ему поручалось руководство в египетском министерстве внутренних дел. По инициативе Ллойда в провинциальные полицейские отряды направляли командовать английских офицеров. Они наделялись большей властью, чем губернаторы провинции, у которых была изъята всякая возможность непосредственного надзора за порядком⁷. Такое положение дел ставило под контроль британской администрации всё, даже отдаленные районы и округа страны.

Несмотря на присутствие английских чиновников, в провинциях Египта царил полнейший беспорядок. Генеральный консул России в Каире М. Хитрово писал в одном из своих отчетов

министру иностранных дел в Санкт-Петербург: «Отовсюду раздаются жалобы на отсутствие безопасности, на грабежи и убийства и на полное бездействие властей. Насажденные всюду английскими советниками английские офицеры-инспекторы полиции, не знакомые ни со страной, ни даже с языком, теряют всё свое время на пустые пререкания с местными египетскими властями. Администрация и полиция всюду в полном расстройстве»⁸.

Для наведения порядка в стране Нубар-паша пытался перестроить полицию, «устранить из ее провинциальных органов английский элемент»⁹, вернуть губернаторам провинций ту власть, которую они имели до оккупации страны англичанами, что могло бы стать гарантом порядка и безопасности среди населения. Главной же целью его было возвращение руководства полицией хедивскому министерству внутренних дел.

Нубар-паша реально оценивал обстановку в стране и правильно рассчитывал свои силы в единоборстве с К. Ллойдом. После длительных переговоров с британским правительством ему удалось сместить английского советника с занимаемого поста, причем без замещения этой должности другим лицом¹⁰. В донесении министру иностранных дел Гирсу Хитрово писал: «Еще недавно мы видели Клиффорда Ллойда неограниченным управляющим Египтом, смещающего и назначающего чиновников, отменяющего законы, всё ломающего по реформаторской своей инициативе, одним росчерком пера бесцеремонно уничтожающего хедивские декреты. Египетские министры были не более как простые и беспрекословные исполнители английских предписаний. Теперь же он полностью устранен от управления министерством»¹¹.

В проведении антибританской деятельности Нубар-паша сталкивался с сопротивлением британского генерального консула лорда Кромера. В беседе с временным представителем генерального консула России в Каире А. Щегловым, жена Нубар-паши призналась в том, что лорд Кромер, намереваясь помешать Нубару осуществить реорганизацию полиции, явился к хедиву Тауфику и пригрозил возобновить в стране беспорядки и низложить его в случае, если тот и в дальнейшем будет поддерживать своего первого министра¹².

В результате борьба Нубара с Кромером по случаю реорганизации полиции завершилась компромиссом, согласно которому

полиция перестала существовать как отдельное ведомство и перешла в прямое ведение ведомства внутренних дел, при нем было учреждено особое отделение общественной безопасности. Поставленные во главе этого отделения два английских офицера и два полицейских инспектора не обладали реальной властью, так как все распоряжения должны были отдавать министр внутренних дел или мудир¹³. Роль англичан, в принципе, была ограничена. Таким образом, Нубар достиг своей главной цели — передачи управления полицией в руки хедивского министра внутренних дел. Хотя, по его же признанию, весь дальнейший ход событий зависел от личной энергии и способностей министра внутренних дел, с одной стороны, и начальника отделения безопасности и провинциальных инспекторов — с другой¹⁴. Нубару удалось отстоять важную область в системе внутреннего управления. Власть провинциальных мудиров осталась ненарушенной.

В западной историографии подтверждается факт антибританской деятельности Нубара и ставится под сомнение его исключительная зависимость от Англии. Отмечается, что проведение британскими властями так называемых «реформ» в области министерства внутренних дел и юстиции вплоть до 1888 г., когда Нубар-паша являлся премьер-министром, терпело неудачу¹⁵. Наиболее успешно отстаивались местные суды от стремлений англичан подчинить их своему бесконтрольному влиянию. В донесении министру иностранных дел России Н. К. Гирсу русский генеральный консул Кояндер заметил: «Нубар прилагает в последнее время старания к устранению чрезмерного и постоянного вмешательства Англии во внутренние дела страны»¹⁶. В результате давления со стороны Нубара местные суды были ограждены от подготовленных британскими чиновниками реформ¹⁷.

Подвергая сомнению проект британской реформы провинциальной полиции, Нубар, высказываясь в пользу французского кодекса, привел следующий аргумент: так как последний является единственным сводом гражданских законов, используемых в пределах Османской империи и действующих также в смешанных судах, и составляющих базу для подготовки новых кадров египетских судей, то «менять этот свод не следовало»¹⁸.

Поездка в Лондон в июле 1887 г. явилась последней попыткой Нубара приостановить дальнейшее усиление позиций

Великобритании в Египте. Во время пребывания в Лондоне ему представилась возможность встретиться с лордом Солсбери. В ходе беседы Нубар поставил вопрос об ограничении влияния английских советников, в частности Кромера, в египетской полиции. Визит Нубар-паши в Лондон стал причиной окончательного разрыва без того уже натянутых его отношений с Кромером¹⁹. Английский генеральный консул не доверял Нубару, но был вынужден терпеть его присутствие, учитывая отличное знание премьером насущных проблем Египта. В своих мемуарах Кромер называет Нубара «блестящим дипломатом», но «плохим администратором»²⁰. Подобное мнение основывалось, на наш взгляд, на том, что Нубару вменялись в вину неосуществленные в интересах англичан преобразования. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что в своей деятельности Нубар противился приведению в исполнение некоторых «реформаторских» проектов англичан, которые могли нанести ущерб его стране.

К концу 1888 г. английская администрация дождалась удобного случая, чтобы отстранить «неудобного» Нубара от государственной деятельности. Финансовый кризис был преодолен, несколько стабилизировалось положение в Судане, улеглись беспорядки, связанные с последствиями восстания Ораби. В Каире умер глава египетской жандармерии англичанин Валентин Бейкер. Нубар настаивал на назначении на этот пост египтянина²¹. Поездка в Лондон в феврале 1888 г. со специальной миссией по этому вопросу товарища министра иностранных дел Тигран-паши не дала желаемых результатов. Она была настолько неприятна Кромеру, что он обратился в столицу с просьбой отказать в официальном приеме египетскому посланцу. Поэтому Тиграну был оказан весьма сухой прием советниками королевы Паунсом и Солсбери²².

Хедив и его приближенные предпочли не вмешиваться в спор между Нубаром и Кромером. Положение самого хедива Тауфика было довольно шатким. До его сведения доходили слухи о том, что экс-хедив Исмаил находится в Константинополе и полон решимости добиться восстановления своей былой власти и хедивского трона²³. Тауфик терял авторитет не только у широких слоев населения, но и у британских властей. Так, в 1885 г. по случаю празднования дня рождения английской королевы Виктории в Каире и Александрии были проведены парадные смотры

британских войск. Военное начальство игнорировало присутствие на них хедива, а английские войска даже не отдали чести появившемуся на балконе египетскому правителю²⁴. После визита Тиграна в Лондон отношения между хедивом и Кромером заметно улучшились. Это проявилось и в том, что Тауфик перестал во всех вопросах поддерживать своего первого министра. Также по просьбе лорда Кромера хедив поручил ведение переговоров относительно организации новой полиции не Нубару, а его коллеге — министру внутренних дел²⁵. 2 июня 1888 г. Тауфик уволил Нубара без его согласия и назначил премьер-министром Риادا²⁶.

Египетская буржуазия, интересы которой представлял Нубар-паша и его ближайшее окружение, еще не имела объективных возможностей радикально повлиять на изменения существующего режима, хотя и понимала необходимость проведения реформ. Хедивское правительство не представляло серьезной оппозиции британскому режиму, а египетские министры превратились в послушные орудия в руках англичан²⁷. Примечательны слова Нубар-паши, сказанные в это время: «В Египте нет правительства — есть управление»²⁸. Привилегированные слои аристократии продолжали считать необходимым сотрудничество с англичанами и шли на уступки британской администрации. Отсутствие поддержки со стороны правящей египетской элиты сыграло немаловажную роль в смещении Нубара с поста премьер-министра. Нубар, по справедливому замечанию П. Мансфилда, как армянин-христианин не мог стать национальным лидером, каковы бы ни были его личные достижения в борьбе против «административной оккупации»²⁹. Иностранцы, проживавшие в Египте и терпевшие убытки в торговых делах, приписывали свои неудачи долговременному пребыванию у власти Нубара. Они надеялись, что с его устранением в Египте произойдут радикальные перемены³⁰.

Не нашел Нубар-паша реальной поддержки и у широких слоев египетского общества. Существенной причиной тому стала принадлежность его к христианству и торговой части национальной буржуазии. Внутри мусульманской страны, да и за ее пределами Нубар не располагал силами, на которые мог опереться. В частных беседах с хедивом Аббасом II Хильми Нубар не раз выражал уверенность в том, что англичане должны покинуть

страну. Добиваться этой цели он предпочитал мирными средствами. Нубар-паша, видимо, обольщался тем, что британский контроль над Египтом не был полным, непосредственно британцы страной не управляли. Определенная степень самостоятельности сохранялась во всех ветвях египетской администрации³¹.

Знакомство с деятельностью Нубар-паши в качестве премьер-министра дает основание усомниться в его безропотной уступчивости оккупантам. Его сопротивление британскому администрированию сыграло важную роль в становлении антибританской оппозиции. В 1884 г. правительство Нубар-паши разрешило издание «Независимой газеты», учрежденной исламским реформатором Мухаммедом Абдо, выступавшим за европеизацию Египта. Затем стали издаваться политические газеты «Аль-Ватани» и «Миср», положившие начало распространению в стране освободительных идей. Позиция Нубар-паши вызывала недовольство главы британской администрации лорда Кромера. Отставку Нубара в июне 1888 г. британцы встретили весьма доброжелательно.

Следующий срок премьерства Нубар-паши был коротким. Молодой хедив Аббас II Хильми, не проявлявший дружественного расположения к британским оккупантам, пытался решать некоторые государственные дела без согласования с лордом Кромером. В 1893 г. хедив решился отстранить от постов четырех министров, лояльных к британцам, а вместо них в состав хедивского правительства были введены люди, выступавшие против политики британцев в Египте. В апреле 1894 г. Аббас II Хильми назначил премьер-министром больного и уставшего Нубар-пашу. В новых условиях Нубар-паша пытался добиться восстановления утраченной самостоятельности провинциальных мудиров в полицейских делах. Однако полицейские силы уже контролировались английскими инспекторами, а англичанин Элдон Горст вошел в министерство внутренних дел в качестве советника. В интересах предотвращения правительственного кризиса Нубар-паша в 1895 г. подал в отставку. В ноябре того же года он уехал в Париж, где вскоре умер. Впоследствии прах Нубар-паши был перевезен в Александрию.

В заключение отметим, что Нубар-паша едва ли был марионеткой в руках британцев. Он принадлежал к разряду египетской аристократии и был выразителем интересов, прежде всего тех ее групп, которые вовлекались в сферу предпринимательства.

В качестве лидирующей политической фигуры Египта, Нубар-паша на протяжении четверти века являлся не только связующим звеном в отношениях западной Британии и восточного Египта, но и был одним из немногих, кто разбирался в сложном механизме египетского административного управления³². В критические годы он брал на себя ответственность за государственные дела. Оказавшись перед свершившимся фактом оккупации Египта, Нубар признавал, что невозможно стало управлять страной «без помощи какой-либо иностранной державы»³³. При этом он проявлял стремление к заимствованию западной культуры и европейских форм государственного устройства. Подтверждением тому стали его попытки создания судов по европейскому образцу.

Среди административно-государственных деятелей колониального Египта проявлялось несогласие с колониальной администрацией, их поддерживал Нубар-паша. Обладая хотя и ограниченными властными полномочиями, он пытался предпринимать определенные шаги по сохранению некоторой самостоятельности своей страны. До определенного времени Нубар-паша был необходим британцам для сохранения спокойствия в стране и для удержания египетской элиты под своим контролем. Британцы вынуждены были считаться с Нубар-пашой до суданского кризиса 90-х гг. XIX в., после которого контроль британской администрации над оккупированным Египтом был заметно ужесточен.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1972. С. 278; *Иванов Н. А.* Египет // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976. С. 192—193.
- ² См., напр.: *Tignor R. L.* Modernization and British Colonial Rule in Egypt, 1882—1914. Princeton, 1966.
- ³ *Colvin A.* The Making of Modern Egypt. N. Y., 1906. P. 53—54; *Milner A.* England in Egypt. L., 1892. P. 142—143.
- ⁴ *Хамруш А.* Революция 23 июля 1952 г. в Египте: очерки истории (сокр. пер. с араб.). М., 1984. С. 31.
- ⁵ *Ротштейн Ф. А.* Захват и закабаление Египта. М., 1959. С. 63—72.
- ⁶ *Low S.* Egypt in Transition. L., 1914. P. 237—238.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. 1887. Л. 150—152.

- ⁸ Там же. 1884. Л. 14.
- ⁹ Там же. 1888. Л. 18—26.
- ¹⁰ Там же. Л. 18—26.
- ¹¹ Там же. Ф. Политархив. 1884. Л. 17.
- ¹² Там же. 1888. Л. 41—46.
- ¹³ Там же. Л. 30—33.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Baer G.* Studies in Social History of Modern Egypt. Chicago, 1969. P. 164—166 ; *Berger M.* Bureaucracy and Society in Modern Egypt. Princeton, 1957. P. 27 ; *Chirol V.* The Egyptian problem. L., 1921. P. 76.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. 1888. Л. 15—17.
- ¹⁷ Law Reform in Egypt, 1850—1950 : Political Change in Modern Egypt. L., 1968. P. 220.
- ¹⁸ *Marlowe J.* Anglo-Egyptian Relations, 1800—1953. L., 1965. P. 183.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. 1887. Л. 150—152.
- ²⁰ *Cromer E.* Modern Egypt. L., 1908. Vol. 2. P. 335.
- ²¹ АВПРИ. Ф. Политархив. 1888. Л. 18—26.
- ²² Там же. Л. 27—28.
- ²³ Там же. Ф. Политархив. 1887. Л. 105—106.
- ²⁴ Там же. 1885. Л. 202—203.
- ²⁵ Там же. 1888. Л. 30, 33.
- ²⁶ Там же. Л. 67—78.
- ²⁷ Там же. Ф. Политархив. 1883. Л. 1—3.
- ²⁸ *Cromer E.* Op. cit. P. 262.
- ²⁹ *Mansfield P.* The British in Egypt. L., 1971. P. 89.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. 1888. Л. 67—78.
- ³¹ *Tignor R. L.* Op. cit. P. 50.
- ³² *Marlowe J.* Op. cit. P. 180.
- ³³ АВПРИ. Ф. Политархив. 1886. Оп. 482. Д. 824. Л. 229—234.

ББК 63.3(2)4-283.1

И. Д. Назаров

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДУХОВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Возникновение любого социального явления представляет собой не единообразный процесс, включающий заранее установленный перечень шаблонных этапов и стадий, а сложную, уникальную последовательность состояний, способствующих формированию конкретного социального явления с учетом внешних и внутренних условий, оказывающих влияние на развитие социума. Следует особенно подчеркнуть, что в рамках той или иной этнической целостности (этносистемы) процесс формирования социального явления будет различен, что, безусловно, окажет влияние на его конечное состояние. Именно поэтому исследование социальных явлений целесообразно начинать с основ, а именно предпосылок их возникновения и развития. Не является исключением из этого правила и церковное правосудие.

Православная христианская традиция, нашедшая свое высшее выражение и расцвет на территории Византийской империи, способствовала формированию жизнеспособной этнической целостности, не имеющей самоназвания. Принимая во внимание позицию Л. Н. Гумилёва, условно можно назвать ее византийской или ортодоксально христианской¹. Как отмечает Гумилёв,

© Назаров И. Д., 2015

Назаров Илья Дмитриевич — аспирант кафедры философии и религиоведения Шуйского филиала Ивановского государственного университета. nazarov_37@mail.ru.

«с V по X в. в православие были обращены болгары, сербы, венгры, чехи, русские и аланы, и тогда создалась суперэтническая культурная целостность православного мира, сломленная в XIII в. “франками”, “турками” и монголами. В XIV в. православная традиция воскресла в связи с возникновением великорусского народа. Но считать Московскую Русь культурной периферией Византии нельзя, ибо местные традиции сделали из Руси самостоятельную целостность»².

Принятие крещения в 988 году князем Владимиром от греческих царей (Василия II, Константина VIII) и Константинопольского патриарха Фотия послужило ключевым моментом для изменения культурной традиции и всего уклада жизни Древней Руси. Присланные из Константинополя первые митрополиты Михаил и Леонтий, а также их многочисленная свита, состоявшая в основном из священнослужителей, сформировали в древнерусском обществе слой так называемой «духовной интеллигенции»³, которой на территории Руси до того момента не существовало.

Справедливости ради следует отметить, что в рамках проблемы происхождения русской интеллигенции обсуждается вопрос о так называемой «прединтеллигенции». Особый интерес к этой проблеме проявил В. С. Меметов, который предлагает называть прединтеллигенцией образованных людей еще более раннего, дохристианского периода. При этом В. С. Меметов замечает, что «прединтеллигент» — это своеобразное «штучное произведение» окружающей его природы, общества и государства⁴. Указанный подход, бесспорно, является верным, однако следует отметить, что появление духовной интеллигенции на территории нашей страны было связано исключительно с ее христианским периодом. Именно в это время начинает формироваться социальная группа (духовное сословие), состоящая из людей, использующих свой разум для постановки теоретических проблем (проповедь христианских ценностей и идей, миссионерская деятельность, благотворительность, просвещение и т. д.) и нацеливающих людей на решение не только духовных, но и социально значимых задач.

Таким образом, греческая духовная интеллигенция не только «крестила» Русь, но и привносила на ее территорию собственный порядок организации церковной жизни, основные

идеи государственного устройства, правосудия и даже свою нормативно-правовую базу.

Указанные обстоятельства вынуждали киевских князей осуществлять легализацию положения, полномочий и нормативной базы, пришедшей на территорию Руси духовной интеллигенции. Именно с этой целью были приняты Церковные уставы Владимира и Ярослава, Грамота об области суда церковного Ростислава Мстиславовича Смоленского, Послание епископа Владимирского и др. Так, в Церковном уставе Владимира сказано: «Потом же, летом многим минувшем, разверше церковь святой Богородицы Десятинной и дал ей десятину по всей земле Русской и с княжения в соборную церковь: от всего князя суда десятую векшую, а из торгу десятую неделю⁵, а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита чудному Спасу и чудной его Матери. Потом, рассмотревши греческий Номоканон и обретохом в нем, оже не подобает сих судов и тяж князю судити ни боярам его ни тиунам; и яз, сгдав с своею княгинею с Анною и с своими детьми, дал есмь те суды церквам, — митрополиту и всем епископам по Русской земли. А посемь не надобе вступатися ни детем моим, ни внучатом, ни всему роду моему до века ни в люди церковные, ни во все суды их...»⁶

Данный текст указывает на то, что законодательное утверждение киевскими князьями судебной власти за епископами не только частично ограничило власть князя и его бояр, но и полностью вывело из-под его юрисдикции целый общественный слой (церковные люди). Следует отметить, что церковные люди были подсудны им не только как духовные чиновники, но и как граждане, т. е. они были подсудны не только по преступлениям против своей должности, но и по всем вообще, за исключением самых тяжких преступлений. Так, к церковным людям относились не только священнослужители и церковнослужители в прямом смысле этого слова — «игумен, поп, дьякон, дети их, попадья и кто в клиросе, игуменья, чернец, черница, проскурница», но также и лица, не связанные с церковью тем или иным саном или послушанием: «паломник», «лечець» (лекарь, врач), «прощенник» (вольно отпущенный холоп), «задшний человек» (холоп, челядинец, пожертвованный кем-либо в церковь или монастырь для спасения души), «стороник» (странник), «слепец», «хромец»

или находящиеся в опекаемом церковью религиозном или богоугодном учреждении: «манастыреве», «больнице», «гостиници» (дом для принятия бедных странников), «странноприминеце».

Особенно интересным является тот факт, что автор Устава, переносящий в своем воображении на территорию Руси византийские правила (нормы), предоставляет ведению епископов богоугодные заведения, которых на Руси в то время не было. Таким образом, получилась ситуация, когда процессуальная норма не соответствует объективно существующим жизненным реалиям (эффект «мертвой» правовой нормы).

Несколько другими судебными полномочиями обладали епископы в отношении мирян. Так как православную религию, церковь и епископов Русь заимствовала от Византии, то естественно было бы утверждать, что епископы в то время были поставлены совершенно в то же положение, что и в Византии. Тем не менее, обстоятельства и условия на территории Руси были иными, а потому и рецепция получила совершенно другое выражение. В Византии, где юридические понятия стояли на иной ступени развития, чем на Руси, государственный суд был делом исключительно публичным. Нанятый или каким бы то ни было способом назначенный правительством судья производил судебное разбирательство, постановлял приговор и тем кончалось его отношение с подсудимым — с них самих он не получал себе никакого вознаграждения за свой труд⁷.

Указанное правило было установлено правовой нормой, закрепленной, в частности, в Эклоге: «Господь (и спаситель) наш Иисус Христос сказал: “не судите, взирая на лица, но праведным судом судите”⁸; поэтому право должно удерживаться от всякого принятия подарков. Ибо написано: “Горе оправдывающим нечестивого ради даров и правду правдивого отметающим, их же корень будет как перст, а цвет рассеется как прах, так как не захотели исполнить господний закон. Потому что мзда и дары ослепляют очи мудрым”⁹».

Поэтому, стремясь всемерно положить предел корыстолюбию, мы решили выдавать жалование из нашего благочестивого саккелия славнейшему квестору, антиграфевсам, всем служащим в судебных органах с тем, чтобы они с какого бы то ни было (лица), судимого у них, ничего совершенно не брали,

дабы не исполнилось у нас сказанное пророком: “продаешь за серебро праведного”¹⁰, чтобы мы не навлекли из-за этого гнева божьего, став преступниками как нарушившие его заповеди»¹¹.

Особенностью же русского судопроизводства было то, что судей содержали сами судящиеся. Так, Е. Голубинский отмечает, что «с каждого судебного дела шла в пользу судей известная определенная пеня или пошлина»¹². Таким образом, в Византии вмешательство кого-либо постороннего в дело государственного суда не причиняло ни малейшего личного ущерба судьям, а, наоборот, могло способствовать уменьшению накопившихся дел, подлежащих разрешению. Напротив, на Руси всякое подобное вмешательство было посягательством на доходы судей, на их содержание. Вследствие этого, совершенно различного отношения судей к суду в Византии и на Руси очевидно, что пределы юрисдикции епископов в обеих странах не могли в полной мере соответствовать друг другу.

Так как в Византии было совершенно безразлично для судей, судили ли суд они сами или он был предоставлен кому-нибудь другому, то там (вследствие высокого понятия о нравственном уровне епископов) с учетом сложившегося обычая епископам было предоставлено весьма обширное право вмешательства в дело государственного суда. В то время, когда государство было языческим, у христиан установился обычай, в случае тяжб и ссор обращаться не к суду государственных языческих судей, но к суду судей собственных, добровольно избранных, в особенности к суду предстоятелей общин — епископов. Так как в самом существе суда не было никаких препятствий, чтобы этот обычай допустили и христианские императоры, то они и сделали это, предоставив епископам сначала неограниченное, а потом и несколько ограниченное право третейских судей, т. е. право, чтобы епископы, если бы тяжущиеся по взаимному согласию не захотели решать свое дело у светских судей, а захотели обратиться к ним, принимали таковых на суд и чтобы их решения имели совершенно ту же самую силу, как если бы они были приняты светскими судьями. Следует отметить, что это право предоставил епископам первый христианский император Константин Великий. Указание Константина было повторяемо несколько раз

и другими христианскими императорами и осталось в силе до падения Византийской империи.

На Руси, как было уже отмечено, существовало правило, что с каждого судебного дела в пользу судей шла известная пошлина. Таким образом, предоставление кому бы то ни было права третейского суда или права судящимся уклониться от суда светских судей значило лишить светских судей принадлежащих им доходов. По этой причине епископам на Руси не могли быть предоставлены права, предоставляемые им в Византии. Тем не менее, киевские князья почтили епископов значительной уступкой своих прав, только на Руси это было совсем иначе, чем в Византии, и уступка имела другой смысл и значение.

Не допуская вмешательства епископов в область суда светского, предполагая это вмешательство столько же невозможным, сколько вообще невозможно чье бы то ни было посягательство на чужую собственность, князья осуществили расширение области суда епископов за счет суда светского, т. е. не предоставляя епископам права постоянно вмешиваться во все светские дела; они предоставили их постоянному ведению лишь некоторые дела, подсудные светскому суду. Как отмечает Е. Голубинский, «в Греции через предоставление епископам права третейских судей свидетельствовало уважение к их высокому нравственному характеру; у нас уступкой епископам некоторых предметов суда гражданского делался им денежный дар, предоставлялось им несколько лишних статей дохода»¹³.

Какие же дела рассматривали пришедшие на Русь представители духовной интеллигенции? Прежде всего, суду епископов были предоставлены такие светские преступления, которые не считались преступлениями в языческой Руси: «А се церковнии суди: ...умычка¹⁴... в племени или в сватовстве поимутся¹⁵, ведоство, зеленичество, потвори, чародеяния, волхования, три: бляднею и зелии, еретичество... или кто молится под овином или в рощени или у воды...»¹⁶ Так как при Владимире представители светского суда, только что превратившиеся в христиан из язычников, не могли считаться надежными преследователями и карателями данных преступлений, то было естественно, что Владимир передал их ведению суда епископов. Те преступления, которые рассматривались судьями в языческой Руси, Владимир

не стал отдавать епископам, тем более что с финансовой точки зрения к этому имелись существенные препятствия (возможное недовольство светских судей).

Кроме указанных выше дел, суду епископа впоследствии подлежали: «1) тяжбы по рядным грамотам и брачным контрактам; 2) дела по духовным грамотам или завещаниям, о разделе наследства и о душеприказчиках, злоупотребляющих своими правами; 3) дела по кабалам и по жалобам рабов на своих господ и наоборот; 4) жалобы родителей на детей в непослушании или каких других неистовствах; 5) жалобы мужей на жен и жен на мужей в прелюбодеянии и иных делах; 6) дела о браке детей против воли родителей; 7) дела о незаконных детях, от которых отказываются их родители; 8) дела о насилии жен и детей; 9) тяжбы из-за так называемых поклажаев или отдачи вещей на сохранение; 10) дела об усыновлении и о наследстве детям усыновленным...»¹⁷ Указанные дела были переданы епископу не случайно, т. к. для рассмотрения одних из этих дел судья должен иметь специальные канонические сведения, при разбирательстве других судья должен быть не только судьей, но и нравственным увещателем. То и другое, будучи невозможным для светских судей, передавало эти дела в руки епископов.

Подводя итоги, следует отметить огромный вклад духовной интеллигенции в становление и развитие не только церковного, но и светского правосудия на территории Древней Руси. Обладая колоссальным практическим и теоретическим опытом в области канонического и светского права, византийская духовная интеллигенция заложила основы русской системы правосудия, которая, развиваясь и приспосабливаясь к местным особенностям, приобрела свое уникальное содержание.

Примечания

¹ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2007. С. 148.

² Там же. С. 148—149.

³ О становлении духовной интеллигенции см.: Назаров Ю. Н. Митрополит Иларион русский интеллигент XI столетия // Интеллигенция в России: традиции и новации. Иваново, 1997. С. 267—269; Возилов В. В., Назаров Ю. Н. Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории. Иваново, 2002. С. 204—225.

- ⁴ *Меметов В. С.* О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к «прединтеллигенции»: (Постановка вопроса) // *Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. Иваново, 1996.*
- ⁵ Т. е. право собирать на торгах разные базарные сборы через девять недель в десятую, или же право получать из этих сборов десятую часть.
- ⁶ *Бенешевич В. Н.* Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русского, кончая временем Петра Великого. Петроград, 1914. Вып. 1. С. 64—65.
- ⁷ Так называемые спортуллы (пошлины) взимаемы были не судьями, а судебными приставами и представляли собою то, что у нас было «хоженое» и «езженое» недельщиков. Судьям третейским Юстиниан предоставлял брать с обеих тяжущихся сторон некоторое вознаграждение за труд разбирательства гражданских дел при условии, что тяжба была не менее как о ста золотых монетах (гл. 9, новелла 82).
- ⁸ Иоанна 7: 24.
- ⁹ Амос 2:7; Исаия. 5: 23, 24.
- ¹⁰ Амос 2: 6.
- ¹¹ Эклога: Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 43.
- ¹² *Голубинский Е.* История Русской Церкви: период первый, киевский или домонгольский. М., 1901. Т. 1. С. 396.
- ¹³ Там же. С. 398.
- ¹⁴ Умыкание, похищение девиц для брака.
- ¹⁵ Т. е. в родстве или в сватовстве вступать в брак.
- ¹⁶ *Бенешевич В. Н.* Указ. соч. С. 65—66.
- ¹⁷ *Голубинский Е.* Указ. соч. С. 415.

АННОТАЦИИ

Меметов В. С., Комиссаров В. В. Научное наследие Э. А. Араб-Оглы через призму современности

Ключевые понятия: интеллигенция, научная фантастика, социология, футурология, историография, марксизм, научно-техническая революция.

Анализируется научное наследие отечественного философа и социолога Э. А. Араб-Оглы. Отмечается вклад ученого в анализ научной фантастики и развитие футурологии в СССР. Достижения Э. А. Араб-Оглы рассматриваются в контексте развития марксистского обществензнания.

Лыскова И. Е. Русская интеллигенция о роли общественного движения *University Extension* в процессе развития системы образования и персонального менеджмента в России конца XIX — начала XX века

Ключевые понятия: общее и профессиональное образование, общественное движение *University Extension*, самообразование, персональный менеджмент, научное наследие П. Н. Милюкова и Н. И. Кареева.

Раскрываются характерные особенности общественного движения *University Extension* в странах Западной Европы, Северной Америки и в России конца XIX — начала XX века. Подчеркивается значимость новых подходов к оценке научного наследия П. Н. Милюкова и Н. И. Кареева в аспекте развития образования и персонального менеджмента в России.

Зябликов А. В. Роль художественной интеллигенции в формировании идеологии «веховства»

Ключевые понятия: интеллигенция, художественная элита, государство, культура, политика, либерализм, радикализм.

Исследуется умственная и духовно-нравственная традиция, из которой вырастает «веховство». Отмечается, что именно художественная интеллигенция в течение долгого времени являлась последовательной выразительницей идей, ставших духовным фундаментом «веховст-

ва». Главные из них: творческое самовоспитание и политическое самоограничение личности, признание приоритета культуры над политикой, ориентация на почвенные, традиционные ценности.

Кузьмина В. М. Ретрансляция социокультурных символов советской эпохи в творчестве художественной интеллигенции Центрального Черноземья

Ключевые понятия: писатели, художники, драматурги, художественная интеллигенция, социокультурные символы, советская эпоха.

Рассматриваются различные направления и формы деятельности художественной интеллигенции Центрального Черноземья по формированию и ретрансляции социокультурных символов советской эпохи. Доказывается, что интеллигенция формировала новый тип советской личности, способной на самопожертвование ради коллективных и государственных интересов.

Комиссаров В. В. Интеллигенция, фантастика и социальные прогнозы в советском обществе 1960—80-х годов

Ключевые понятия: советская интеллигенция, научная фантастика, художественная литература, советское общество, социальные прогнозы.

Исследуются характерные черты отражения проблем советского общества в рамках научно-фантастической литературы, анализируются произведения ведущих авторов жанра. Акцентируется внимание на таких аспектах, как научные и социальные прогнозы в рамках произведений художественной литературы. Отмечаются особенности научной фантастики как специфического способа переосмысления действительности.

Пигорева О. В. Мировоззренческие поиски провинциальной учительской интеллигенции в конце 1980-х — середине 1990-х годов

Ключевые понятия: учительская интеллигенция, провинция, мировоззренческие поиски, новое образовательное пространство, религия, краеведение, школа.

Анализируется процесс изменения мировоззрения провинциальной учительской интеллигенции в конце 1980-х — середине 1990-х годов, оказавшейся перед необходимостью личного поиска ориентиров построения учебного процесса в условиях существовавшего в СССР — России идеологического микса, кризиса школьного преподавания, отказа от коммунистических идеалов, деполитизации школы.

Ахунзянова Ф. Т. Специфика русского религиозного сознания в рефлексии интеллигенции начала XX века

Ключевые понятия: русская интеллигенция, русский культурно-исторический тип, метафизические духовные основания, формообразующие начала русской культуры, западное и восточное начала, рационалистическая и христианская традиция, идеалы прогрессивного развития.

Рассматривается широкий спектр вопросов, связанных со спецификой религиозного сознания русской интеллигенции начала XX столетия. Подчеркивается пограничность западного и восточного начал, а также рационалистической и христианской традиций в культуре России. Выявляется неоднозначность восприятия интеллигентами идеалов прогрессивного развития.

Черноперов В. Л. Юрген Хабермас в контексте моделей социально-политической самореализации западных интеллектуалов

Ключевые понятия: западные интеллектуалы, Юрген Хабермас, социальная реализация, варианты политической вовлеченности.

Анализируется социальная самореализация германского профессора Юргена Хабермаса в контексте выделяемых автором трех вариантов политической вовлеченности европейских интеллектуалов: «бессильные люди», «независимые эксперты», «аутсайдеры-нонконформисты».

Макеев Д. А., Черемных С. А. Нубар-паша: представитель интеллектуальной элиты Египта второй половины XIX века

Ключевые понятия: Нубар-паша, колониальный режим, реформаторские инициативы, англо-египетские отношения.

Отражены основные этапы государственной деятельности лидера египетских интеллектуалов в период установления британского колониального режима. Отмечена роль Нубар-паши в формировании новой административной службы Египта.

Назаров И. Д. Роль и значение духовной интеллигенции при отправлении правосудия в Древней Руси

Ключевые понятия: духовная интеллигенция, правосудие, подсудность, рецепция.

Освещается вклад духовной интеллигенции в становление и развитие правосудия на территории Древней Руси. Анализ правовых источников свидетельствует о значительном влиянии Византии на формирование нормативной базы и правосудия Руси. Затрагиваются вопросы о судебных полномочиях древнерусского епископата по отношению к судебным спорам мирян и духовенства. Эмпирический материал представлен цитатами из правовых памятников Византии и Древней Руси, подтверждающих теоретические доводы автора.

Memetov V. S., Komissarov V. V. Scientific heritage of E. A. Arab-Oglou through the prism of the present-day

Key notions: intelligentsia, science fiction, sociology, futurology, historiography, Marxism, scientific and technical revolution.

In the article the scientific heritage of the Soviet philosopher and sociologist E. A. Arab-Oglou is analyzed. The scientist's contribution to the analysis of science fiction and development of futurology in the USSR is especially noted. Achievements of E. A. Arab-Oglou are considered in the context of Marxist social science development.

Lyskova I. E. Russian intelligentsia about the role of the social movement *University Extension* in the process of the education system development and personal management in Russia at the end of the 19th — the beginning of the 20th century

Key notions: general and professional education, social movement *University Extension*, self-education, personal management, P. N. Milyukov and N. I. Kareev's scientific heritage.

The article reveals the features of the social movement *University Extension* in the countries of Western Europe, North America and in Russia at the end of the 19th — the beginning of the 20th century. Emphasized is the importance of new approaches for an assessment of scientific heritage of P. N. Milyukov and N. I. Kareev in the aspect of the development of education and personal management in Russia.

Zyablikov A. V. The role of the art intelligentsia in the formation of «vehovstvo» ideology

Key notions: intelligentsia, art elite, state, culture, politics, liberalism, radicalism.

The article investigates the intellectual and spiritual moral tradition from which «vehovstvo» originated. It is noted that it was the art intelligentsia that managed to consistently express the ideas which became the spiritual base of «vehovstvo». Some of the most important ones were: creative self-education and political self-restriction of the personality, recognition of the priority of culture over politics, orientation to basic, traditional values.

Kuzmina V. M. Relaying socio-cultural symbols of the Soviet era in creativity of the art intelligentsia of the Central Chernozem region

Key notions: writers, artists, playwrights, art intelligentsia, socio-cultural symbols, Soviet era.

The article shows various directions and forms of activities of the art intelligentsia of the Central Chernozem region aimed at the formation and relaying socio-cultural symbols of the Soviet era. The author attempts to prove that intelligentsia formed a new type of the Soviet personality that was capable of self-sacrifice for the sake of collective and state interests.

Komissarov V. V. Intelligentsia, science fiction and social forecasts in the Soviet society of 1960-s — 1980-s

Key notions: Soviet intelligentsia, science fiction, fiction, Soviet society, social forecasts.

The article investigates typical features of the Soviet society problems reflection in science fiction; it analyzes the works of the leading authors of the genre. The focus is on such aspects as scientific and social forecasts in works of fiction. Noted are the features of science fiction as a specific way of reality reconsideration.

Pigoreva O. V. World outlook searches of the provincial teacher's intelligentsia at the end of 1980-s — the middle of the 1990-s

Key notions: teacher's intelligentsia, province, world outlook searches, new educational space, religion, study of local lore, school.

The article analyzes the process of outlook change of the provincial teacher's intelligentsia in the end of the 1980-s — the middle of the 1990-s. These people faced the necessity of personal search for guidelines to create an adequate academic process in the conditions of existing ideological mix in the USSR and Russia, crisis of school teaching, refusal of communist ideals, depoliticization of school.

Akhunzyanova F. T. Specificity of the Russian religious consciousness in intelligentsia's introspection at the beginning of the 20th century

Key notions: Russian intelligentsia, Russian cultural and historical type, metaphysical spiritual bases, basic foundations of the Russian culture, west and east beginnings, rationalistic and Christian tradition, ideals of progressive development.

The article discusses the wide range of questions, connected with specificity of religious consciousness of Russian intelligentsia in the beginning of the 20th century. Russian religious consciousness reflects both western and eastern beginnings; Russian culture also incorporates rationalistic and Christian traditions. Revealed is the ambiguity of intellectuals' perception of progressive development ideals.

Chernoperov V. L. Jurgen Habermas: reverses of self-actualization of an independent intellectual

Key notions: western intellectuals, Jurgen Habermas, social actualization, alternatives of political involvement.

The article deals with the issue of German professor Jurgen Habermas' social self-actualization in the context of outlined by the scholar three alternatives of European intellectuals political involvement: «powerless people», «independent experts», «outsiders-nonconformists».

Makeev D. A., Cheremnykh S. A. Nubar Pasha: a representative of Egypt's intellectual elite of the second half of the 19th century

Key notions: Nubar Pasha, colonial regime, reformatory initiatives, Anglo-Egyptian relations.

The article reflects the main stages of the state activity of the leader of the Egyptian intellectuals during the establishment of the British colonial regime. Noted is the role of Nubar Pasha in the formation of a new administrative service of Egypt.

Nazarov I. D. The role and value of the spiritual intelligentsia in the administration of justice in Ancient Russia

Key notions: spiritual intelligentsia, justice, jurisdiction, reception.

The article shows the contribution of the spiritual intelligentsia to the formation and development of justice on the territory of Ancient Russia. The analysis of legal sources indicates considerable influence of Byzantium on the formation of regulatory base and justice of Russia. Raised are the questions of judicial powers of the Old Russian episcopate in relation to judicial disputes of laymen and clergy. The empirical material is presented by quotes from the legal documents of Byzantium and Ancient Russia confirming theoretical views of the author.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2015 № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Дата выхода в свет 28.05.2015 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 6,7. Тираж 100 экз.
Заказ № 161. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

